

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ В. В. СИПОВСКІЙ.

Т. II, выщ. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА начала XIX в.

КЛАССИЧЕСКОЕ, РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ И НАРОДНИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЯ XIX в.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“

ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. II.

Томъ I былъ допущенъ Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособия въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія книга эта допускается и въ учебн. завед. Вѣд. Императрицы Маріи Феодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Бр. БАШМАКОВЫХЪ.
1908.

Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ II-ой томъ моей хрестоматіи, я надѣюсь, что онъ будетъ встрѣченъ такъ же благосклонно, какъ I-ый и III-ій. Обиліе литературнаго матеріала, включеннаго въ содержаніе этого II-го тома, заставило меня разбить его на **пять** выпусковъ.

Въ первый выпускъ включилъ я произведенія XVII вѣка, принадлежащія **романтическому направленію**. Многія изъ нихъ впервые появляются въ учебныхъ хрестоматіяхъ, между тѣмъ, ихъ интересъ настолько великъ, что ознакомленіе съ ними учениковъ является, на мой взглядъ, дѣломъ необходимымъ. Только при условіи широкаго и всесторонняго освѣщенія литературной жизни XVIII-го вѣка и начала XIX-го понятной сдѣлается дѣятельность Пушкина и Гоголя. Преслѣдуя своимъ учебникомъ („Исторія русской словесности“ въ 3-хъ т.) и хрестоматіей вполне опредѣленную цѣль—помочь строго-исторической постановкѣ школьнаго изученія русской литературы, глубже и шире освѣтить русское творчество прошлаго, я считаю необходимымъ и цѣлесообразнымъ то расширеніе изученія литературнаго матеріала, первымъ опытомъ котораго въ нашей педагогической литературѣ является моя „Историческая хрестоматія“.

Оглавление.

	СТРАН.
Классическое направленіе	1—25
ОЗЕРОВЪ	1—12
(„Эдишь въ Авинахъ“—1—6; „Димитрій Донской“—6—12).	
БАТЮШКОВЪ	12—25
„Къ Н. И. Гнѣдичу“—12; „Отрывокъ изъ элегій“—13; „Мои пенаты“—13; „Тѣнь друга“—15; „На развалинахъ замка въ Швеціи“—16; „Надежда“—18; „Къ другу“—18; „Переходъ черезъ Рейвъ“—19; „Умирающій Тассъ“—22; „Изреченіе Мельхиседека“—24.	
Реалистическое направленіе	25—101
И. ДМИТРИЕВЪ	25—34
Сатира „Чужой толкъ“—25; сказка „Причудница“—27; „Лиса-проповѣдница“—33.	
КРЫЛОВЪ	34—57
„Ворона и лисица“—34; „Дубъ и трость“—35; „Ларчикъ“—36; „Оракулъ“—36; „Мартышка и очки“—37; „Два Голубя“—37; „Червонецъ“—39; „Безбожники“—39; „Морь звѣрей“—40; „Волкъ на псарнѣ“—41; „Ручей“—42; „Щука и котъ“—43; „Волкъ и кукушка“—43; „Пѣтухъ и жемчужное зерно“—44; „Обозъ“—44; „Вороненокъ“—45; „Слонъ на воеводствѣ“—45; „Осель и соловей“—46; „Крестьянинъ въ бѣдѣ“—46; „Котъ и поваръ“—47; „Огородникъ и философъ“—47; „Муха и дорожные“—49; „Листы и корни“—49; „Тришкинъ кафтанъ“—50; „Конь и всадникъ“—50; „Демьянова уха“—51; „Водолазы“—51; „Сочинитель и разбойникъ“—53; „Крестьянинъ и змѣя“—54; „Два мужика“—55; „Прихожанинъ“—55; „Три мужика“—56; „Пестрыя овцы“—56.	
А. ИЗМАЙЛОВЪ	57—62
„Котъ и крыса“—57; „Два рака“—58; „Два крестьянина и облако“—58; „Священникъ и крестьянинъ“—59; „Дуракъ-Филатка“—60; „Встрѣча двухъ подругъ“—60; „Стрѣлки“—61.	
ГРИБОВЪДОВЪ	62—97
„Горе отъ ума“—62.	

	СТРАН.
НАРЪЖНЫЙ	97—118
„Бурсакъ“—97; „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“—115.	
Народническое направленіе	118—129
МЕРЗЛЯКОВЪ	118—120
„Среди долины ровныя“—118; „Я не думала ни о чемъ въ свѣтъ тужить“—119; „Чернобровый, черноглазый“—119.	
ЕРШОВЪ	120—124
„Конекъ-Горбунокъ“—120.	
РАСТОПЧИНЪ	124—129
„Мысли велухъ на Красномъ крыльцѣ“—124; „Изъ Афишъ 1812 года“—128.	

КЛАССИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Терминъ— „Классическое направление“ употребляется здѣсь совершенно условно,—Озерова и особенно Батюшкова,—можно съ полнымъ правомъ причислить и къ *романтикамъ*. Озеровъ стоитъ на самомъ переломѣ отъ классицизма къ романтизму,—въ своемъ „Фингалѣ“ онъ даже заимствуется сюжетомъ, взятымъ у романтиковъ; у него встрѣчаемъ мы, въ его „Эдипѣ“, желаніе уловить *couleur locale*—понять духъ жизни древнихъ грековъ,—все это черты, сближающія его съ романтиками.

Батюшкову, первому изъ русскихъ лириковъ, удалось почувствовать поэзію эпикуреизма,—и нѣкоторые образы, имъ выведенные (напр., „Вакханка“) полны античной красоты. Мы видѣли уже, что романтики, заинтересовавшись поэзію чуждыхъ народовъ и временъ, захотѣли уловить „духъ“ націй, эпохъ— „*couleur locale*“, „*historique*“, „*éthnographique*“; они не пренебрегли поэзіей Рима и Эллады, и реставрировали ее такъ, какъ это не удавалось псевдоклассикамъ. Какъ результатъ этихъ интересовъ романтизма къ античному міру, сложилась особая группа романтиковъ, носящая иногда названіе „неоклассиковъ“, или просто „классиковъ“, (но уже *не псевдоклассиковъ*); въ этомъ смыслѣ употребилъ я терминъ „Классическое направление“.

Озеровъ.

Эдипъ въ Афинахъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ. Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣнца!

Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили...

Антигона. Здѣсь камень вижу я;
надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ (*свѣши на камень*). Я мой
вѣкъ на камнѣ кончу семь.

Антигона. Ужасною тоской твои
всѣ мысли полны.

Эдипъ. Увы, какъ въ бурный день
свирѣпы гонять волны

И отвергаетъ брегъ обломки ко-
рабля,

Такъ небомъ и землей гонима жизнь
моя!

Антигона. Какимъ мечтаніемъ
смущаешь духъ унылой!

Эдипъ. Ахъ, я Эдипъ!

Антигона. Увы, ты съ большей
прежде силой

Несправедливый гнѣвъ судьбы своей
сносилъ!

Эдипъ. Печальну жизнь влачить
недостаетъ мнѣ силъ.

Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, оста-
лися мнѣ очи;

Дни ясны для меня подобны мрач-
ной ночи.

Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ
взоръ

Ни красоты долины, ни возвышен-
ныхъ горъ,

Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыхъ
одежды,

Ни съ жатвою полей, оратаевъ на-
дежды,

Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:

Сокрылись отъ меня всѣ прелести
природы.

При имени моемъ всѣ остаются
народы:

Какъ язва лютая, отвсюду яго-
нимъ!

Антигона. Мы здѣсь убѣжище
найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ. Съ какою жестокостью
сыны меня изгнали!

Антигона. Почто возобновлять
прошедшія печали?

Эдипъ. Я ихъ любилъ...

Антигона. Увы, забудь, забудь
о нихъ

И вспоминаемъ ранъ не расстра-
вляй своихъ!

Эдипъ. Предвижу ихъ бѣды: тщес-
лавія развратомъ

Влекомый, Юлинигъ не будетъ въ
мирѣ съ братомъ...

На злость, на пагубу дѣтей извелъ
я въ свѣтъ!

Антигона. Ужели предъ тобой и
я виновна?

Эдипъ. Нѣтъ!

Ты—утѣшенье мнѣ, любезна Анти-
гона,

Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты!

Для странника-отца забыла счастье
ты,

Санъ свѣтлый, царскій дворъ и
юности забавы.

Одно намъ рубище отъ всей оста-
лось славы!

Антигона. Ахъ, не жалѣю я о
пышной славѣ той;

Горжусь симъ рубищемъ, мою ни-
щету;

Предпочитаю ихъ сіянію короны.

Опорой быть твоей—вотъ счастье
Антигоны,

Вотъ титло славное превыше тит-
ловъ всѣхъ!

Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.

Увы, родитель мой, гонимъ людьми,
судьбою,

Безъ помощи моей, что-бъ сдѣлалось
съ тобою?

Ты древнюю главу къ кому бы при-
клонилъ?

На чью, на чью бы грудь ты слезы
уронилъ?

Прохлады въ жаркій день въ моей
ты ищешь тѣни;

Я сяду, ты главу мнѣ склонилъ на
колѣни;

Среди густыхъ лѣсовъ, въ жесто-
кость бурныхъ зимъ,

Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ
моимъ.

Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно
мы забудемъ

И утѣшеніемъ одинъ другому бу-
демъ!

Ко мнѣ ты проливай свою сердечну
боль,

Но мнѣ защитой твоею быть доз-
воль.

Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сидящихъ на
престолахъ.

Эдипъ. Награда, сладостна толи-
кихъ скорбныхъ лѣтъ...

О, радость полная, моихъ превыше
бѣдъ!
Приди, о, дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ
грудь,
Любви къ родителю въ примѣръ по-
томству будь!
О имени твоёмъ повѣдаютъ народы
И похвала твоя пройдетъ изъ рода
въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!.. прибли-
зился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ сулилъ же-
стокой рокъ!
Антигона. Еще ты жизнь вести
возможешь многи годы.
Эдипъ. Нѣтъ, нѣтъ, не лстись!
пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько
поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смер-
ти дань отнестъ.
Одинъ, шедъ малый путь, другой,
прошедь поболѣь,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ
въ равной долѣ.
Но ты, о, дочь моя, печаль свою
умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ
отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?
Антигона. Въ долинѣ мы:
окрестъ пустыни виды,
И близко межъ деревьевъ храмъ ви-
дѣнь Эвмениды.
Эдипъ. Храмъ Эвмениды? Увы, я
вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмищеніемъ
ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣй шипятъ, ихъ очи
распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы ге-
енны.
Антигона. Въ забвенье страш-
ное ума впадаетъ онъ!
Эдипъ. Гора несчастная, ужасный
Киееронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пусты-
ная обитель,
Куда на страшну смерть извѣргъ
меня родитель,

Скажи, пещеръ своихъ во мрачной
глубинѣ
Скрывала-ль ты когда чудовищъ, рав-
ныхъ мнѣ?
Антигона (*упадая на колѣни*).
Спокойте мысль его, о, вы, могущи
боги!
Эдипъ. О, сколько, фуріи, терзать
меня вы строги!
Не вы-ль на семьъ пути мой обна-
жили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукою
пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня
вы сочетали,
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брач-
ные сплетали;
Тамъ былъ не Гименей, Мегера
тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣш-
кою зажгла.
Вы лютости свои, о, фуріи, смягчите,
Иль жизнь Эдинову скорѣе прекра-
тите! (*Упадаетъ на камень*).
Антигона. Отъ мыслей удали
толь страшныя мечты!
Эдипъ (*не вставая и отталкивая
ее*). Оставь, о, Полиникъ!
Меня отрекся ты!
Бѣги и не смущай моей минуты
слезной!
Антигона. Ужель не узнаешь
и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой
гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ
оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница
стону:
Молю, не отвергай усердну Анти-
гону!
Эдипъ (*пришедъ въ себя*). Гласъ
сладостный! О, дочь, такъ ты
одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ
ужасномъ снѣ:
Представились мнѣ мать, родитель,
Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные
мнѣ виды
И все сѣйленіе несносныхъ бѣдъ
моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ
воздвигнутъ сихъ;

Пойдемъ (*встаетъ*), поищемъ въ
немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едини алтари—прибѣжище несчаст-
нымъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе IV.

Эдипъ, Антигона и Полиникъ.

Полиникъ. И такъ я осужденъ
на вѣчныя мученья?
И такъ не должно мнѣ надѣяться
прощенья?
Нѣтъ, не достоинъ я, чтобъ ты ког-
да простишь:
Я добродѣтели, природу оскор-
билъ!
Неблагодаренъ былъ, я былъ без-
человѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть дол-
женъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, на-
пасть,—
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано
на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье
живое
Къ намъ небо мстительно перемѣ-
нить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями ми-
ритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ
ужель не укротить?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ
твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ неми-
лосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ
будь богамъ! (*бросается къ но-
гамъ Эдипа*).
Твой кающійся сынъ падетъ къ
твоимъ ногамъ.
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ
я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, ко-
торы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа—ис-
точникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ мо-
имъ. (*По нѣкоторомъ молчаніи*).
Но ты молчишь?.. но ты чело свое
скрываешь...

Прощенья, жалобы и слезы отвер-
гаешь...
Антигона (*упадаетъ къ ногамъ
Эдипа*). Родитель мой! и я
соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ но-
гамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою
огорченны,
Которы-бъ не были въ печали об-
легченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не
дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не при-
мирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь
стона?
Эдипъ (*поднимая Антигону*). Ты
просишь за кого, любезна Ан-
тигона?
Пусть нечестивецъ сей тебя бла-
годарить,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ
зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся
небесами,
Что безъ тебя его не тронуся-бъ
слезами,
Хотя-бъ у ногъ моихъ въ сей часъ
онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожи-
далъ;
Никакъ бы жалости душа моя не
изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ клад-
ная могила. (*Къ Полинику*):
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ
меня?
Полиникъ. Чтобъ, чувства свои
ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье
увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не на-
видѣлъ.
Нѣтъ, я не варваромъ, не извер-
гомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно
побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительную
имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано!
Увы, днесъ страждуще, растерзано
оно,

Покр^ыто яз^вами, тоскою изну^р
 ренно
 И страшной клят^вою твоей обре^м
 мененно!
 Ты даровалъ мнѣ жизнь: даруй е^е
 мнѣ в^новь,
 Дай сердцу тишину и возврати лю^б
 овь!
 Любовь твоя, какъ лучъ божествен^н
 ый, небесный,
 Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ
 престанетъ слезный,
 И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся
 ей.
 Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
 И, милосердія являя совершенство,
 Дай сыну своему хоть разъ вкусить
 блаженство!
 Ты согласишься идти въ отеческу
 страну;
 Мою передъ тобой исправлю тамъ
 вину.
 Седьмъ вождей за меня всѣ силы
 во^ружаютъ,
 Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа
 ожидають;
 Надъ войскомъ, надо мной тебѣ
 вручаю власть.
 Оивъ стѣны гордыя должны предъ
 нами пасть;
 И не изгнанника въ тебѣ увидать
 болѣ,
 Но мощнаго царя на отческомъ пре^с
 столѣ,
 Страдальчествомъ своимъ достой^н
 аго вѣнца,
 И посреди дѣтей счастливаго отца.
 Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ,
 вѣрнѣйшимъ,
 И ревностнымъ рабомъ, и изъ сы^н
 новъ нѣжнѣйшимъ.
 Въ супружѣ же моей найдешь ты
 нѣжну дочь:
 Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ
 покоитъ въ ночь
 И такъ любить тебя, какъ любить
 Антигона.
 Повѣрь, иного мы не будемъ чтить
 закона,
 Какъ волю лишь твою и, твой храня
 покой
 Семейства цѣлаго союзною рукой,
 Въ забвенье у тебя привестъ мое
 злодѣйство.

Э д и п ъ. Какой несчастный царь
 тебя пріялъ въ семейство?
 Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ
 толико быть,
 Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вру^ч
 чить,
 Чтобы предать ее на горестъ и на^п
 асти?
 Или онъ о моей не вѣдалъ скорб^н
 ной части?
 Жестокосердый сынъ и подданныхъ
 тиранъ,
 Чувствительности даръ тебѣ—ль ког^д
 а былъ данъ?
 Тебѣ ли можно быть отцомъ, су^п
 ругомъ нѣжнымъ,
 Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ
 надежнымъ?
 Для сердца твоего какой союзъ свя^щ
 щенъ?
 Одною гордостью упитанъ, пресы^щ
 щенъ,
 Священнѣйшій союзъ ты испровергъ
 природы,
 Который первымъ чтутъ по всей
 землѣ народы.
 Нѣтъ, не раскаянье тебя комнѣ вело:
 Тщеславіе твое унизило чело;
 Оно причиною и слезъ твоихъ, и
 стона:
 Симъ чувствомъ приведенъ и алч^н
 ностью трона.
 Ты мыслишь оправдать предъ не^б
 бомъ и землей
 Войну, подъятую противъ страны
 своей,
 Когда предлогомъ дашь Эдипа за^щ
 щиченье,
 Мое въ отечество и къ трону воз^в
 вращенье.
 Полиникъ. Клянуся всѣмъ тебѣ,
 что свято въ мірѣ есть,
 Что для тебя хочу скиптръ оивскій
 приобрѣсть.
 Э д и п ъ. Меня склонить къ себѣ
 ты тщетно уповаешь.
 Сей скиптръ, который мнѣ толь
 щедро предлагаешь,
 Не я-ль оставилъ самъ, не я ли
 вамъ вручилъ,
 Не я ли дней моихъ покой вамъ
 поручилъ,
 Быть съ вами навсегда одной счи^т
 тавъ отрадой?

Неблагодарные! что было мнѣ на-
 градой?
 Презрѣнье, ненависть, изгнанье и
 позоръ.
 Коль смѣешь, ты на мнѣ останови
 свой взоръ!
 Зри ноги ты мои, скитавшись, изъ-
 явленны;
 Зри руки, милостынь прощениемъ
 утомленны;
 Ты зри главу мою, лишенную во-
 лось:
 Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ
 разнесъ!
 Тѣмъ временемъ, тебя какъ усла-
 ждала нѣга,
 Твой изгнанный отецъ, безъ пищи,
 безъ ночлега,
 Не зналъ, куда главу несчастну
 приклонить;
 Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ
 съ собой влачить;
 И дебри темныя, и глубины пе-
 щерны,
 Природа зрѣла всѣ злодѣйства без-
 примѣрны.
 Иди, жестокой сынъ! усугубляй
 вины,
 Будь истребителемъ отеческой
 страны,
 Союзниковъ своихъ веди противу
 брата,
 Яви еще примѣръ неслыханна раз-
 врата!
 Но тамъ, у оивскихъ стѣнъ, не
 тронъ тебѣ готовъ,—
 Десница мстящая тамъ ждетъ тебя
 боговъ.
 Отъ оивскихъ областей удѣлъ тебѣ
 сужденный
 То мѣсто лишь одно, гдѣ ты па-
 дешь, сраженный.
 Какъ безъ пристанища скитался въ
 жизни я,
 По смерти будетъ такъ скитаться
 тѣнь твою;
 Безъ гроба будешь ты; тебя земля
 не приметъ,
 Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и
 смрадъ его обьетъ,
 И призоветъ звѣрей, птицъ хищ-
 ныхъ изъ лѣсовъ
 И дома подданныхъ твоихъ стре-
 гущихъ псовъ.

Иди, бѣги, слѣши на ново пре-
 ступлене!
 Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь—
 семья и утѣшенье!

Димитрій Донской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

Димитрій и прочіе російскіе князья,
 бояре, военачальники (сидящіе и со-
 ставляющіе совѣтъ).

Димитрій. Російскіе князья,
 бояре, воеводы,
 Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать
 свободы
 И свергнуть, наконецъ, насильствія
 яремъ!
 Доколѣ было намъ въ отечествѣ
 своемъ
 Терпѣть татаровъ власть и въ уни-
 женной долѣ
 Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ
 престолѣ?
 Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ
 ярости своей
 Послали небеса жестокихъ сихъ
 бичей;
 Близъ двухъ вѣковъ, враги то яв-
 ные, то скрытны,
 Какъ враны алчныя, какъ волки
 ненасытны,
 Татары губяють, жгутъ и расхища-
 ють насъ.
 Къ отмщенью нашему я созвалъ
 нынѣ васъ:
 Бѣды платить врагамъ настало нынѣ
 время.
 Кипчакская орда, какъ исполнско
 бремя,
 Лежала въ цѣлости на русскихъ ра-
 менахъ
 И разсѣвала вокругъ уныніе и
 страхъ;
 Теперь отъ тягости распалася на
 части.
 Междоусобна брань, раздоръ и всѣ
 напасти,
 Которыми предъ симъ російская
 страна
 До расслабленія была доведена,

Пришли въ сію орду. Возникши,
 новы ханы
 Отторглись отъ нея; но алчныя ти-
 раны,
 Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ
 край.
 Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе
 всѣхъ Мамай,
 Задонскія орды властитель злоче-
 стивой,
 Возсталъ противу насъ войной не-
 справедливой.
 Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, мо-
 жетъ быть, сей ханъ
 Съ зарею завтрашней предъ нашъ
 явится станъ.
 Но, видя русскихъ силъ внезапно
 сѣдиненъе,
 Смутился сердцемъ онъ и мыслью
 впалъ въ сомнѣнне;
 Посольство предъ собой рѣшилъ
 къ намъ прислать.
 Друзья Димитрія, разсудите-ль при-
 нять?
 Иль, твердыми пребывъ въ намѣ-
 ренѣ геройскомъ,
 Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ
 войскомъ,
 Чтобъ первый россиянъ и смѣлый
 ихъ ударъ
 Раздался по землѣ и ужаснулъ та-
 таръ?
 Тверскій. Такъ будемъ отвѣчать—
 предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
 Никто изъ васъ, князья, меня не
 можетъ болѣ
 Желать отищенія врагамъ свирѣ-
 пымъ симъ.
 Чей родъ во бѣдствіяхъ еравняется
 съ Тверскимъ?
 Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ му-
 ченіяхъ безмѣрныхъ,
 Главы сложили въ гробъ измѣною
 невѣрныхъ,
 И прахъ стонаетъ ихъ подъ вла-
 стію орды.
 Великій россовъ князь! ты созвалъ
 насъ сюды
 Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ
 Мамаемъ въ договоры,
 Но битвою рѣшить и кончить съ
 нимъ раздоры.
 Тверское воинство родитель вѣ-
 рилъ мнѣ;

Нижегородскій князь, участвуя въ
 войнѣ,
 Но древностію лѣтъ не въ силахъ
 выдти въ поле,
 Свою отважну рать моею повѣрилъ
 волѣ.
 Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ бе-
 реговъ,
 Привель я храбрыхъ сонмъ искать,
 сражать враговъ
 Или за вѣру пасть и лечь за рус-
 ску землю.
 Когда наградою я Ксенію приемлю,
 Коль града Нижняго прелестная
 княжна
 Отцомъ ея мнѣ быть супругой су-
 ждена:
 На всѣ опасности отважиться я
 смѣю.
 Я ждалъ ее во станъ; но сѣди-
 нюся съ нею,
 Когда велитъ мнѣ Богъ съ сра-
 женія сойти
 И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага
 нести.
 Всѣ русскіе князья съ отважностію
 равной
 Горять принять мечи и въ бой стре-
 миться славною:
 Почтò же видѣтъ намъ Мамаева
 посла?
 Когда пріязнь татаръ быть искрен-
 ней могла?
 Пойдемъ противу нихъ, сотремъ
 ихъ горды силы,
 Или найдемъ себѣ здѣсь славныя
 могилы!
 Блудозерскій. О, сколько сча-
 стливъ я, до сихъ доживши
 дней,
 Согласье видя здѣсь, любовь между
 князей
 И на враговъ въ сердцахъ едино-
 душну ревность!
 Итакъ, въ отверстыи гробъ мою
 склоняя древность,
 Почіющимъ отцамъ могу надежду
 несть,
 Что возстановится страны россій-
 ской честь,
 Что возвратится ей могущество и
 слава.
 О, тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь
 Ярослава,

Родоначальныя домовъ княжихъ
 главы!
 На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
 Когда предвидите благополучно
 время,
 Какъ раздѣленное народовъ рус-
 скихъ племя,
 Соединясь душой одной въ составъ
 одинъ,
 Явится въ торжествѣ, какъ гроз-
 ный исполинъ,
 И міру дастъ законъ Россія съеди-
 ненна. (*Къ Димитрію*):
 Димитрій, для тебя побѣда несом-
 нѣнна!
 Нѣтъ, никогда еще въ такой об-
 ширный станъ
 Не собирали войскъ ни дѣдъ твоя
 Иоаннъ,
 Ни Гордый Симеонъ, ни кроткій
 твой родитель;
 И бѣлозерскихъ силъ я давній пред-
 водитель
 Не видѣлъ, чтобъ когда Россія
 извела
 Отважныхъ ратниковъ толикаго
 числа.
 Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ
 Олегъ въ Рязани
 Остался въ праздности и безъ уча-
 стья въ брани;
 Одинъ на общій стонъ его безчув-
 ственъ слухъ.
 Погибни память тѣхъ, которыхъ
 можетъ духъ
 Бѣды отечества спокойнымъ видѣть
 взоромъ,
 Иль, лучше, имя ихъ пускай преи-
 деть съ позоромъ
 Въ потомство позднее и въ беско-
 нечный стыдъ!
 Но сколь, о, государь, успѣхъ тебѣ
 ни льститъ,
 Совѣтъ однако-жъ мой: принять та-
 таръ посольство,
 И если можемъ мы возстановить
 спокойство,
 Плати Мамаю дань... (*Всѣ князья
 изъявляютъ негодование*).
 Димитрій. О, Бѣлозерскій князь!
 Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани
 убоясь,
 Постыдной податью мы власть при-
 знали ханску?

Бѣлозерскій. Чтобы жадили
 кровь безцѣнну христіанску.
 Мамаю побѣдивъ, брегися, чтобъ
 орды
 Не съединились вновь для нашея
 бѣды;
 Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ
 временно счастливый,
 Не возбудилъ опять ихъ духъ вла-
 столюбивый;
 И чтобы, наконецъ, не усмотрѣлъ
 ихъ взоръ,
 Сколь вреденъ власти ихъ тщесла-
 вѣя раздоръ,
 Который межъ собой ихъ хановъ
 раздѣляетъ.
 Скорѣи обиженный обиды забы-
 ваетъ,
 Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ сви-
 рѣпности своей.
 И грабежи, пожаръ, убійство женъ,
 дѣтей,
 Которые на насъ татары изли-
 вали,
 По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами
 право дали;
 Своею отчиной они Россію чтутъ;
 Зря наше мужество, нестройствы
 прервутъ;
 На бѣдства россиянь согласны бу-
 дутъ скорѣи.
 Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ па-
 губномъ раздорѣ;
 Дай намъ усилиться средь мирной
 тишины
 И, отклонивъ отъ насъ случайности
 войны,
 Ты миръ предпочитаи побѣдѣ без-
 полезной.
 Димитрій. Ахъ, лучше смерть
 Въ бою, чѣмъ миръ принять без-
 честной!
 Такъ предки мыслили, такъ мыслить
 будемъ мы.
 Прошли тѣ времена, какъ робкіе
 умы
 Въ татарахъ видѣли орудіе не-
 бесно,
 Чему противиться безумно и не-
 вмѣстно.
 Но въ наши дни и честь, и самой
 вѣры гласъ
 Противъ мучителей вооружаютъ
 насъ.

Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры
 гласъ завѣтный,
 Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ
 безсмертный,
 Что въ радость райскую чрезъ гробъ
 вступаетъ онъ.
 О Сергій, пастырь душъ, кого со-
 граждана стонъ
 Толико разъ смущалъ среди молитвъ
 пустынныхъ,
 Толико слезъ извлекъ на участь не-
 повинныхъ!
 О ты, который намъ, священной
 рукой
 Явивъ, благословилъ сей предлежа-
 щій бой!
 Изъ той обители, гдѣ дни ведешь
 смиренны,
 Внуши мои слова, тобою вдохно-
 венны,
 Они воспламенятъ російскія сердца
 Искать свободы здѣсь, иль райскаго
 вѣнца!
 Такъ лучше жить престать, иль во-
 все не родиться,
 Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго
 покориться,
 Чѣмъ званьемъ данниковъ коры-
 столубью лстить.
 Симъ рабствомъ ли бѣды мы мо-
 жемъ отвратить?
 Кто платитъ дань, — тотъ слабъ; кто
 слабый духъ являетъ,
 Тотъ алчность наглою къ обидѣ
 призываетъ.
 Но ханскаго посла согласенъ я
 принять
 И вѣсть предъ сонмъ князей, не
 съ тѣмъ, чтобы внимать
 Татарской наглости постыднымъ
 предложеньямъ.
 Но чтобъ явить ему готовый духъ
 къ сраженьямъ;
 Чтобъ мужество читалъ на вашихъ
 онъ челахъ,
 Содрогся бъ и принесъ во станъ
 къ Мамаю страхъ.
 Смоленскій. Весь сонмъ на
 твой совѣтъ согласье изъявляетъ.
 Димитрій. Посланникъ близъ
 шатра рѣшенья ожидаетъ;
 Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ
 къ намъ татар!

Явленіе III.

Русскіе князья (сидящіе). Посоль Ма-
 маевъ (сопровожаемый нѣсколькими
 татарами).

Посоль. Російскіе князья, непо-
 бѣдимый ханъ
 Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ
 странъ
 И русскія земли верховный обла-
 датель,
 Вашъ грозный судія, крамольни-
 ковъ каратель,
 Ту руку, кою нанести вамъ дол-
 женъ смерть,
 Благоволилъ еще ко благодати про-
 стерть;
 Останавлиетъ онъ грозящи вамъ
 удары,
 И за Непрядвою удержаны та-
 тары:
 Съ Мамаемъ девять ордъ и семь-
 десятъ князей,
 Съ нимъ страшный исполинъ, на-
 вѣдникъ Челубей,
 Чья грудь широкая какъ бы стѣна
 среди боевъ,
 Чей мечъ ужаснѣе великой рати
 воевъ.
 Противу нашихъ силъ вамъ можно
 ль устоять?
 Смиритесь лучше вы, разбѣйте
 вашу рать,
 Отправьте должну дань, покорствуя
 Мамаю.
 Я именемъ его вамъ милость обѣ-
 щаю.
 Раскаяніе зря, рѣшится онъ про-
 стить
 И вашу жизнь еще позволить вамъ
 продлить.
 Димитрій. О, дерзостный посоль
 надменнѣйшаго хана!
 Обширность видѣлъ ты російскихъ
 воевъ стана,
 Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и
 жизнь, какъ нѣкій даръ,
 Намъ смѣешь предлагать отъ бла-
 гости татаръ,
 Но жить еще кому — иль намъ,
 или Мамаю —
 Оружіе рѣшить; и твердо уповаю,
 Что чудный крѣпостью и справед-
 ливый Богъ

Поможетъ намъ сотреть гордыни
вашей роги;
Поможетъ намъ отмстить убійства,
расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истреб-
ленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ—ваши подвиги, вотъ—славныя
дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добы-
тымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ
добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ,
не серебромъ;
Нѣтъ,—дани для него мы собрали
инныя:
Мечи булатныя и стрѣлы каленныя.
Пусть оныя принять Неправду пер-
рейдеть!
Посоль. Какая слѣпота васъ къ
гибели ведетъ!
Димитрій. Какою алчностью вы
къ гибели ведомы!
Посоль. По праву сильнаго, всѣ
наши земли, дома
И все имущество—стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ ха-
новъ нашихъ даръ.
Димитрій. Но право храбраго
мечомъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать на-
сильство.
Посоль. Или не помните Баты-
евыхъ побѣдъ?
Димитрій. Для мести намъ Ба-
тый оставилъ вѣчный слѣдъ.
Посоль. Страшитесь раздражить
Мамаю непокорствомъ!
Димитрій (*встаетъ; за нимъ
встаетъ князь*). Татаринъ, я твоимъ
скупаю ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя
права,
Презрѣнье—мой отвѣтъ на дерзкія
слова,
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость
нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты
ожидаетъ?
Иди къ посланшему и возврати ему,
Что Богу русскій князь покорень
одному.

Посоль. Иду отсель. Но знай,
о князь высокоумный,
Что будетъ надъ тобой Мамаю
гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты
иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не
даетъ:
Для русскихъ всѣхъ князей на ми-
лость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не
примирится,
И будетъ тотъ владѣть престоломъ
и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ
рукахъ главой.
Бренскій (*берется за мечъ*).
Ордынецъ дерзостный!..
Димитрій (*останавливая Брен-
скаю*). Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично
буйство.
(*Къ послу*). Скажи, что я горжусь
Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ
врагъ, конечно, мой!
(*Подаетъ знакъ, чтобъ татаръ вы-
вести*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе II.

Димитрій и московскіе бояре.

Димитрій. Опоры твердыя пре-
стола и державы,
Совѣтныи духъ князей, лучи ихъ
прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа
гласъ!
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой
своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто спра-
ведливой!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати зло-
честивой,
Еще ль хотите вы, чтобы я шель
черезъ Донъ?
Иль, мужества принять единствен-
ный законъ.
Не лучше ль, ни на шагъ предъ
ней не отступая,

Съ отважностью идти во срътенъе
 Мамай? ^{Мамай?}
 Бояринъ. Хоть прежде, государь,
 совѣтъ твоихъ боярь
 И предлагалъ тебѣ отъ ярости та-
 тарь
 Нашъ станъ перенести чрезъ бы-
 стры Дона воды,
 Гдѣ переправа имъ, препона отъ
 природы,
 Остановила бы стремленіе ихъ
 силъ:
 Но плѣнникъ нашу мысль при-
 знаньемъ просвѣтилъ:
 Постыдно будетъ намъ отъ боя
 уклоняться,
 Когда священный долгъ и честь
 велеть сражаться.
 Димитрій. Какую жъ тайну вамъ
 ордмонецъ сей открылъ?
 Бояринъ. Что ханъ посольскія
 угрозы подтвердилъ;
 Что, русской смѣлости признавъ
 тебя душою,
 Онъ обѣщался брань не прекра-
 щать съ Москвою,
 Доколѣ не сорветъ съ главы твоей
 вѣнецъ,
 Доколѣ сей главы не сокрушитъ въ
 конецъ,
 И оной въ ярости, для трепета все-
 ленной,
 Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окро-
 вавленной.
 Татаръ воспламенилъ свирѣпостью
 своей;
 И, гордый силою, огромный Че-
 лубей
 Мамаю поклялся словами алко-
 рана
 Димитрія главу повергнуть передъ
 хана.
 Живымъ ли, государь, ту наглость
 намъ терпѣть?
 Нѣтъ, лучше средь враговъ съ
 оружьемъ умереть!
 Димитрій. Не столь легко,
 друзья, надменно Челубею
 Сорвать мою главу и похваляться
 ею!
 И, Бога браней я на помощь намъ
 призвавъ,
 Сражусь, и ницъ падеть сей новый
 Голиаеъ!

Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется
 мощь строптивая,
 И съ шумомъ память ихъ погиб-
 нетъ нечестива!
 Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ
 правдѣ явенъ Богъ,
 И вашъ Ордынцамъ мечъ то дока-
 зать возмогъ,
 Когда съ Бигичемъ ихъ онъ пора-
 жалъ на Вождѣ.
 Тотъ самый съ нами Богъ и му-
 жество въ васъ то же:
 Такъ смертию ли смущать и мысль
 и тверду грудь?
 Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ
 кровавый путь.
 Бояринъ. Побѣды, государь, для
 насъ надежда тщетна.
 Какъ зимней выюги снѣгъ, такъ
 рать враговъ несмѣтна,
 И сборно воинство російскихъ
 вѣхъ князей
 Едва противостать могло бы нынѣ
 ей.
 Но мы, оставлены большою войска
 частью,
 Не устрашаемся грозящей намъ на-
 пастью;
 На вѣрну смерть течемъ, какъ къ
 морю сонмы водъ.
 Гдѣ, благостью князей блаженствуя,
 народъ
 Въ владыкахъ зрить любовь оте-
 чественной славы,
 Тамъ въ нихъ онъ признаетъ от-
 цовъ священны нравы,
 И подданные тамъ не такъ, какъ
 ихъ рабы,
 Которы, отъ премѣнъ ждя лучшей
 судьбы,
 Въ день брани преклоня и выи, и
 колѣна,
 О жизни молятъ лишь и не сты-
 дятся плѣна;
 Но такъ, какъ дѣти ихъ, Ордын-
 цевъ презря мечъ,
 За честь своихъ князей костями го-
 товы лечь:
 На смерть рѣшительно такъ мы
 идемъ съ тобою.
 Димитрій. Умремъ, коль смерть
 въ бою назначена судьбою;
 Не преживемъ, друзья, надежды
 лестной той,

Чтобъ свергнуть съ насъ яремь от-
важною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачить, кто ихъ
сорвать не смѣетъ!
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ
цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые; и, въ да-
мять нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами
зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не
прикасались,
И праху мысляю потомки поклони-
лись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ
насъ!

Судьями нашихъ дѣлъ я призываю
васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ
знаменитой,
И коль свободы днесъ мы слабую
защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его падени по-
гребсти;
Но память пусть живетъ: въ при-
мѣръ ее почите!
Воюе мудрые! вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды, и, какъ на-
ступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій
трубный гласъ!

Б а т ю ш н о в ъ .

Къ Н. И. Гнѣдичу.

Только дружба общаетъ
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василекъ.
Мнѣ оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь къ забавамъ проложень,
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ-ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
И — счастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко счастью устилалъ,
Пѣль, мечталъ, подъ часъ стихами
Горестъ сердца услаждалъ,
Пѣль отъ лѣни и досуга,
Муза мнѣ была подруга:
Не былъ ей порабощенъ.
А теперъ весна, какъ сонъ
Легкокрылый, исчезаетъ
И собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты.
Нѣжны марты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, завяли.
Ахъ, ужели наградитъ
Слава счастья утрату
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетитъ?

Къ И. А. Петину.

О, любимецъ бога брани,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я платилъ съ тобою дани
Богу славы не однѣ:
Ты на киверѣ почтенномъ
Лавры съ миртомъ сочetalъ,
Я въ углу уединенномъ
Незабудки собиралъ.
Помнишь ли, питомецъ славы,
Иденсальми страшну ночь?
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я, — и съ музой прочь!
Между тѣмъ, какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками..
Ужинъ вамъ приготавлиалъ.
Счастливъ ты, шалунъ любезный,
И въ Цитерской сторонѣ;
Я же, всюду бесполезный —
И въ любви, и на войнѣ,
Время жизни въ скугѣ трачу
За крылатый счастья мигъ,
Ночь зѣваю, утромъ плачу
Объ утратѣ сновъ моихъ.
Тщетны слезы! Мнѣ готова
Цѣль, сотканна изъ суеты;
Отъ родительскаго крова
Я опять на морѣ бѣдъ.
Мой челнокъ любовь слѣпая
Правитъ дѣтскою рукой,

Между тѣмъ, какъ лѣнь, зѣвая,
 На кормѣ сидитъ со мной.
 Можеть быть, какъ быстра младость
 Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
 Я возьмусь за умъ, да радость
 Уживется ли съ умомъ?
 Ахъ, почто же мнѣ заранѣ,
 Другъ любезный, унывать?
 Вся судьба моя въ стаканѣ!
 Станемъ пить и воспѣвать:
 Счастливъ, счастливъ, кто цвѣтами
 Дни любви украшалъ,
 Пѣлъ съ безпечными друзьями,
 И о счастья мечталъ!
 Счастливъ онъ, и втрое болѣ
 Всѣхъ вельможей и царей!
 Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
 Чужды рабства и цѣпей,
 Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
 Часто съ горемъ пополамъ,
 Наливать полифе чашу
 И смѣяться дуракамъ!

Отрывокъ изъ элегій.

О, пока безцѣнна младость
 Не умчалася срѣлой,
 Пей изъ чаши полной радость
 И, сливая голосъ свой
 Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
 Славь безпечность и любовь!
 А когда въ сѣни пріютной
 Мы услышимъ смерти зовъ,
 То, какъ лозы винограда
 Обвиваютъ тонкій вѣзъ,
 Такъ меня, моя отрада,
 Обними въ послѣдній часъ!
 Такъ лилейными руками
 Цѣнью нѣжною обвей,
 Сяди уста съ устами,
 Душу въ пламени излей!
 И тогда тропой безвѣстной,
 Долу къ тихимъ берегамъ,
 Самъ онъ, богъ любви прелестной,
 Проведетъ насъ по цвѣтамъ
 Въ тотъ Элизій, гдѣ все таетъ
 Чувствомъ нѣги и любви,
 Гдѣ любовникъ воскресаетъ
 Съ новымъ пламенемъ въ крови,
 Гдѣ, любуясь пляской грацій,
 Нимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ,

Съ Деліей своей Горацій
 Гимны радости поетъ.
 Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
 Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
 И пріветливой улыбкой
 Встрѣтитъ нѣжные пѣвцы.

Мои пенаты.

Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому.

Отечески пенаты,
 О, пѣстуны мои!
 Вы златомъ небогаты,
 Но любите свои
 Норы и темны кельи,
 Гдѣ васъ на новосельи
 Смиренно, здѣсь и тамъ
 Разставилъ по угламъ,
 Гдѣ, странникъ я бездомный,
 Всегда въ желаньяхъ скромный,
 Сыскалъ себѣ пріютъ.
 О, боги, будьте тутъ
 Доступны, благосклонны!
 Не вина благовонны,
 Не тучный ѳиміамъ
 Поэтъ приноситъ вамъ,
 Но слезы умиленья,
 Но сердца тихій жаръ
 И сладки пѣснопѣнья,
 Богинь Пермесскихъ даръ!
 О, лары, оживитесь
 Въ обители моей,
 Поэту улыбнитесь—
 И будетъ счастливъ въ ней!..
 Въ сей хижинѣ убогой
 Стоитъ передъ окномъ
 Столъ ветхой и треногой
 Съ изорваннымъ сукномъ.
 Въ углу, свидѣтель славы
 И суеты мірской,
 Виситъ полузаржавый
 Мечъ пращѣдовъ тупой;
 Здѣсь книги выписныя,
 Тамъ жесткая постель,
 Все утвари просьбъ,
 Все рухляя скудель.
 Скудель!.. Но мнѣ дороже,
 Чѣмъ бархатное ложе
 И вазы богачей!

Безъ злата и честей
 Доступенъ добрый геній

Поэзии святой
 И часто въ мирной сѣни
 Бесѣдуетъ со мной.
 Небесно вдохновенье,
 Порывъ крылатыхъ думъ!
 (Когда страстей волненье
 Уснетъ, и свѣтлый умъ,
 Летая въ поднебесной,
 Земныхъ свободенъ узъ,
 Въ Аоніи прелестной
 Срѣтаетъ хоры музъ!)
 Небесно вдохновенье,
 Зачѣмъ летишь стрѣлой
 И сердца упоенье
 Уносишь за собой?
 До розовой денницы
 Въ отрадной тишинѣ,
 Парнасскія царицы,
 Подруги будьте мнѣ!
 Пускай веселы тѣни
 Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
 Оставля тайны сѣни
 Стигійскихъ береговъ
 Иль области эирны,
 Воздушною толпой
 Слетятъ на голосъ лирный
 Бесѣдовать со мной!
 И мертвые съ живыми
 Вступили въ хоръ единъ...
 Что вижу? Ты предъ ними,
 Парнасскій исполинъ ¹⁾,
 Пѣвецъ героевъ, славы,
 Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
 Нашъ лебедь величавый,
 Плынешь по небесамъ!
 Въ толпѣ и музъ, и грацій ²⁾,
 То съ лирой, то съ трубой
 Нашъ Пиндаръ, нашъ Гораций
 Сливаются голосъ свой;
 Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
 Какъ Суна средъ степенъ,
 И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
 Какъ вешній соловей.
 Фантазіи небесной
 Давно любимый сынъ,
 То повѣстью прелестной
 Плѣняетъ Карамзинъ,
 То мудраго Платона
 Описываетъ намъ,
 И ужинъ Агатона,
 И наслажденья храмъ,

¹⁾ Ломоносовъ.

²⁾ Державинъ.

То древню Русь и нравы
 Владиміра времянъ,
 И въ колыбели славы
 Рожденіе славянъ.
 За ними сильфъ прекрасной,
 Воспитанникъ харитъ,
 На цитрѣ сладкогласной
 О Душенькѣ бречить ¹⁾;
 Мелецкаго съ собою
 Улыбкою зоветъ,
 И съ нимъ, рука съ рукою,
 Гимнъ радости поетъ!
 Съ Эротами играя,
 Философъ и пійтъ,
 Близъ Федра и Пильпая
 Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
 Бесѣдуя съ звѣрями,
 Какъ счастливый дитя,
 Парнасскими цвѣтами
 Скрылъ истину шути.
 За нимъ въ часы свободы
 Поютъ среди пѣвцовъ
 Два баловня природы,
 Хемницеръ и Крыловъ.
 Наставники-пійты,
 О, Фебовы жрецы!
 Вамъ, вамъ плетутъ хариты
 Безсмертные вѣнцы!
 Я вами здѣсь вкушаю
 Восторги Пьеридъ,
 И въ радости зываю:
 О, музъ, я пійтъ!

А вы, смиренной хаты,
 О, лары и пенаты,
 Отъ зависти людской
 Мое сокройте счастье,
 Сердечно сладострастье,
 И нѣгу, и покой!
 Фортуна, прочь съ дарами
 Блестательныхъ суетъ!
 Спокойными очами
 Смотрю на твой полетъ:
 Я въ пристань отъ ненастья
 Челонокъ мой проводилъ,
 И васъ, любимцы счастья,
 Навѣки позабылъ.
 Но вы, любимцы славы,
 Наперсники забавы,
 Любви и важныхъ музъ,
 Безпечные счастливыцы,
 Философы-лѣнивцы,

¹⁾ Богдановичъ.

Враги придворныхъ узъ,
 Друзья мои сердечны,
 Придите въ часть безпечный
 Мой домикъ навѣстить,
 Поспорить и попить!
 Сложи печалей бремя,
 Жуковский добрый мой!
 Стрѣлою мчится время,
 Веселіе стрѣлой!
 Позволь же дружбѣ слезы
 И горестъ усладить,
 И счастья блеклы розы
 Эротомъ оживить.
 О, Вяземскій, цвѣтами
 Друзей твоихъ вѣнчай!
 Даръ Вакха передъ нами:
 Вотъ кубокъ, наливай!
 Питомецъ музъ надежный,
 О, Аристипповъ внукъ,
 Ты любишь пѣсни нѣжны
 И рюмокъ звонъ и стукъ!
 Въ часъ нѣги и прохлады
 На ужинахъ твоихъ
 Ты любишь томны взгляды
 Прелестницъ записныхъ,
 И всѣ заботы славы,
 Суетъ и шумъ, и блажь
 За быстрый мигъ забавы
 Съ поклонами отдашь!
 О, дай же ты мнѣ руку,
 Товарищъ въ лѣни мой,
 И мы потопимъ скуку
 Въ сей чашѣ золотой!
 Пока бѣжить за нами
 Богъ времени сѣдой
 И губить дугъ съ цвѣтами
 Безжалостной косой,
 Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
 Въ путь жизни полетимъ,
 Упьемся сладострастьемъ
 И смерть опередимъ;
 Сорвемъ цвѣты украдкой
 Подъ лезвеемъ косы
 И лѣнью жизни краткой
 Продлимъ, продлимъ часы!
 Когда же Парки тощи
 Нить жизни допрядутъ,
 И насъ въ обитель нощи
 Ко прадѣдамъ снесутъ,
 Товарищи любезны,
 Не сѣтуйте о насъ!
 Къ чему рыданья слезны,
 Наемныхъ ликовъ гласъ?
 Къ чему сн куренья

И колокола вой,
 И томны псалмопѣнья
 Надъ хладною доской?
 Къ чему?.. Но вы толпами
 При мѣсячныхъ лучахъ
 Сберитесь и цвѣтами
 Усѣйте мирный прахъ,
 Иль бросьте на гробницы
 Боговъ домашнихъ ликъ,
 Двѣ чаши, двѣ цѣвницы
 Съ листьями повиликъ!
 И путникъ угадаетъ
 Безъ надписей златыхъ,
 Что прахъ тутъ почиваетъ
 Счастливецъ молодыхъ.

Тѣнь друга.

Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit,
 Luridaque extinctos effungit umbra rogos.
Propertius.

Я берегъ покидалъ туманный Аль-
 бона.
 Казалось, онъ въ волнахъ свинцо-
 выхъ утопалъ,
 За кораблемъ вилася гальціона,
 И тихій гласъ ея пловцовъ увесе-
 лялъ,
 Вечерній вѣтръ, валовъ пле-
 сканье,
 Однообразный шумъ и трепеть на-
 русовъ
 И кормчаго на палубѣ зыванье
 Ко стражѣ, дремлющей подъ гово-
 ромъ валовъ,
 Все сладкую задумчивость пи-
 тало.
 Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
 И сквозь туманъ и ночи покры-
 вало
 Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
 Вся мысль моя была въ воспоми-
 наньяхъ
 Подъ небомъ сладостнымъ отече-
 ской земли,
 Но вѣтровъ шумъ и моря колы-
 ханье
 На вѣжды томное забвенье навели.
 Мечты смѣнялися мечтами
 И вдругъ... То былъ ли сонъ!..
 Предсталъ товарищъ мнѣ,
 Погибшій въ роковомъ огнѣ

Завидной смертію надъ Плейскими
струями.

Но видъ нестрашенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселиемъ
цвѣло

И все небесное душѣ напоминало.
„Ты-ль это, милый другъ, товарищъ
лучшихъ дней?

„Ты-ль это? — я вскричалъ, — о,
воинъ вѣчно-милой?

„Не я ли надъ твоей безвременной
могилой,

„При страшномъ заревѣ Беллони-
ныхъ огней,

„Не я ли съ вѣрными друзьями
„Мечомъ на деревѣ твой подвигъ
начерталъ

„И тѣнь въ небесную отчизну про-
вождалъ

„Съ мольбой, рыданьемъ и сле-
зами?

„Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй,
милый братъ!

„Или протекшее все было сонъ, ме-
чтанье,

„Все, все, и блѣдный трущ, мо-
гила и обрядъ,

„Свершенный дружбою въ твое вос-
помянанье?

„О, молви слово мнѣ! Пускай зна-
комый звукъ

„Еще мой жадный слухъ ласкаеть,
„Пускай рука моя, о, незабвенный
другъ,

„Твою съ любовію сжимаеть!..“

И я летѣлъ къ нему... Но горній
духъ исчезъ

Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ
небесъ,

Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ
призракъ полуночи,

И сонъ покинулъ очи.
Все спало вокругъ меня подъ кро-
вомъ тишины,

Стихи грозныя казались безмолвны,
При свѣтѣ облакомъ подернутой
луны

Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва свер-
кали волны;

Но сладостный покой бѣжалъ моихъ
очей,

И вся душа за призракомъ ле-
тѣла,

Все гости горяго остановить хо-
тѣла,
Тебя, о, милый братъ, о, лучшій
изъ друзей!

На развалинахъ замка въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горить
И тихо погрузилось въ волны.

Задумчиво луна сквозь тонкій паръ
глядитъ

На хляби и берега безмолвны,
И все въ глубокомъ снѣ поморіе
кругомъ.

Лишь изрѣдка рыбарь къ товари-
щамъ зываетъ,

Лишь эхо гласъ его протяжно по-
вторяетъ

Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висля-
щихъ надъ водой,

Въ священномъ сумракѣ дубравы
Задумчиво брожу и вижу предъ со-
бой

Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій
закомъ ровъ,

Столбы и ветхій мостъ съ чугу-
нными цѣпами,

Твердыни мшистыя съ гранитными
зубцами

И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо... Мертвый сонъ въ обители
глухой.

Но здѣсь живетъ воспоминанье,
И путникъ, опершись на камень
гробовой,

Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плещъ по-
лѣстницѣ крутой,

И вѣтръ колышетъ стебель иссохшія
полюны,

Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя
твердыни

Надъ спящею водой,

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый
взвукъ,

Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣльи.

Готовилъ сына въ брань и стрѣль
пернатыхъ пугъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручилъ израненной
рукой
И громко восклицалъ, подъявъ дро-
жащи длани:
„Тебѣ онъ обреченъ, о, богъ, вла-
ститель брани,
„Всегда и всюду твой!

„А ты, мой сынъ, клянись мечомъ
своихъ отцовъ
„И Гелы клятвою кровавой
„На западныхъ струяхъ быть ужа-
сомъ враговъ
„Иль пасть, какъ предки пали,
съ славою!“
И пылкій юноша мечъ праѣдовъ
лобзалъ
И къ персямъ прижималъ родител-
скія длани
И въ радости, какъ конь, при зву-
кѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой
земли!

Суда на утро возшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры ко-
рабли
На крыльяхъ бури полетѣли.
Въ долинахъ Нейстрии раздался
браней громъ,
Туманный Альбионъ изъ края въ
край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Балгалду
провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша, спѣши къ отеческимъ
берегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной!
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ
твоимъ судамъ.
Герой, побѣдою избранной!
Ужъ скалды пиршество готовятъ
на холмахъ.
Зри: дубы въ пламени, въ сосудахъ
медь сверкаетъ.
И вѣстникъ радости отцѣла про-
возглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани, съ ден-
ницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о, юноша, слезами и моль-
бой
Боговъ на милость преклоняетъ.
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая
лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые вол-
нами...
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй ти-
хими устами
Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ; на нихъ уже ге-
рой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣ-
стою молодой
И лики скалдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ, безмолствуя, въ
слезахъ,
Едва на жениха взглянуть уградкой
смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и
блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ...

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ
одѣтый мхомъ,
Помость обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ноч-
номъ
пустыню крикомъ оглашаетъ,
Тамъ чаши радости стучали по сто-
ламъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями
ликовали,
Тамъ скалды пѣли брань, и персты
ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ.

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ
пернатыхъ стрѣль,
И трескъ щитовъ, и громъ уда-
ровъ,
Кипящу брань среди опустошен-
ныхъ сель
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ скло-
няли къ пѣснѣ сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ
дрожали,

И горды сердца съ восторгомъ
вспоминали
О славѣ юныхъ дней...

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи
мглою,

Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде скальдъ гремѣлъ на
арфѣ золотой,

Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло.
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружи-
ною своей,

Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и бо-
гу брани,

Тамъ дремлютъ притаясь двѣ тре-
петныя лани

До утреннихъ лучей.

Гдѣ-жъ вы, о, сильные, вы, Гал-
ловъ бичъ и страхъ,

Земель полнощныхъ исполины,
Роальда спутники, на бранныхъ
челнокахъ

Протекши дальнія пучины?

Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани, и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужа-
совъ природы,

Средь копій, средь мечей?

Погибли сильныя! Но странникъ въ
сихъ мѣстахъ

Не тщетно камни вопрошаетъ
И руны тайныя, преданья на ска-
лахъ

Угрюмой древности читаетъ.
Оратай ближнихъ селъ, склонясь
на посохъ свой,

Гласить ему: „Смотри, о, сынъ ино-
племенный,
„Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки
драгоцѣнны,
„Почти ихъ гробъ святой!“

Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣнныя камень!
Не Онъ-ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пла-
мень?

На полѣ смерти чья рука

Меня таинственно спасала
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стекою потаенной
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатай неизмѣнной!

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
Онъ намъ источникъ чувствъ высо-
кихъ,

Любови къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его, и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!

Когда-жъ узрю спокойный берегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,

Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Къ другу.

Скажи, мудрецъ молодой, что проч-
но на земли?

Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчи-
выхъ прошли,

Мы пили чашу сладострастья...

Но гдѣ минутный шумъ веселья и
пировъ,

Въ винѣ потопленные чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ
умовъ?

Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?.. Онъ
въ бурѣ бѣды исчезъ,

И мѣсто поросло крапивой;
Но я узналъ его: я сердца дань
принесъ

На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ
шумъ градской,

И яркій Весперъ засіяетъ

На темномъ сѣверѣ, твой другъ въ
тиши ночной
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

Отъ самой юности служитель алта-
рей

Богини нѣги и прохлады,
Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ
страстей
Я сердцу въ ней ищу отрады.

Повѣришь-ли? Я здѣсь, на пеплѣ
храминъ сихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю
И часто въ горести, въ волненьи
чувствъ моихъ,
Потупя взоры, восклицаю:

„Минуты странники, мы ходимъ по
гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,
На крыльяхъ радости летимъ къ
своимъ друзьямъ
И что-жь?.. ихъ урны обнима-
емъ!“

Скажи, давно-ли здѣсь, въ кругу
твоихъ друзей,
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной подлун-
ною:

Нравъ тихій ангела, даръ слова,
тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной изъ важныхъ
музъ
И прелесть дѣвственной хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщет-
ный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался
И въ тихой радости, какъ путникъ
среди песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ—увы!—исчезъ, какъ слад-
кая мечта.
Она въ страданіяхъ почила
И, съ міромъ въ страшный часъ
прощаясь навсегда,
На другѣ взоръ остановила.

Но, дружба, можетъ быть, ее за-
была ты?

Веселье слезы осушило,
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило...

Такъ все здѣсь суетно въ обители
суетъ,
Пріязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой
сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность
вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали,
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра
мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится
здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ ле-
таетъ,
Какъ судно безъ руля стремится
по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,

Такъ умъ мой посреди сомнѣній по-
гибалъ,
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильничъ
погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ спросилъ гласъ со-
вѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, какъ солн-
цемъ, озарень,
Ногой надежно ступаю
И съ ризы странника свергая прахъ
и тлѣнь,
Въ міръ лучшей духомъ возлетаю.

Переходъ черезъ Рейнъ.

Межъ тѣмъ какъ воины вдоль
идутъ по полямъ,

Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
 Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
 Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
 Отъ волнъ Улеи и Байкала,
 Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
 Отъ града нашего Петра,
 Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ,
 За честь твердынь и сель, и нивъ опустошенныхъ,
 И береговъ благословенныхъ,
 Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство россіянъ,
 Гдѣ ангель мирный, свѣтозарный
 Для странъ полуночи рождень
 И Провидѣнемъ обречень
 Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о, Рейнъ, здѣсь! Ты видишь блескъ мечей,
 Ты слышишь шумъ полковъ и но-выхъ коней ржанье,
 Ура побѣды и званье
 Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
 Взивая къ небу прахъ летучій,
 По трунамъ вражескимъ летятъ
 И вотъ—коней лихихъ поятъ,
 Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
 Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдъ сияетъ за конями,
 И ружья длинными рядами,
 И стиги древніе средь копій и мечей.
 Тамъ племы воевъ оперенны,
 Тяжелой конницы строи
 И легкихъ всадниковъ рои,
 Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ,
 Костры надъ Рейномъ дымятся и пылають,
 И чаши радости сверкають,

И клики воиновъ восходятъ до небесъ.
 Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
 Тамъ точить пѣшій штыкъ стальной,
 И конный грозною рукой
 Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
 Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
 Стоитъ и жаднымъ ловитъ окомя
 Рѣки излучистой послѣдніе края.
 Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
 Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
 И на груди свой мѣдный крестъ
 Невольно къ сердцу прижмаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей,
 Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
 И Богу сильныхъ Мамакеевъ
 Колѣнопреклоненъ служителъ алтарей!
 Его шума присѣняетъ
 Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
 И солнце юное съ небесъ
 Алтарь сіянемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
 Благоговѣніе внезапно воцарилось,
 Оружье долу преклонилось,
 И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ:
 Поютъ Владыкѣ вышней силы
 Тебѣ, Подателю побѣдъ,
 Тебѣ, Незаходимый Свѣтъ,
 Дымятся мирныя кадилы!

И се подвинулись: валить за строемъ строй,
 Какъ море шумное, волнуется все войско,
 И эхо вторитъ кликъ геройской,

Досель не слышанный, о, Рейнъ,
 надъ тобой!
 Твой стонетъ берегъ гостеприим-
 ной,
 И мость подъ воями дрожить,
 И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ,
 Отъ глазъ, въ дали теряясь
 дымной!

Умирающій Тассъ.

E come alpestre e rapido torrente,
 Come acceso baleno
 In notturno sereno,
 Come aura, o fumo, o come stral
 repente,
 Volan le nostre fiamme: ed ogni onore
 Sembra languido fiore!
 Che più spera, o che s'attende omai?
 Dopo trionfo e palma
 Sol qui restano all'anima
 Lutto e lamenti, e lagrimosi
 lai.
 Che più giova amicizia, a giova
 amore?
 Ah! lagrime! ah! dolore!
 «Torrismondo», tragedia di T. Tasso.

Какое торжество готовитъ древ-
 ний Римъ?
 Куда текутъ народа шумны
 волны?
 Къ чему сихъ ароматъ и мирры
 сладкй дымъ,
 Душистыхъ травъ кругомъ кош-
 ницы полны?
 До Капитолія отъ Тибровыхъ ва-
 ловъ,
 Надъ стогнами всемирныя сто-
 лицы,
 Къ чему раскинуты средь лавровъ
 и цвѣтовъ
 Безцѣнные ковры и багряницы?
 Къ чему сей шумъ, къ чему тим-
 пановъ звукъ и громъ?
 Веселья онъ, или побѣды вѣст-
 никъ?
 Почто съ хоругвией течетъ въ
 молитвы домъ
 Подъ митрою апостоловъ на-
 мѣстникъ?
 Кому въ рукъ его сей зблется вѣнецъ,
 Безцѣнный даръ признательнаго
 Рима?
 Кому триумфъ?... Тебѣ, божествен-
 ный пѣвецъ,
 Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусали-
 ма!

И шумъ веселія достигъ до кельи
 той,
 Гдѣ борется съ кончиною Торк-
 вато,
 Гдѣ надъ Божественной страдальца
 головой
 Духъ смерти носится крылатой.
 Ни слезы дружества, ни иноковъ
 мольбы,
 Ни почестей столь позднія на-
 грады,
 Ничто не укротитъ желѣзные судьбы,
 Не знающей къ великому пощады.
 Полуразрушенный, онъ видитъ гроз-
 ный часъ,
 Съ веселиемъ его благославляетъ
 И, лебедь сладостный, еще въ по-
 слѣдній разъ
 Онъ, съ жизнію прощаясь, вос-
 клицаеть:

„Друзья, о, дайте мнѣ взглянуть
 на пышный Римъ,
 Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно
 кладбище!
 Да встрѣчу взорами холмы твои и
 дымъ,
 О, древнее квиритовъ пепелище,
 Земли священная героевъ и чудесеъ,
 Развалины и прахъ краснорѣ-
 чивый!
 Лазурь и пурпуры безоблачныхъ не-
 бесъ,
 Вы, тополи, вы, древнія оливы,
 И ты, о, вѣчный Тибръ, поитель
 всѣхъ племень,
 Засѣянный костями гражданъ все-
 ленной,
 Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ
 унылыхъ стѣнъ
 Безвременной кончинѣ обречен-
 ной!
 Свершилось! Я стою надъ бездной
 роковой
 И не вступлю при плескахъ въ
 Капитолій,
 И лавры славные надъ дряхлой
 головой
 Не усладятъ пѣвца свирѣпой
 доли!
 Отъ самой юности, игралище лю-
 дей,
 Младенцемъ былъ уже изгнан-
 никъ.

Подъ небомъ сладостнымъ Италиі
 моеі
 Скитаяся, какъ бѣдный стран-
 никъ,
 Какихъ не испыталъ превратно-
 стей судебъ!
 Гдѣ мой челнокъ волнами не
 носился?
 Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущ-
 ный хлѣбъ
 Слезами скорби не кропился?
 Сорренто, колыбель моихъ несчаст-
 ныхъ дней,
 Гдѣ я въ ночи, какъ трепет-
 ный Асканій,
 Отторженъ былъ судьбой отъ
 матери моей,
 Отъ сладостныхъ объятий и
 лобзаний!
 Ты помнишь, сколько слезъ мла-
 денцемъ пролилъ я!
 Увы, съ тѣхъ поръ доблца злой
 судьбины,
 Всѣ горести узналъ, всю бѣдность
 бытія!
 Фортуною изрытыя пучины
 Разверзлись подо мной, и громъ
 не умолкалъ!
 Изъ веси въ весь, изъ странъ
 въ страну гонимый,
 Я тщетно на землѣ пристанища
 искалъ!
 Повсюду—персть ея неотразимый,
 Повсюду—молніи, карающіе пѣвца!
 Ни въ хижинѣ оратая простого,
 Ни подъ защитою Альфонсова
 дворца,
 Ни въ тишинѣ безвѣстѣйшаго
 крова,
 Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не
 спасъ главы моей,
 Безславіемъ и славой удручен-
 ной,—
 Главы изгнанника, отъ колыбель-
 ныхъ дней
 Карающей богинѣ обреченной!
 Друзья, но что мою стѣняетъ
 страшно грудь?
 Что сердце такъ и ноетъ, и
 трепещетъ?
 Откуда я? Какой прошелъ ужас-
 ный путь,
 И что за мной еще во мракѣ бле-
 щетъ?

Феррара, фуриі и зависти змія!...
 Куда, куда, убійцы дарованья!
 Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь
 братья и семья!
 Вотъ слезы ихъ и сладки лобы-
 занья,
 И въ Капитолиі—Виргиліевъ вѣ-
 нецъ!
 Такъ! Я свершилъ назначенное
 Фебомъ.
 Отъ первой юности его усердный
 жрецъ,
 Подъ молніей, подъ разъярен-
 нымъ небомъ
 Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ
 дней,
 И въ устахъ я душой не измѣ-
 нился.
 Музъ сладостный восторгъ не гасъ
 въ душѣ моей,
 И гений мой въ страданьяхъ
 укрѣпился.
 Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у
 стѣнъ твоихъ, Сионъ,
 На берегахъ цвѣтущихъ Иордана!
 Онъ вопрошалъ тебя, мутиційся
 Кедронъ,
 Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
 Предъ нимъ воскресли вы, герои
 древнихъ дней,
 Въ величїи и въ блескѣ гроз-
 ной славы!
 Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, вла-
 дыка, вождь царей,
 Подъ свистомъ стрѣлъ спокой-
 ный, величавый,
 Тебя, младый Ринальдъ, кипящій,
 какъ Ахиллъ,
 Въ любви, въ войнѣ счастливый
 побѣдитель,
 Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по
 трушамъ вражьихъ силъ,
 Какъ огонь, какъ смерть, какъ
 ангель-истребитель...
 И Тартаръ низложенъ сіяющимъ
 крестомъ!
 О, доблести неслышанной при-
 мѣры!
 О, нашихъ праотцевъ, давно по-
 чившихъ сномъ,
 Триумфъ святой, побѣды чистой
 вѣры!
 Торквато васъ исторгъ изъ про-
 пасти временъ:

Онъ пѣль, и вы не будете
забвенны!
Онъ пѣль, ему вѣнецъ без-
смертѣя обречень,
Рукою музъ и славы соплетен-
ный...
Но поздно! Я стою надъ бездной
роковой
И не вступлю при плескахъ въ
Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой
головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой
доли!“

Умолкъ. Унылый огонь въ очахъ
его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ
кончиной,
И умирающій, казалось, хотѣлъ
У Парки взять триумфа день еди-
ной.
Онъ взоромъ все искалъ Ка-
питолійскихъ стѣнъ,
Съ усиленіемъ еще приподнимался,
Но, мукой страшною кончины из-
нурень,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу
текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился, и мрачное
чело
Въ послѣдній разъ страдальца
просіяло.
Съ улыбкою тихою на западъ онъ
глядѣлъ
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ
воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и
отрадой.

„Смотрите,— онъ сказалъ рыдаю-
щимъ друзьямъ,—
Какъ царь свѣтилъ на западѣ
пылаеть!
Онъ, онъ зоветъ меня къ без-
облачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ.
Ужъ ангель предо мной, вожатый
оныхъ мѣстъ,
Онъ осѣнилъ меня лазурными
крылами...“

Приблизьте знакъ любви, сей
таинственный крестъ,
Молитесь съ надеждой и сле-
зами!
Земное гибнетъ все—и слава, и
вѣнецъ,
Искусствъ и музъ творенья
величавы...
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ
самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небрен-
ной славы,
Тамъ все великое, чѣмъ духъ
питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой
колыбели!
О, братья, о, друзья, не плачьте
надо мной!
Вашъ другъ достигъ давно
желанной цѣли:
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой
укрѣпленъ,
Мучительной кончины не при-
мѣтитъ.
Тамъ, тамъ—о, счастье!—среди
непорочныхъ женъ,
Среди ангеловъ Элеонора встрѣ-
титъ!“

И съ именемъ любви божествен-
ный погасъ.
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи
рыдали.
День тихо догоралъ, и колокола
гласъ
Разнесъ кругомъ постогамамъ въ
печали.
„Погибъ Торевато нашъ!— вос-
кликнулъ съ плачемъ Римъ,—
Погибъ пѣвецъ, достойный
лучшей доли!...“
На утро факеловъ узрѣли мрачный
дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

Изреченіе Мельхиседека.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнью, сѣдой Мель-
хиседекъ?—
„Рабомъ родился человекъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва-ли скажетъ,

Зачьмь онь шель долиной чудной
слезь,

Страдаль, рыдаль, терпѣль,
исчезь!“

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ

И. Дмитріевъ.

Сатира: чужой толкъ.

„Что за диковинка? лѣтъ двад-
цать уже прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, намор-
щивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ,
пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ
не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной
указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться
изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ
собратьи равнымъ,
И столько-жъ, какъ они, во пѣсно-
пѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?.. Вчера случилось
мнѣ слычать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ... не-
чего читать!
Листочекъ, много три, а люблю, какъ
читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ, какъ будто
бы, летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что
они
Писали ихъ рѣзвясъ, а не четыре
дни:
То какъ бы намъ не быть еще и
ихъ счастливей?
Когда мы во сто разъ прилежнѣй,
терпѣливѣй,—
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ
забавы прочь!
Надъ парюю стиховъ просиживаетъ
ночь,
Потѣеть, думаетъ, чертитъ и жжетъ
бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою
одной!

И подлинно, ужъ весь приложить
разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная
ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти
строфы!
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ
есть стишковъ!
Къ тому-жъ и въ правилахъ: сперва
прочтешь вступленье,
Тутъ—предложеніе, а тамъ и заклю-
ченье —
Точь въ точъ, какъ говорятъ учены
по церквамъ!
Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты,
вижу самъ.
Возму ли, напимѣръ, я оды на
побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ
морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженъ на-
хожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я
скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!..
а зѣваю!
И, бросивши ее, другую раскры-
ваю,
На праздникъ, иль на что подобное
тому:
Тутъ найдешь то, чего-бъ нехитро-
му уму
Не выдумать и въбѣкъ: „зари ба-
гръны персты“,
И „райскій кринъ“, и „Фебъ“, и
„небеса отверсты“!
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не
веселить,
И сердца, такъ сказать, ничуть не
шевелить“.

Такъ дѣдовскихъ времянь съ любовью
 безной простотою
 Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ
 со мною.
 Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ
 пѣвцовъ,
 Которыхъ дѣйствию дивился онъ
 стиховъ,
 Смутился и не зналъ, какъ отвѣ-
 чать мнѣ должно;
 Но, къ счастью,—ежели назвать то
 „счастьемъ“ можно,
 Чтобъ слышать и себѣ ужасный
 приговоръ, —
 Какой-то Аристархъ съ нимъ на-
 чалъ разговоръ.

„На это,—онъ сказалъ,—есть мно-
 гія причины;
 Не общаюсь ихъ открыть и поло-
 вины,
 А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
 Я самъ языкъ боговъ, поэзію,
 люблю,
 И нашей, какъ и вы, утѣшенъ
 такъ же мало;
 Однако-жъ здѣсь въ Москвѣ тол-
 кался я, бывало,
 Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ
 ихъ замѣчалъ:
 Большая часть изъ нихъ — лейбъ
 гвардіи капралъ,
 Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь
 подъячій,
 Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ
 пыли ходячій,
 Уродовъ стражъ,—народъ все нуж-
 ный, должностной;
 Такъ часто я видалъ, что истинно
 иной
 Въ два, въ три дня риому лишь
 прибрать едва успѣеть,
 Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не
 имѣеть.
 Лишь только мысль къ нему счаст-
 ливая придетъ,
 Вдругъ — било шесть часовъ! уже
 карета ждетъ:
 Пора въ театръ, а тамъ на балъ,
 а тамъ къ Ліону,
 А тутъ и ночь... Когда-жъ заѣхать?
 къ Аполлону?
 На завтра, лишь глаза откроешь—
 ужъ билетъ:

На пробу въ пять часовъ... Куда
 же? Въ модный свѣтъ,
 Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ
 арлекина ролю.
 До оды-ль тутъ? тверди!.. скажи два
 раза къ Кролю,
 Потомъ опять домой: здѣсь хохлея
 да рядись,
 А тамъ въ спектакль, и такъ со
 днемъ опять прости! —
 Къ тому-жъ, у древнихъ цѣль была,
 у насъ другая:
 Горацій, напимѣръ, восторгомъ
 грудь питалъ,
 Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ
 несвысока;
 Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ
 лишь вѣнка
 Изъ лавровъ, иль изъ миртъ, чтобъ
 Деція сказала:
 Онъ славенъ, чрезъ него и я без-
 смертна стала!
 А нашихъ многихъ цѣль—награда
 перстенькомъ,
 Нерѣдко сто рублей, иль дружество
 съ князькомъ,
 (Который отъ роду не читывалъ
 другога,
 Кромѣ придворнаго подъ чась мѣ-
 сяцеслова!)
 Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
 Печатный всякій листъ быть ка-
 жется святымъ.
 Суди-жъ, сколь разные и тѣхъ и
 нашихъ виды,
 Навѣрно лъзя сказать, не дѣлая
 обиды
 Ретивымъ господамъ, питомцамъ
 русскихъ музъ,
 Что долженъ быть у нихъ и особ-
 ливый вкусъ,
 И въ сочиненіи лирической поэмы
 Другіе способы, особые приемы;
 Какіе же они, сказать вамъ не могу,
 А только объявлю — и, право, не
 солгу —
 Какъ думалъ о стихахъ одинъ сти-
 хотворитель,
 Котораго трудовъ „Меркурій“ нашъ
 и „Зритель“,
 И книжный магазинъ, и лавочки
 полны,
 „Мы съ риемами на свѣтъ, — онъ
 мыслилъ,—рождены:

Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ,
согласиться—
На взморьѣ въ хижину, какъ Де-
мосеенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что
вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ
лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не участь, учень, какъ при-
детъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ, — отвага, рие-
мы, жаръ“.
И вотъ, какъ писывалъ поэтъ при-
родный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ при-
ятну вѣсть народу,
Что Римникскій Алкидъ поляковъ
разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку
полонилъ, —
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ,
вывелъ: „ода“!
Потомъ въ одинъ присѣсть: „та-
кого дня и года“!
Тутъ какъ?.. „Пою!“ Иль нѣтъ,
ужъ это старина!
Не лучше-ль: „Дажь мнѣ, Фебъ!“...
Иль такъ: „Не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна
Порта!“
Ну что же мнѣ прибратъ къ ней
въ риему, кромѣ „чорта“?
Нѣтъ, нѣтъ! нехорошо; я лучше
поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣ-
жу“.
Попелъ, и на пути такъ въ мы-
сляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устра-
шаетъ:
Что хочешь, то мели! вотъ штука,
какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ
сравнить?
Съ Румянцевымъ его, иль съ Грей-
гомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не чи-
тывалъ! а съ новымъ —
Неловко что-то все. Да просто на-
пишу:
„Ликуй, герой!.. ликуй, герой,
ты!“ —возглашу.

Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надо-
бенъ восторгъ!
Скажу: „Кто завѣсу мнѣ вѣчности
расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ
горня свѣта
И то, и то“... А тамъ?.. извѣстно:
„многи лѣта“!
Брависсимо! и планъ, и мысли, все
ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталось
присѣсть
Да только написать, да и печатать
смѣло!“
Бѣжить на свой чердакъ, чертить, —
и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предають,
И въ одѣ ужъ его намъ ваку про-
дають.
Вотъ, какъ пиндарилъ онъ и всѣ
ему подобны,
Едва ли вивѣски надписывать спо-
собны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во
снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкій славою Екатери-
нинъ вѣкъ
Хвалою ему сердцецъ другихъ не
восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не оро-
шаетъ, —
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ
не поэтъ!“

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ
мой клеветъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ
насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Воспри-
немъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! ото-
местимъ,
Надеемся, напредъ, ударимъ, по-
разимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску гром-
ку лиру!

Сказка: „Причудница“.

Въ Москвѣ, которая и въ древ-
ни времена
Прелестными была обильна и слав-
на—

Не знаю подлинно, при коемъ го-
сударѣ,
А только слышала я, что русскіе
бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чер-
даки,

Но, слѣдуя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной
жить свободѣ,

И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Съ домашнимъ другомъ, иль одна,
И на качеляхъ быть въ день свѣтла
воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки
завернуть,
И въ рошѣ Марьиной подъ тѣнью
отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрапа
процвѣтала;

Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки да-
вать супругу,
Имѣла, словомъ, все,—большой те-
совый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную
услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дурь
содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя
болтали
Такъ точно, какъ она — однакожъ
меньше знали.
Вѣтрапа куколкой всегда разря-
жена

И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными
сердцами;
Но всё они при ней казались быть
льстецами,
Затѣмъ, что всякъ изъ нихъ зави-
довалъ то ей,
То цугу воронныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою
благодатью.
Одна Вѣтрапа лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей fortunately
даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски,
ни забавы,

Ни самая любовь—вѣдь есть же на
свѣту

Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну кра-
соту.

Ей царствующій градъ казался пустъ
и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ-нибудь да былъ пят-
номъ:

„Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ
ужасъ неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ
гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ
въ сонъ;

Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, само-
любива“.

Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ
отбилъ:

Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой не-
вѣжѣ

Часъ отъ часу стала рѣже, рѣже;
Осталась, наконецъ, лишь съ гор-
достью одной.
Утѣшно ли кому съ подругой жить
такой,

Надутой, но пустой?
Она лишь пучить въ насъ, а не
питаешь душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то
не струшу.
И такъ Вѣтрапа съ ней сначала ну
зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и
тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду раз-
сылать
За крестной матерью; — а та, из-
вольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя
штуки.
О, если бы возсталъ изъ гроба ты
въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ
Брамербасъ,
Ты, бывший столько лѣтъ въ мало-
россійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!.. Я
помню, какъ во снѣ,

Чтò ты разсказывалъ еще ребенку,
 мнѣ,
 Какъ вѣдма нѣкая въ сараѣ,
 Оборотя тебя въ драгунскаго
 коня,
 Гуляла на хребтѣ твоёмъ до полу-
 ноци,
 Доколѣ ты уже не выбился изъ
 мочи:
 Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда
 меня?
 Съ какой, бывало, ты разсказывалъ
 размашкой,
 Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ
 сапогахъ,
 За круглымъ столикомъ, дрожащимъ
 съ чайной чашкой!
 Какой огонь тогда пылалъ въ тво-
 ихъ глазахъ!
 Какъ волосы твои, сѣдые съ жел-
 тиною,
 Въ природной простотѣ взвѣвали
 по плечамъ!
 Съ какимъ безмолвiемъ ты былъ
 внимаемъ мною!
 Въ подобномъ твоему я страхъ былъ
 и самъ.
 Стоялъ, какъ вкопанный, тебя гла-
 зами мѣрилъ,
 И что ужъ ты не конь... еще тому
 не вѣрилъ!
 О, если бы теперь ты, витязь мой,
 воскресъ,
 Я-бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслы-
 ханныхъ чудесъ!
 Не сталъ бы истину я закрывать
 подъ маску...
 Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ!—и былъ
 идетъ за сказку.
 Простите! виноватъ! немного от-
 ступилъ,
 Но, истинно, не я, восторгъ при-
 чиною былъ;
 Однако я клянусь моимъ пермес-
 скимъ богомъ,
 Что буду продолжать обыкновен-
 нымъ слогомъ,
 И такъ дослушайте-жъ. Однажды
 вечеромъ
 Сидить, облокотясь, Вѣтра на подъ
 окномъ
 И, возведя свои уныло-ясны очи
 Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ
 смуглой ноци,

Грустить и думаетъ: „Прекрасная
 луна!
 Скажи, не ты ли та счастливая
 страна,
 Гдѣ матушка моя ликуеть?
 Увы! неужель ей, которой небеса
 Вручили власть творить различны
 чудеса,
 Невѣдомо теперь, что дочь ея то-
 скуеть,
 Что крестница ея оставлена отъ
 всѣхъ
 И въ жизни никакихъ не чув-
 ствуетъ утѣхъ?
 Ахъ, если бы она хоть глазки по-
 казала!“
 И съ этой мыслью вдругъ Всеѣда
 ей предстала.
 „Здорово, дитяте! Вѣтранѣ гово-
 ритъ:
 Какъ поживаешь ты?.. Но чтò твой
 кажется видъ?
 Ты такъ стара! такъ похудѣла!
 И, бывши розою, какъ лилія блѣдна!
 Скажи мнѣ, отчего такъ скоро ты
 созрѣла?
 Откройся“... — „Матушка,—отвѣт-
 ствуетъ она,
 — Я жизнь мою во скукѣ трачу:
 Настанетъ день,—тоскую, плачу,
 Покроетъ ночь—опять грущу,
 И все чего-то я ищущу!“
 — „Чего же, свѣтиль мой? или ты
 нездорова?“ —
 „О, нѣтъ, грѣшно еказать“.— „Иль
 домъ вашъ не богатъ?“ —
 „Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ
 палатъ“. —
 „Иль мужъ обычая лихого?“ —
 „Напротивъ, врьдъ найти другого,
 Который бы жену столь горячо лю-
 билъ“. —
 „Иль онъ не правится?“ — „Нѣтъ,
 онъ довольно милъ“. —
 „Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ
 неспокойна?“ —
 „Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ
 достойна“. —
 — Чего же, глупенька, тебѣ недо-
 стаетъ? —
 „Признаться, матушка, мнѣ такъ
 маскучилъ свѣтъ,
 И такъ я все въ немъ ненавижу,
 Чтò то одно и сплю, и вижу,

Чтобъ какъ-нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только, чтобы все въ глазахъ
моихъ блистало,

Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ,
Гдѣ-бъ разныхъ дивностей со-

боръ
Представилъ былъ, какъ небы-

лицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ сто-

лицу!“
Старуха хитрая, кивая головой,
„Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ

просьбою такой?
Желанье дерзко, безразсудно,
То правда, но его исполнить мнѣ

нетрудно;
Зачѣмъ же дурочку отказомъ огор-

чить!..
Къ тому-жъ, я тѣмъ могу ее и по-

учить!..“
„Изрядно!—наконецъ сказала,—
Исполнится, какъ ты желала.“—

И вдругъ, о чудеса!
И крестница, и мать взвились подъ

небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,

И меньше, нежели въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ на-

шего отлѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвиг-

нуть неизмѣнный!
Въ немъ рѣки, какъ хрусталь, какъ
бархатъ берега,

Деревья яблочны, кусточки ана-

насны,
А горы всѣ или янтарны, иль топазны.
Каковъ же феинъ былъ дворецъ —

признаться вамъ,
То врядъ изобразить и Богдановичъ

самъ.
Я только то скажу, что всѣ мате-

риалы
(А, впрочемъ, выдаю я это вамъ за
слухъ),
Изъ конхъ феинъ кумъ, какой-то
славный духъ,

Дворецъ сей стромоздиль — лишь
изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, биронъ, кри-

сталль,
Жемчугъ и лалль.

Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя
природы,
Какими свадебны набиты русски

оды;
А садъ — повѣрите-ль?—не только

описать
Иль въ сказкѣ рассказать,
Но даже и во снѣ его намъ не

видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно:
Но все то будетъ мало, скучно,

Иль много-много что во тѣмъ ку-

дрявыхъ словъ
Удастся Царское село себѣ пред-

ставить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ,
Такъ лучше этотъ трудъ оставить

И далѣ продолжать. Вѣтра, ни-

коли
Диковинокъ такихъ не видя на
земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы ози-

раетъ
И мыслить, что мечта во снѣ надъ
ней играетъ;

Войдя же въ хранины чудесницы
своей,
И пуще щурится; то блескъ отъ

хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ
лучами,

Которые бѣ почлисъ за солнечные
нами,
Какъ яркой молніей слѣпить Вѣ-

транинъ взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней,
или фарфоръ...

Ахти! опять понесъ великолѣпный
вздоръ!

Но быть ужъ такъ, когда пу-

стился.
Итакъ, переступя одинъ, другой
порогъ,
Лишь къ третьему пришли, бога-

тый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою рас-

творился!
„Ну, дочка, поживай и веселися
здѣсь!
Всевѣда говоритъ, —не только дворъ
мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и
воздушныхъ
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,

Даю во власть твою: сама же я,
 мой свѣтъ,
 Отправляю на мало время—
 Вѣдь у меня заботъ беремя—
 Къ сестрѣ, съ которою не видѣ-
 лась сто лѣтъ;
 Она недалеко живетъ отсюда—въ
 Колѣ;
 Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
 Зайду и къ брату я,
 Камчатскому шаману.
 Прощай, душа моя!
 Надѣюсь, что тебя довольнѣе за-
 стану“.
 Тутъ коврикъ-самолетъ она подо-
 стлала,
 Ступила, свистнула и въ мигъ изъ
 глазъ ушла,
 Какъ будто бы и не была.
 А удивленная Вѣтрапа,
 Какъ новая Діана,
 Осталась между нимфъ, исполнен-
 ныхъ заразы;
 Онѣ тотчасъ ее подъ ручки под-
 хватили,
 Помчали и за столъ роскошный
 посадили,
 Какого и видомъ не видано у насъ.
 Вѣтрапа кушаетъ, а дѣвушки пре-
 красны,
 Изъ коихъ каждая почти какъ ты...
 мила,
 Поджавши руки, вокругъ стола
 Поютъ ей арии веселыя и страстны,
 Стараясь слухъ ея и сердце ула-
 ждаты.
 Потомъ, она едва задумала вста-
 вать,
 Вдругъ—дѣвушекъ, стола не
 стало,
 И залы будто не бывало:
 Ужъ спальней сдѣлалась она!
 Вѣтрапа чувствуетъ пріятну том-
 ность сна,
 Спускается на пухъ, изъ розъ въ
 сплетенномъ нишѣ;
 И въ тотъ же мигъ смычекъ не-
 видимый заплѣлъ,
 Какъ будто бы самъ Дицъ за по-
 логомъ сидѣлъ;
 Смычекъ часъ отъ часу плѣлъ тише,
 тише, тише,
 И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтрапою
 уснулъ.

Прошла спокойно ночь; натура
 пробудилась;
 Зефиръ вспорхнулъ,
 И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ
 воскурилась;
 Выгралъ и солнца лучъ, и голосъ
 соловья,
 Слиянный съ сладостнымъ журча-
 ніемъ ручья
 И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
 Воспѣлъ: „Проснись, проснись, сча-
 стливая Вѣтрапа!“
 Она проснулась—и спальня—ужъ
 садъ,
 Жилище райское веселій и про-
 хладъ!
 Повсюду чудеса Вѣтрапа обрѣтала:
 Гдѣ только ступитъ лишь,—тутъ
 роза расцвѣтала;
 Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны
 дерева,
 Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣж-
 на мурава
 Отъ солнечныхъ лучей какъ бар-
 хатъ отливаетъ;
 Тамъ рѣчка по песку золату про-
 текаетъ;
 Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
 Мелькаютъ рыбки золотыя;
 Тамъ птички гимнъ поютъ при-
 родѣ и веснѣ,
 И поугай голубые
 Со эхомъ взапуски твердятъ:
 „Вѣтрапа! насыщай свой
 взглядъ!“
 А къ полднямъ новая картина:
 Садъ превратился въ храмъ,
 Украшенный по сторонамъ
 Столпами изъ рубина,
 И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
 Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣ-
 товъ.
 И вдругъ отъ свода опустился
 На розовыхъ цѣняхъ столъ круг-
 лый изъ серебра
 Съ такою-жъ пищей, какъ вчера,
 И въ воздухѣ остановился;
 А подъ Вѣтрапой очутился
 Съ подушкой бархатною тронъ,
 Чтобы съ него ей кушать
 И пѣніе, какимъ гордился-бъ Ам-
 фіонъ,
 Тѣхъ нимфъ, которыя вчера слу-
 жили, слушать.

„По чести, это рай! Ну, если бы
теперь,—
Вѣтра́на думаетъ,—подкрался въ
эту дверь...“

И, слова не скончавъ, въ трюмо
она взглянула—

Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь
тотъ день,

Пригнаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не-
кстати;

А только объявлю, что въ этой же
палатѣ,

Иль въ храмѣ, какъ угодно
вамъ,

Былъ и вечерній столъ, прилич-
ный лишь богамъ,

И что на утро былъ день новыхъ
превращеній

И новыхъ восхищеній;
А на другой день то-жъ. „Но что
это за мѣръ?“—

Вѣтра́на говоритъ, гармоніи вни-
мая

Висящихъ по стѣнамъ золотострун-
ныхъ лиръ:—

„Все этакъ, то тоска возьметъ и
среди рай!

Все чудо изъ чудесъ, куда ни по-
глядишь;

Но что мнѣ въ томъ, когда това-
рища не вижу!

Увы! я пуще жизнь мою вознена-
вижу!

Веселье веселить, когда его дѣ-
лать“.

Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ ви-
хорь, грянулъ громъ,

Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ
дномъ,

Какъ не бывалъ волшебный
домъ;

И бѣдная Вѣтра́на,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, ле-
титъ—

И гдѣ-жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ муромскихъ
лѣсовъ,

Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!

Вѣтра́на возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попала́ся она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дро-
жали!

Ночь адская была! ни звѣзды, ни
луна

Сквозь чернаго ея покрыва не
мелькали;

Все спитъ!

Лишь воетъ вѣтръ, лишь листь
шумитъ,

Да изъ дупла въ дупло сова пе-
релетаетъ,

И изрѣдка въ глуши кукушка за-
нываетъ.

Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль
нѣтъ,

И ждать, когда луны забрежетъ
блѣдный свѣтъ?

Но этотъ часъ воровъ! Итакъ она
рѣшилась,

Не мѣшкая идти; итакъ пере-
крестилась,

Вздохнула и пошла по вязкому
песку

Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь сту-
пить шагъ ногою;

Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній
часъ: „куку“!

Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за де-
реьевъ роги;

То слышится „ау“; то вспыхнулъ
огонекъ;

То вѣдьма кошкою бросается съ
дороги,

Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,

То вой волковъ, то конскій то-
потъ.

Но сердце въ наевъ вѣщунъ; я
самъ то испиталъ,

Когда мои стихи въ журналы от-
давалъ;

Недаромъ и Вѣтра́на плачетъ.
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то
скачетъ

Съ рога́тиной въ рукѣ, съ пицалью
за плечьми.

„Стой! стой!“—онъ гаркаетъ, свер-
каючи очьми,—

„Стой! кто бы ты ни шель, по волѣ
иль неволѣ,

Иль свѣта не увидишь болѣ!...
 Кто ты?—нагнавъ ее, очъ грозно
 продолжалъ.
 Но видя, что у ней страхъ губы
 оковаль,

Береть ее въ охапку
 И поперекъ кладетъ сѣдла,
 А самъ, надвинувъ шапку,
 Припавъ къ лукѣ, летить, какъ
 изъ лука стрѣла,

Летить, исполненный отваги,
 И, Клязмы доскакавъ высокихъ
 береговъ,
 Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не
 говоря двухъ словъ;
 Вѣтрана-жь: „ахъ!“...и пробудилась.

Представьте, какъ она, взглянувъ
 ши, удивилась!

Вся горница полна людей:
 Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
 Сестры и тетуски вокругъ ея по-
 стели

Въ безмолвіи сидѣли;
 Въ углу приходскій попъ молился
 и читалъ,
 Въ другомъ углу колдунъ досужій
 бормоталъ,

У шкапа-жь за столомъ, вощан-
 кою покрытымъ,
 Прописывалъ рецептъ хирургусъ
 изъ пѣмчинъ,
 Который по Москвѣ считался зна-
 менитымъ,

За тѣмъ что былъ одинъ.
 И все собраніе, Вѣтраны съ пер-
 вымъ взоромъ:

„Очнулась!“ возгласило хоромъ;
 „Очнулась!“ повторяетъ хоръ;
 „Очнулась“—и весь дворъ
 Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ:
 „Слава Богу!
 Боярыня жива! нѣтъ горя намъ
 теперь!“

А въ эту самую тревогу
 Вошла Всевѣда въ дверь
 И бросилась къ Вѣтранѣ.

„Ахъ, бабушка! зачѣмъ явилась ты
 не ранѣ?“—
 Вѣтрана говоритъ, — „гдѣ это я была?
 И что я видѣла?..“ страхъ...
 ужась!“— „Ты спала,
 А видѣла лишь бредъ,—Всевѣда
 отвѣчаетъ,—

„Прости!—развеселясь старуха про-
 должаетъ,—
 Прости мнѣ, милая! я видѣла, что
 ты
 По молодости лѣтъ ударила въ
 мечты;
 А для того, когда ты съ просьбой
 приступила
 Трехсуточнымъ тебя я сномъ об-
 ворожила
 И въ сновидѣніяхъ представила
 тебѣ,
 Что мы всегда, чужой завидуя
 судьбѣ

И новыхъ благъ желая,
 Изъ доброй воли въ адъ влечемъ
 себя изъ рай.
 Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой
 жить семьѣ?
 И такъ впередъ страшись ты по-
 кидать ее!
 Будь добрая жена и мать чадомъ
 любива,
 И будешь всеми ты почтена и
 счастлива“.

Съ симъ словомъ бросилась Вѣ-
 трана обнимать
 Супруга, всехъ родныхъ и добрую
 Всевѣду;
 Потомъ все сродники приглашены
 къ обѣду:
 Наѣхали, нашли и сѣли пировать.
 Ужь линецъ зашипѣлъ: все стало
 веселѣе,
 Всякъ пьетъ и говорить, любуйся
 на бокалъ:
 „Что матушки Москвы и краше и
 милѣе?“

Насилу досказалъ.

Лиса-проповѣдница.

Разбитая параличемъ
 И одержимая на старости подагрой
 И хирагрой,
 Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая
 умомъ,
 И въ логикѣ своей изъ первыхъ
 мастерица,
 Лисица
 Уединилась отъ свѣта и отъ зла
 И проповѣдовать въ пустыню пе-
 решла.

Тамъ кроткія свои бесѣды раство-
ряла
Хвалою воздержности, смиренью,
правотѣ,

То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь
сбиралось

Пять, шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то сурокъ, да
кротъ,

Да двѣ, три набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей,
безъ подпоръ:
Какой же ожидать отъ нихъ ли-
сицѣ дани?

Но лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила пе-
руны

На кровожаждующихъ медвѣдей и
волковъ,
На тигровъ, даже и на львовъ!
Что-жь? слушателей тьма сте-
клая,

И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,
Который, несмотря, что онъ по-
роды львиной,

Безъ шума управлялъ подвластною
скотиной
И въ благочестіе вдался подъ ста-
рость дней.

„Послушаемъ лису!—Левъ молвилъ:
что за диво!“
За словомъ въ слѣдъ указъ;

И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь сгавала.
Какую жъ проповѣдь! Изъ кожи
лѣзла вонъ!

Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждующихъ отъ нихъ духъ
бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.

Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко
говорить?

Другъ на друга глядятъ, но го-
ворить не смѣли,
Смекнувъ, что царь лису изволилъ
похвалить.

Какъ новость, иногда и правда
намъ по праву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ
честь и славу!

Царь-левъ, давъ лапу ей, привѣт-
ливо сказалъ:
„Тобой я истину позналъ
И болѣе прежняго гнущаться стальъ
пороковъ;

Чего-жь ты требуешь во мзду
твоихъ уроковъ?
Скажи безъ всякаго зазрѣнья и
стыда:

Я—твой должникъ“. Лиса, глядь,
глядь, туда, сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя
улику:

„Всецѣдный царь-отецъ!—
Отвѣтствовала льву съ запинкой,
наконецъ,—
Индѣбь... малую толику“.

Крыловъ.

Ворона и лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лестъ гнусна, вредна; но только
все не въ прокъ,
И въ сердцѣ лстецъ всегда оты-
щеть уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусо-
чекъ сыру;
На ель ворона взгромоздися,

Позавтракать-было совсѣмъ ужъ со-
бралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту
держала.

На ту бѣду лиса близехонько
бѣжала;
Вдругъ сырный духъ лису остано-
вилъ:
Лисица видитъ сыръ—лисицу сыръ
плѣнилъ.

Плутовка къ дереву на цыпочкахъ
 подходитъ,
 Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ
 не сводитъ
 И говоритъ такъ сладко, чуть
 дыша:

„Голубушка, какъ хороша!
 Ну, что за шейка, что за
 глазки!

Разсказывать, такъ, право,
 сказки!

Какія перышки! Какой носокъ!
 И, вѣрно, ангельскій бытъ долженъ
 голосокъ!

Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что
 ежели, сестрица,

При красотѣ такой и пѣть ты ма-
 стерница,

Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-
 птица!“

Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась
 голова,

Отъ радости въ зобу дыханье
 сперло—

И на привѣтливъ лисицны слова
 Ворона каркнула во все воронье
 горло:

Сыръ выпалъ — съ нимъ была плу-
 товка такава.

Дубъ и трость.

Съ тростинкой дубъ однажды въ
 рѣчъ вошелъ.

„По истинѣ, роптать ты въ правѣ
 на природу,—

Сказалъ онъ, — воробей, и тотъ,
 тебѣ тяжель.

Чуть легкѣй вѣтерокъ подернетъ
 рябью воду,

Ты зашатаешься, начнешь сла-
 бѣть,

И такъ нагнешься сиротливо,

Что жалко на тебя смотрѣть.

Межь тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кав-
 казомъ, горделиво,

Не только солнца я препятствую
 лучамъ,

Но, посмѣваяся и вихрямъ, и гро-
 замъ,

Стою и твердъ, и прямъ,

Какъ будто-бъ огражденъ ненару-
 шимымъ миромъ:

Тебѣ все—бурей, мнѣ все кажется
 зефиромъ.

Хотя-бъ ужъ ты въ окружности
 росла,

Густою тѣнью вѣтвей моихъ покры-
 той—

Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ
 защитой;

Но вамъ въ удѣлъ природа от-
 вела

Брега бурливаго золова владѣнья:
 Конечно, нѣтъ совѣмъ у ней о

— „Ты очень жалостливъ“, — ска-
 зала трость въ отвѣтъ,—

„Однако, не крушись: мнѣ столько
 худа нѣтъ.

Не за себя я вихрей опасался:
 Хотя я и гнусь, но не ломаюсь,

Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
 Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ гро-
 зятъ!

То правда, что еще доселѣ ихъ
 свирѣлость

Твою не одолѣла крѣпость,
 И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ
 лица;

Но—пождемъ конца!“

Едва лишь это трость сказала,
 Вдругъ мчитъ съ сѣверныхъ сто-
 ронъ,

И съ градомъ, и съ дождемъ, шу-
 мящій аввильонъ.

Дубъ держится—къ землѣ трости-
 ночка припала.

Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы
 онъ,

Взревѣлъ, и вырвалъ съ кор-
 немъ вонъ

Того, кто небесамъ головой своей
 касался

И въ области тѣней пятою уни-
 рался.

Ворона и курица.

Когда Смоленскій князь,
 Противу дерзости искусствомъ вору-
 жась,

Вандаламъ новымъ сѣтъ поста-
 вилъ

И на погибель имъ Москву оста-
 вилъ,

Тогда всё жители, и малый, и большой,

Часа не тратя, собралися

И вонь изъ стѣнъ московскихъ
поднялися,

Какъ изъ улья пчелиный рой.

Ворона съ кровли тутъ на эту всю
тревогу

Спокойно, чистя носъ, глядитъ.

„А ты что-жь, кумушка, въ
дорогу?—

Ей съ возу курица кричитъ,—

„Вѣдь, говорятъ, что у порогу

Нашъ спусостать“.

— „Мнѣ что до этого за дѣло?“

Вѣщунья ей въ отвѣтъ,— „я здѣсь
останусь смѣло.

Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;

А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни
варятъ;

Такъ мнѣ съ гостями немудрено
ужиться;

А, можетъ-быть, еще удастся поживиться

Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-
нибудь.

Прощай, хохлаточка, счастливый
путь!“

Ворона подлинно осталась;

Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій
сталъ гостей,

Она сама къ нимъ въ супъ по-
палась.

Такъ часто человѣкъ въ разчетахъ
слѣпъ и глухъ:

За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ
несешься,

А какъ на дѣлѣ съ нимъ со-
чтешься—

Попался, какъ ворона въ супъ!

Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ

И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,

Гдѣ стоитъ только догадаться—

За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера
ларецъ.

Отдѣлкой, чистой ларецъ въ глаза
кидался;

Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ
любовался.

Вотъ входитъ въ комнату механики
мудрецъ.

Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:
„ларецъ съ секретомъ...“

Такъ!.. онъ и безъ замка;

А я берусь открытъ; да, да, увѣ-
ренъ въ этомъ;

Не смѣйтесь такъ исподтишка!

Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ
открою;

Въ механикѣ и я чего-нибудь да
стою“.

Вотъ за ларецъ принялся онъ:

Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,

И голову свою ломаетъ;

То гвоздикъ, то другой, то скобку
пожимаешь.

Тутъ, глядя на него, иной

Качаетъ головой,

Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ
собой.

Въ ухахъ лишь только отдаются:

„Не тутъ, не такъ, не тамъ!“ Ме-
ханикъ плуце рвется.

Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ,
усталь,

Отъ ларчика отсталъ,

И какъ открытъ его, никакъ не
догадался:

А ларчикъ просто открывался.

Оракулъ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ дере-
вянный богъ,

И сталъ онъ говорить пророчески
отвѣты,

И мудрые давать совѣты.

За то, отъ головы до ногъ,

Обвѣшанъ и серебромъ, и зла-
томъ,

Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,

Заваленъ жертвами, мольбами за-
глушенъ

И оиміамомъ задушенъ.

Въ оракула всё вѣрятъ слѣпо;

Какъ вдругъ—о чудо, о позоръ!—
Заговорилъ оракулъ вздоръ:

Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;

И кто къ нему за чѣмъ ни подой-
детъ,
Оракулъ нашъ что молвить, — то со-
вретъ;
Ну такъ, что всякій дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣ-
вался!

А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и сажива-
лись въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.

Итакъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ
не путалъ врагъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ-бол-
ваномъ.

—
Я слышалъ — правда ль? — будто
встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный сек-
ретарь.

Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба гла-
зами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой
руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она до-
стала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ
на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ поли-
жетъ,
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тфу, пропасть! — говоритъ она, —
„и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ
вракъ:
Все про очки лишь мнѣ нагали;
Апроку наволосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и съ
печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то-жъ бываетъ у
людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не
зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ
худу клонить;
А ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонить.

Два голубя.

Два голубя, какъ два родные брата,
жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не
пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ,
вѣрно, тамъ;
И радость, и печаль — все было по-
поламъ.
Не видѣли они, какъ время проле-
тало;
Бывало грустно имъ, а случно не
бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣтъ
Или отъ милой, или отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ
изъ нихъ, — летѣтъ,
Увидѣтъ, осмотрѣтъ
Диковинки земного круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить
былъ съ молвой.
„Куда ты? — говоритъ сквозь слезъ
ему другой, —
„Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты раз-
статься?
Безсовѣстный! когда меня тебѣ не
жалъ,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ,
силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣтъ въ та-
кую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не
буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ,
и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу!
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ, вѣдь, весело съ-тобой!
Куда жъ еще тебѣ летѣтъ, не ра-
зумѣю;

А я такъ безъ тебя совсѣмъ ос-
ротѣю.
Силки да коршуны, да громы только
мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;
Все стану надъ тобой бояться я
несчастья:
Чуть тучка лишь надъ головой,—
Я буду говорить: „ахъ, гдѣ-то бра-
тецъ мой?“
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ
ли отъ ненастья?“
Растрогала рѣчь эта голубка;
Жаль брата, да летѣтъ охота ве-
лика:
Она и разсуждать, и чувствовать
мѣшаетъ.
„Не плачь, мой милый,— такъ онъ
друга утѣшаетъ,—
Я на три дня съ тобой, не больше,
разлучусь.
Все наскоро въ пути замѣчу на по-
летѣ,
И, осмотрѣвъ, чтò есть диковин-
нѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружкѣ назадъ
я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ по-
вестъ словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое
мѣстечко,—
Все расскажу: дѣла ль, общай ли
какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все
такъ живо,
Какъ будто бѣ самъ леталъ ты по
свѣту со мной“.
Тутъ—дѣлать нечего—друзья поцѣ-
ловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ;
вдругъ
въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ
стенъ кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ су-
хой въ глаза попался;
Кой-какъ уgnѣзвился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;
Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ
не могъ,
Ни отъ дождя спастись; весь вы-
мокъ и продрогъ.

Утихъ, помалу, громъ. Чуть солнце
просіяло,
Желанье позывать бѣдняжку далѣ
стало.
Встрихнулся и летитъ—летитъ и
видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсы-
пана пшеничка.
Спустился—въ сѣти тутъ попалась
наша птичка!
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью, сѣтъ стара: кой-какъ
ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылыш-
ко помялъ!
Но не до нихъ: онъ прочь безъ па-
мяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ
головой:
Отколь ни взялся ястребъ злой,—
Не взвидѣлъ свѣта голубъ мой!
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ
машеть.
Ахъ, силы вкороткѣ, совсѣмъ исто-
щены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ рас-
пущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ
крыльевъ пахнетъ.
Тогда орель, съ небесъ направля
свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой—
И хищникъ хищнику достался на
обѣдъ.
Межъ тѣмъ, нашъ голубъ милый,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижал-
ся подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на
немъ:
Одна бѣда всегда другую накли-
каетъ.
Ребенокъ, черепкомъ намѣта въ
голубца—
Сей возрастъ жалости не знаетъ—
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у
бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ раз-
битой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ по-
вихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ но-
выхъ бѣдъ.

Счастливъ еще: его тамъ дружба
ожидаетъ!

Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги, лѣкаря и помощь видитъ
въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе за-
бывается.

О вы, которые обѣхать свѣтъ
вокругъ

Желаніемъ горите!
Вы эту басенку прочтите
И въ дальній путь такой пускайтесь
не вдругъ:
Что бѣ ни сулило вамъ воображенье
ваше:
Но, вѣрьте, той земли не сыщете
вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ
вашъ другъ!

Червонецъ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье.
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ
людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ
у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не
испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотою,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечъ имъ вмѣсто
славы.

Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу
книгу стало;
Да важно говорить не всякому
пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ
вамъ.

Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ не-
мало,
Нашель червонецъ на земли,
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;

Однакожь, пятаковъ пригоршни
трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину
даютъ.

„Постой же, — думаетъ мужикъ, —
„дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками отор-
вуть“.

Тутъ, взявъ песку, дресвы и
мѣлу
И натоловши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ
дѣлу,

И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ то-
чить,

Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его
поставить хочеть.
И подлинно, какъ жаръ, червонецъ
заигралъ;

Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ по-
терять.

Безбожники.

Быль въ древности народъ, къ стыду
земныхъ племень,
Который до того въ сердцахъ оже-
сточился,

Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью зна-
мень,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей,
шума несутся въ поле.

Зачинщики, изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства
болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ,
и безтолковъ;
Что боги, или спятъ, иль правятъ
безразсудно;

Что проучить пора ихъ безъ чи-
новъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ ка-
меньями нетрудно
На небо дошвырнуть въ боговъ,
И заматать Олимпъ стрѣлами.

Смутися дерзостью безумцевъ и ху-
лами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою
приступилъ,
Чтобы бѣду онъ охватилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ
мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, не
худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потопъ, или съ трусомъ
громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ
нихъ дождемъ.

„Пождемъ, —
Юпитеръ рекъ, — а если не сми-
рятся
И въ буйствѣ прекоснѣтъ, безсмерт-
ныхъ не боюсь, —
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся“.
Тутъ съ шумомъ въ воздухъ взви-
лась
Тьма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ
богомятежныхъ;
Но съ тысячею смертей, и злыхъ и
неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились
главы.

—
Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства
толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ
васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ
часть,
И обратятся все въ громовыя вамъ
стрѣлы.

Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы
ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уняли
звѣри;
Въ адъ распахнулись настѣжъ
двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ,
по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства
жертвы;

Неумолимая, какъ сѣно, косить
ихъ;

А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ
полумертвы!

Перевернулъ совѣтъ ихъ
страхъ;
Тѣ-жъ звѣри, да не тѣ въ вели-
кихъ столь бѣдахъ:

Не давить волкъ овецъ, и смиренъ,
какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится
въ подземельи:

Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубъ врозь жи-
ветъ,

Люби въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей
сзываетъ левъ.

Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть дер-
жатся въ нихъ души.
Сбредились и въ тишинѣ, царя во-
кругъ обѣвъ,

Уставили глаза и приложили
уши.

„О други!“—началь левъ,—по мно-
жеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ
боговъ;

Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ ви-
новенъ болѣ,

Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ
угодимъ,

И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва
ихъ.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей
моихъ,

Что добровольныхъ жертвъ та-
кихъ
Бывали многіе въ исторіи при-
мѣры?..

Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій
вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ воль-
но или невольно.

Покаемся, мои друзья!..
Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и
больно—

Неправъ и я!

Овечекъ бѣдненькихъ—за что?—
совсѣмъ безвинно

Диралъ безчинно;

А иногда—кто безъ грѣха?—

Случалось, дралъ и пастуха;

И въ жертву предаюсъ охотно;

Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ
вмѣстѣ перечестъ

Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ
есть,

Того бы въ жертву и принести,

И было бы богамъ то болѣ угодно“.

„О царь нашъ, добрый царь! Отъ
лишней доброты,—

Лисица говорить,—въ грѣхъ это
ставишь ты.

Коль робкой совѣсти во всемъ мы
станемъ слушать,

То придетъ съ голоду пропасть намъ,
наконецъ;

Притомъ же, нашъ отецъ,

Повѣрь, что это честь большая
для овецъ,

Когда ты ихъ изволишь кушать.

А что до пастуховъ,—мы всѣ здѣсь
бьемъ челомъ—

Ихъ чаще такъ учить, имъ это по
дѣломъ:

Безхвостый этотъ родъ лишь глупой
спѣсью дышитъ,

И нашими себя вездѣ царями пи-
шетъ“.

Окончила лиса; за ней, на тотъ же
ладъ,

Льстецы льву то же говорятъ,

И всякій доказать спѣшить въ
перехватъ,

Что даже не въ чемъ льву просить
и отпущенья.

За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки
въ свой чередъ

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно погрѣ-
шенья;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ
дѣлъ

Никто и шевелить не смѣлъ;

И всѣ, кто были тутъ богаты

Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ
вышли вонъ

Со всѣхъ сторонъ

Не только правы, чуть не святы.

Въ свой рядъ смиренный волю имъ
такъ мычить: „И мы

Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зи-
мой кормы

Намъ были худы,

На грѣхъ меня лукавый натолк-
нулъ:

Ни отъ кого себѣ найти не могли
сеуды,

Изъ стога у попа я клобъ сѣнца
стянулъ“.

При сихъ словахъ поднялся шумъ
и толки;

Кричать медвѣди, тигры, волки:

„Смотри, злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли,
что боги

За беззаконіе его къ намъ столько
строги!

Его, безчинника, съ рогагой го-
ловой,

Его принести богамъ за всѣ его
проказы,

Чтобъ и тѣла намъ спасти, и нравы
отъ заразы!

Такъ, по его грѣхамъ у насъ и
моръ такой!“

Приговорили—

И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ также говорятъ:

Кто посмирнѣй, такъ тотъ и вино-
вать.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ
овчарню,

Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный
дворъ.

Почуя сѣраго такъ близко забѣлку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутъ

ся вонъ на драку.
Псари кричатъ: „ахти, ребята,
воръ!“

И вмигъ ворота на запоръ;

Въ минуту псарни стала
адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубемъ,

Иной съ ружьемъ.

„Огня!—кричатъ,—огня!“.. При-
шли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ
уголь задомъ,

Зубами щелкая и ошетиная
 шерсть,
 Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ
 онъ съѣсть;
 Но, видя то, что тутъ не передъ
 стадомъ,
 И что приходитъ, наконецъ,
 Ему разсѣсться за овецъ,
 Пустился мой хитрецъ
 Въ переговоры,
 И началъ такъ: „друзья, къ чему
 весь этотъ шумъ?
 Я—вашъ старинный сватъ и
 кумь,
 Пришелъ мириться къ вамъ совсѣмъ
 не ради ссоры;
 Забудемъ прошлое, уставимъ общій
 ладъ!
 А я не только впредъ не трону
 здѣшнихъ стадъ,
 Но самъ за нихъ съ другими
 грызться радъ,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я „...—„Послушай-ка, собѣдъ,
 Тутъ ловчій перерывъ въ
 отвѣтъ,—
 Ты сѣрь, а я, пріятель, садъ,
 И волчью вашу я давно нагуру
 знаю;
 А потому обычай мой:
 Съ волками иначе не дѣлать
 мировой,
 Какъ снявши шкуру съ нихъ
 долой“.
 И тутъ же выпустилъ на волка
 гончихъ стаю.

Ручей.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно,
 въ тоскѣ,
 Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
 Ягненокъ у него любимый
 Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
 Услыша пастуха, ручей журчитъ
 сердито:
 „Рѣка несвятая, что, если бѣ дно
 твое
 Такъ было, какъ мое,
 Для всѣхъ и ясно, и открыто,
 И всякій видѣлъ бы на тинистомъ
 семь днѣ

Всѣ жертвы, кои ты столь алчно
 поглотила?
 Я, чай бы, со стыда ты землю
 сквозь прорыла,
 И въ темныхъ пропастьяхъ себя
 сокрыла.
 Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
 Дала судьба обильныя столь
 воды,
 Я, украшенемъ ставъ при-
 роды,
 Не сдѣлалъ курицѣ бы зла;
 Какъ осторожно бы вода моя
 текла
 И мимо хижинки, и каждаго
 кусточка!
 Благословляли бы меня лишь
 берега,
 И я бы освѣжалъ долины и
 луга,
 Но съ нихъ бы не унесъ ли-
 сточка.
 Ну, словомъ, дѣлая путемъ мо-
 имъ добро
 Не приключа нигдѣ ни бѣды, ни
 горя,
 Вода моя до самаго бы моря
 Такъ докатилася чиста, какъ
 серебро“.
 Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ
 въ самомъ дѣлѣ.
 И что жъ? Не минуло недѣли,
 Какъ туча ливная надъ ближнею
 горой
 Разсѣлась:
 Богатствомъ водъ ручей сравнялся
 вдругъ съ рѣкой;
 Но, ахъ! куда въ ручьѣ смирен-
 ность дѣлась!—
 Ручей изъ береговъ бьетъ мут-
 ною водой,
 Кишитъ, реветъ, крутитъ нечисту
 пѣну въ клубы,
 Столѣтніе валаетъ дубы:
 Лишь трески слышны вдалекѣ;
 И самый тотъ пастухъ, за коего
 рѣкъ
 Пенялъ недавно онъ такимъ кудря-
 вымъ складомъ,
 Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ
 стадомъ,
 А хижинны его пропали и
 слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ
 смирно, гладко,
 И такъ журчатъ для сердца
 сладко,
 Лишь только оттого, что мало въ
 нихъ воды!

Щука и котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи
 сапожникъ,
 А сапоги тачать пирожникъ:
 И дѣло не пойдетъ на ладъ,
 Да и примѣчено стократъ,
 Что кто за ремесло чужое браться
 любить,
 Тотъ всегда другихъ упрямѣй и
 вздорнѣй, —
 Онъ лучше дѣло все погубить,
 И радъ скорѣй
 Посмѣшищемъ стать свѣта,
 Чѣмъ у честныхъ и знающихъ
 людей
 Спросить, иль выслушать разумнаго
 совѣта.

Зубастой шукѣ въ мысль пришло
 За кошачье приняться ремесло.
 Не знаю: завистью ль ее лукавый
 мучилъ,
 Иль, можетъ быть, ей рыбный
 столъ наскучилъ,
 Но только вздумала кота она
 просить,
 Чтобъ взять ее съ собой онъ на
 охоту:

* Мышей въ амбарѣ половить.
 „Да, полно, знаешь ли ты эту,
 свѣтъ, работу?“

Сталь шукѣ Васька говорить, —
 „Смотри, кума, чтобы не осра-
 миться:

Недаромъ говорится,
 Что дѣло мастера бонется“.

— „И, полно, куманекъ! Вотъ нѣ-
 видаля: мышей!

Мы лавливали и ершей“.

„Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“
 Пошли, засѣли.

Натѣшился, набѣлся котъ,
 И кумушку провѣдать онъ идетъ;

А щука, чуть жива, лежитъ, рази-
 нувъ ротъ,
 И крысы хвостъ у ней отбѣли.
 Тутъ вида, что кумѣ совсѣмъ не
 въ силу трудъ,
 Кумъ замертво стащилъ ее обратно
 въ прудъ.

И дѣльно! Это, щука,

Тебѣ наука:

Впередъ умнѣ быть
 И за мышами не ходить.

Волкъ и кукушка.

„Прощай, сосѣдка! волкъ кукушкѣ
 говорилъ, —
 Напрасно я себя покоемъ здѣсь
 манилъ!
 Все тѣ-жъ у васъ и люди, и
 собаки:
 Одинъ другого злѣй; и хотъ ты
 ангель будъ,
 Такъ не минуешь съ нами
 драки“.

— „А далеко-ль сосѣду путь?
 И гдѣ такой народъ благочестивый,
 Съ которымъ думаешь ты жить въ
 ладу?“

— „О, я примехонько иду
 Въ лѣса Аркадіи счастливой.
 Сосѣдка, то-то сторона!

Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что
 война;

Какъ агнцы, кротки человекъ,
 И молокомъ текутъ тамъ рѣ-
 ки;

Ну, словомъ, царствуютъ златыя
 времена!

Какъ братья, все другъ съ дру-
 гомъ поступаютъ,
 И даже, говорятъ, собаки тамъ не
 лаютъ,

Не только не кусаютъ.

Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
 Не мило-ль, даже и во свѣ,
 Себя въ краю такомъ увидѣтъ
 тихомъ?

Прости, не поминай насъ ли-
 хомъ!

Ужъ то-то тамъ мы за-
 живемъ

Въ ладу, въ довольствѣ, въ
 нѣгѣ!

Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ
оглядкой днемъ,

И не засни спокойно на поч-
легѣ“.

— „Счастливыи путь, сосѣдъ мой
дорогой!—

Кукушка говоритъ,—а свой ты
правъ и зубы

Здѣсь кинешь, или возьмешь съ
собой?“

— „Ужъ кинуть, вздоръ ка-
кой!“

— „Такъ вспомни же меня, что
быть тебѣ безъ шубы.“

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,

Тѣмъ болѣе кричить и рощетъ
на людей:

Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни
обернется,

А первый самъ ни съ кѣмъ не
уживется.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,

Пѣтухъ нашель жемчужное зерно,

И говорить: „куда оно?“

Какая вещь пустая!

Не глупо-ль, что его высоко такъ
цѣнять!

А я бы, право, былъ гораздо болѣ
радъ

Зерну ячменному,—оно не столь хотъ
видно,

Да сытно“.

Невѣжи судять точно такъ:

Въ чемъ толку не поймутъ,—то все
у нихъ пустякъ.

Обозъ.

Съ горшками шель обозъ,

И надобно съ крутой горы спу-
скаться.

Вотъ, на горѣ другихъ остави до-
жидаться,

Хозяинъ сталъ сводить легонько
первый возъ.

Конь добрый на крестцѣ почти его
понесъ,

Катиться возу не давая;

А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый
шагъ:

„Ай, конь хваленый, то-то диво!

Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;

Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень.

Косо! криво!

Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!

А тутъ бы влѣво лишь принять!

Какой осель! Добро бы было

въ гору,

Или въ ночную пору,

А то и подъ гору, и днемъ!

Смотрѣтъ, такъ выйдешь изъ
терпѣнья!

Ужъ воду-бы таскалъ, коль нѣтъ
въ тебѣ умѣнья!

Гляди-тко насъ, какъ мы мах-
немъ!

Не бойсь, минуты не потра-
тимъ,

И возикъ свой мы не свеземъ, а
скатимъ!“

Тутъ, выгнувши хребетъ и пона-
тужа грудь,

Тронулася лошадка съ возомъ въ
путь;

Но только подъ гору она перева-
лилася,

Возъ началъ напирать, телѣга рас-
катилася:

Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ
въ бокъ;

Пустился конь со всѣхъ четырехъ
ногъ

На славу;

По камнямъ, рывинамъ пошли
толчки,

Скачки,

Лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ
въ канаву!

Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣють сла-
бость ту же:

Все кажется въ другомъ ошибкой,
намъ;

А примешься за дѣло самъ,

Такъ напраказишь вдвое хуже.

Вороненокъ.

Орель
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ

И выхватилъ ягненка;
А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.

Взманило это вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: „ужъ
братъ, такъ братъ,
А то и когти что марать!

Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;

Ну, только - ль въ стадѣ что ягнята?

Вотъ я, какъ захочу—

Да налечу,

Такъ царскій подлинно кусочекъ
подхвачу!“

Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,

Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:

Изъ множества ягнятъ, барановъ
и овецъ

Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ,
наконецъ,

Барана, да какого!

Прежирнаго, прематерога,
Который доброму-бъ и волку былъ
въ подъемъ.

Издавсь, на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть,
вцѣнился.

Тогда-то онъ узналъ, что добычь не
по немъ.

Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ

Тулупъ такой былъ прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,

Что изъ него когтей не вытеревилъ
вонь

Затѣйникъ нашъ крылатый
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ
попалъ въ полонъ.

Съ барана пастухи его чинненько
сняли;

А чтобы онъ не могъ летать,

Ему всѣ крылья окорнали

И дѣтямъ отдали играть.

Нерѣдко у людей то-жъ самое
бываетъ,

Коль мелкій плутъ

Большому плуту подражаетъ: ¹
Что сходить съ рукъ ворами, за то
воришекъ бьютъ.

Слонъ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силенъ,

Да не уменъ,

Такъ худо, ежели и съ добрымъ
сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ
слонъ.

Хоть, кажется, слоновъ и умная
порода,

Однако-же, въ семьѣ не безъ
урода:

Нашъ воевода

Въ родню былъ толстъ,

Да не въ родню былъ простъ;

А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.

Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ
приказъ:

„Что волки-де совсѣмъ сдираютъ
кожу съ насъ“.

— „О плуты! — слонъ кричитъ, —
какое преступленіе!

Кто грабить далъ вамъ
ленье?“

А волки говорятъ: „помилуй, нашъ
отецъ!

Не ты-ль намъ къ зимѣ на тулуны
Позволилъ легонькій оброкъ собрать
съ овецъ?

А что онѣ кричатъ, такъ овцы
глушы:

Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры
по шкуркѣ снятъ,

Да и того имъ жаль отдать“.

— „Ну то-то-жъ! — говоритъ имъ
слонъ, — смотрите!

Неправды я не потеряю ни въ
комъ:

По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;

А больше ихъ не троньте волоскомъ“.

Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья
И говорить ему: „послушай-ка, дру-
жище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій масте-
рище:

Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ
пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣ-
нье?“

Тутъ соловей являть свое искусство
сталъ:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тинулъ, перели-
вался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдаль свирѣлю отда-
вался,

То мелкой дробью вдругъ по рошѣ
разсыпался.

Внимало все тогда

Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ
хоры

И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любо-
вался

И только иногда,

Внимая соловью, пастушкѣ улы-
бался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь
въ землю лбомъ,

„Изрядно, — говорить, — сказать
неложно,

Тебя безъ скуки слушать можно;

А жаль, что незнакомъ

Ты съ нашимъ пѣтухомъ;

Еще-бъ ты болѣ наострился,

Когда-бы у него немножко по-
учился“.

Услыша судъ такой, мой бѣдный
соловей

Вспорхнулъ—и полетѣлъ за триде-
вать полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ
судей!

Откупщикъ и сапожникъ.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ
пышныхъ жилъ,

Ѣлъ сладко, вкусно пилъ:

По всякій день давалъ пиры, бан-
кеты;

Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни
пожелай,

Всего съ избыткомъ, черезъ
край.

И словомъ, кажется, въ егѣ хоромахъ
рай.

Однимъ лишь откупщикъ стра-
даетъ,

Что онъ не досыпаетъ.

Ужъ Божьяго-ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ разо-
риться:

Да только все ему некрѣпко какъ-
то спится.

А, сверхъ того, хоть иногда

Онъ вздремлетъ на зарѣ,—такъ но-
вая бѣда:

Богъ далъ ему пѣвца-сосѣда.

Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ
въ хижинѣ бѣднякъ.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣтъ и, на про-
сторѣ

Обшаря стѣны всѣ и полъ, и пото-
локъ,

Покралъ безсовѣстно, что могъ;

И то сказать: какая совѣсть въ
ворѣ!

Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣд-
някъ,

Богатымъ легъ, а съ голью всталъ
такою,

Хоть по міру поди съ сумою;

Не дай Богъ никому проснуться
худо такъ!

Крестьянинъ тужить и горюеть,

Родню сзываетъ и друзей,

Сосѣдей всѣхъ и кумовей.

„Нельзя ли, — говорить, — помочь
бѣдѣ моей?“

Тутъ всякій съ мужикомъ тол-
куетъ,

И умный свой даетъ совѣтъ.

Кумъ Карпычъ говорить: „эхъ,
свѣтъ!

Не надобно, былò, тебѣ по міру сла-
вить,

Что столько ты богатъ“.

Сватъ Климычъ говоритъ: „впередь,
мой милый сватъ,
Старайся клѣтъ къ избѣ гораздо
ближе ставить“.

— „Эхъ, братцы, это все не
такъ,

Сосѣдъ толкуеть Фока,—

„Не то бѣда, что клѣтъ далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать
собакъ;

Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда до-
рогого

Отъ сердца надѣлать,

Чѣмъ ихъ топить“.

И словомъ, отъ родни и отъ дру-
зей любезныхъ

Совѣтовъ тысячу надавано полез-
ныхъ,

Кто сколько могъ,

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не
помогъ.

—

На свѣтѣ таково-жъ: коль въ нужду
попадешься,

Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ,
и впрямь:

А чуть о помощи на дѣлѣ заик-
нешься,

То лучший другъ—

И нѣмъ, и глухъ.

—

Котъ и поварь.

Какой-то поварь, грамотей,
Съ поварни побѣждалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ
былъ правиль

И въ этотъ день по кумѣ тризну
правиль),
А дома стеречи съѣстное отъ мы-
шей

Кота оставилъ.

Но что же, возвратясь, онъ видитъ?
На полу

Обѣдки пирога; а Васька-котъ въ
углу,

Припавъ за укуснымъ бочен-
комъ,

Мурлыча и ворча, трудится надъ
курченкомъ.

„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!—

Тутъ Ваську поварь укоряетъ,—
Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не толь-
ко что людей?

(А Васька всетаки курченка уби-
раетъ).

Какъ! бывъ честнымъ котомъ
до этихъ поръ,

Бывало, за примѣръ тебя смирен-
ства кажутъ!

А ты... ахти, какой позоръ!

Теперь всѣ сосѣди скажутъ:

Котъ-Васька плутъ! котъ-Вась-
ка воръ!

И Ваську-де, не только что въ
поварню,

Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ ов-
чарню:

Онъ порча, онъ чума, онъ язва
здѣшнихъ мѣстъ!“

(А Васька слушаетъ да ѣстъ).

Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ
течению,

Не находилъ конца правоученью.
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,

Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

—

А я бы повару иному

Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по
пустому,

Гдѣ нужно власть употребить.

—

Огородникъ и философъ.

Весной въ своихъ грядкахъ такъ
рылся огородникъ,

Какъ будто бы хотѣлъ онъ вы-
рыть кладъ:

Мужикъ ретивый былъ работ-
никъ,

И дюжъ, и свѣжъ на взглядъ;

Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ
полсотни грядъ.

Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ
охотникъ

До огородовъ и садовъ,

Великій краснобай, названный другъ
природы,

Недоученный философъ,

Который лишь изъ книгъ болталъ
про огороды;
Однако-жь, за своимъ онъ вздумалъ
самъ ходить,

И тоже огурцы садить;

А между тѣмъ, смѣялся такъ со-
сѣду:

„Сосѣдъ, какъ хочешь ты по-
тѣй,

А я съ работою моею

Далеко отъ тебя уѣду!

И огородъ твой при моемъ

Казаться будетъ пустыремъ.

Да, правду говорить, я и тому ди-
вился,

Что огородишко твой кое-какъ
идеть.

Какъ ты еще не разорился?

Ты, чай, вѣдь какимъ наукамъ
не учился?“

— „И некогда,—сосѣда былъ
отвѣтъ,—

„Прилежность, навѣкъ, руки:

Вотъ всё мои тутъ и науки;

Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ
даетъ“.

— „Невѣжа! возставать противъ
наукъ ты смѣешь!“

— „Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ
такъ криво словъ:

Коль ты что путное затѣешь,

Я перенять всегда готовъ.

А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта-объ
намъ дожидаться...

Но, баринъ, не пора-ль за дѣло
приниматься?

Ужь я кой-что посѣялъ, поса-
дилъ,

А ты и грядъ еще не взрылъ“.

— „Да, я не взрылъ, за недо-
сугомъ;

Я все читалъ

И вычиталъ,

Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть,
сохой, иль плугомъ;

Но время еще не уйдетъ“.

— „Какъ васъ, а насъ оно не
очень ждетъ“,—

Послѣдній отвѣчалъ—и тутъ же съ
нимъ разстался,

Взявъ заступъ свой;

А философъ пошелъ домой,

Читалъ, выписывалъ, справ-
лялся,

И въ книгахъ рылся, и въ гряд-
дахъ,

Съ утра до вечера въ трудахъ.

Едва съ одной работою сладить,

Чуть на грядкахъ лишь что взой-
детъ:

Въ журналахъ новость онъ най-
детъ—

Все перероетъ, пересадитъ

На новый ладъ и образецъ.

Какой же вылился конецъ?

У огородника возшло все и поспѣло:

Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ
дѣло;

А философъ—

Безъ огурцовъ.

Муша и дорожные.

Въ юльѣ, въ самый зной, въ полу-
денную пору,

Сыпучими песками, въ гору,

Съ поклажей и съ семьей дво-
рянъ,

Четверкою рыдванъ

Тащился.

Кони измучились, и, кучеръ какъ
ни бился,

Пришло хотъ стать. Слѣзаетъ съ
козель онъ,

И, лошадей мучитель,

Съ лакеемъ въ два кнута тиранить
съ двухъ сторонъ;

А легче нѣтъ. Ползуть изъ колы-
маги вонъ

Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ,
учитель.

Но, зная, рыдванъ былъ плотно
нагруженъ,

Что лошади, хотя его тронули,

Но въ гору по песку едва-едва тя-
нули...

Случись тутъ мухъ быть. Какъ го-
ру не помочь?

Вступилась: ну жужжать во всю
мушину мочъ;

Вокругъ повозки суетится:

То подъ носомъ юлитъ у корен-
ной,

То лобъ укуситъ пристяжной,

То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ
садится;

Или, оставя лошадей,

И вдоль, и поперекъ шныряетъ межъ
людей, —

Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ,
хлопочетъ,

И только плачется на то,

Что ей ни въ чемъ никто

Никакъ помочь не хочетъ.

Гуторя слуги вздоръ, плетутся
вслѣдъ шажкомъ,

И муха всѣмъ жужжитъ, что только
лишь она

О всемъ заботится одна.

Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ-за-
шагъ, понемногу

Встащилися на ровную дорогу.

„Ну! — муха говоритъ, — теперь
слава Богу!

Садитесь по мѣстамъ, и добрый
всѣмъ вамъ путь;

А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:

Меня насилу крылья но-
сятъ!“

—

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя при-
плестъ,

И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ со-
всѣмъ не просятъ.

—

Квартетъ.

Проказница-мартышка,

Осель,

Козель

Да коеолапый Минка

Затѣяли сыграть квартетъ.

Достали нотъ, баса, альты, двѣ
окрижки,

И сѣли на лужокъ подѣ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ
свѣтъ.

Ударили въ смычки—дерутъ, а
толку нѣтъ.

„Стой, братцы, стой!“—кричитъ
мартышка,—погодите!

Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не
такъ сидите.

Ты съ басомъ, Миненька, садись
противъ альты,

Я, прима, сяду противъ вторы;

Тогда пойдетъ ужъ музыка на
та:

У насъ запляшутъ лѣсъ и
горы!“

Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ всетаки на ладъ нейдетъ.

„Постойте-жъ, я сыскалъ
секретъ,—

Кричитъ осель,—мы, вѣрно, ужъ
поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ“.

Послушались осла: усѣлись чинно
въ рядъ;

А всетаки квартетъ нейдетъ на
ладъ.

Вотъ, пуще прежняго, пошли у
нихъ разборъ

И споры,

Кому и какъ сидѣть.

Случилось соловью на шумъ ихъ
прилетѣть,

Тутъ съ просьбой всѣ къ нему,
чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;

„Пожалуй,—говорятъ,—возьми на
часъ терпѣнье,

Чтобъ квартетъ въ порядокъ нашъ
привести:

И ноты есть у насъ, и инструмен-
ты есть;

Скажи лишь, какъ намъ
сѣсть!“

— „Чтобы музыкантомъ быть, такъ
надобно умѣнье

И уши вашихъ понѣжнѣй,

Имъ отвѣчаетъ соловей,—

А вы, друзья, какъ ни
садитесь,

Все въ музыканты не годи-
тесь“.

—

Листы и корни.

Въ прекрасный лѣтній день,

Бросая по долину тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами
шептали,

Хвалились густотой, зеленостью
своей,

И вотъ какъ о себѣ зефирамъ
толковали:

„Не правда ли, что мы—краса до-
лины всей?

Что нами дерево такъ пышно и
кудряво,

Раскидисто и величаво?“

Что-бъ было въ немъ безъ насть?

Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ
грѣха!

Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной
укриваемъ?

Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушекъ при-
влекаемъ?

У насть же раннею и поздною
зарей

Насвистываетъ соловей.

Да вы, зефиры, сами

Почти не разтаеетъ съ
нами“.

— „Примолвить можно бы спасибо
туть и намъ“,

Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ
земли смиренно.

„Кто смѣетъ говорить столь наг-
ло и надменно?“

Вы кто такіе тамъ,

Что дерзко такъ считается съ на-
ми стали?“

Листы, по дереву шума, залепе-
тали.

— „Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ тем-
нотѣ,

Питаемъ васъ. Ужель не
узнаете?

Мы—корни дерева, на коемъ вы
цвѣтете.

Красуйтесь въ добрый часъ!

Да только помните ту разницу
межъ насть:

Что съ новою весной листъ новый
народится;

А если корень иссушится,—

Не станетъ дерева, ни васъ“.

Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ
продрался,

Что долго думать туть? Онъ за
иглу принялся:

По четверти обрѣзалъ рука-
вовъ—

И локти заплаталъ. Кафтанъ опять
готовъ;

Лишь на четверть голѣ руки
стали.

Да что до этого печали?
Однако-же смѣется Тришкѣ
всякъ.

А Тришка говоритъ: „такъ я же
не дуракъ,

И ту бѣду поправлю:

Длиннѣе прежнего я рукава на-
ставлю“.

О, Тришка малый непростой!

Обрѣзалъ фалды онъ и полы.

Наставилъ рукава, и весель Триш-
ка мой,

Хоть носить онъ кафтанъ
такой,

Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я,
иногда,

Иные господа,

Запутавши дѣла, ихъ попра-
вляють;

Посмотришь: въ Тришкиномъ каф-
танѣ щеголяють.

Конь и всадникъ.

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ
нашколилъ,

Что дѣлалъ изъ него все, что
изволилъ,

Не шевеля почти и поводовъ:

Конь слушался его лишь словъ.

„Такихъ коней и взнудывать на-
прасно—

Хозяинъ нѣкогда сказалъ,—

Ну, право, вздумалъ я пре-
красно!“

И, въ поле выѣхавъ, узду съ коня
онъ снялъ.

Почувствуя свободу,

Сначала конь прибавилъ толь-
ко ходу

Слегка,

И, вскинувъ голову, потряхивая
гривой,

Онъ виступкой пошелъ игри-
вой,

Какъ будто тѣша сѣдока.

Но, смѣти, какъ надъ нимъ управа
некрѣпка,

Взялъ скоро волю конь ретивый:

Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся
взоръ;
Не слушая словъ всадниковыхъ
болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Черезъ все широко поле.

Напрасно на него несчастный всад-
никъ мой

Дрожащею рукой
Узду накинута покусался:
Конь болѣ лишь сердчался и
рвался,
И сбросилъ, наконецъ, съ себя его
долю;

А самъ, какъ бурный вихрь,
пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнув-
ши ногъ,

До смерти не убился.
Тутъ въ горести сѣдокъ,
„Мой бѣдный конь!—сказалъ,—я
сталъ виною

Твоей бѣды!
Когда бы я не снялъ съ тебя
узды,—

Управилъ бы, навѣрно, я тобою:
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бъ самъ столь жалкой
не погибъ!“

—
Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай“.
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло“.
— „Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сва-
рена!“
— „Я три тарелки съѣлъ“.— „И,
полно, что за счеты,
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна,
Какъ будто янтаремъ подернулась
она.“

Потѣшь же, миленькій дружо-
чекъ!
Вотъ лецикъ, потроха, вотъ стер-
ляди кусочекъ!
Еще хотъ ложечку! Да кланяйся,
жена!“

Такъ потчевалъ сосѣдь-Демьянь со-
сѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни
сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился гра-
домъ потъ.

Однако-же еще тарелку онъ бе-
ретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я
люблю!—

Вскричалъ Демьянь, — зато ужъ
чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой
милый!“

Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды
такой,

Схвати въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни
ногой.

—
Писатель, счастливъ ты, коль даръ
прямой имѣешь;
Но если помолчать во- время не
умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣ будутъ всѣмъ демьяновой
ухи!

Водолазы.

Какой-то древній царь впалъ въ
страшное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы,
отъ науки?
Не разслабляетъ ли сердцеъ и
рукъ
Ученье?
И не разумнѣе ль поступить онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства
вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой
украшая тронъ,

Душою всей радѣль своихъ наро-
довъ счастью,

И для того

Не дѣлалъ ничего

Поприхоти, иль попристрастью—
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть сло-
гомъ некудрявымъ,

Но съ толкомъ лишь согласно
здравымъ,

Свое представилъ: „да“ иль
„нѣтъ“;

То-есть: ученымъ вонъ изъ царства
убираться,

Или попрежнему въ томъ царствѣ
оставаться?

Однакожь, какъ совѣтъ ни тол-
коваль—

Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секре-
тарской—

Всякъ только дѣло затемнилъ
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ
царскій.

Кто говорилъ, что неученье—тьма;

Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небес-
ныхъ,

Когда бы Онъ хотѣлъ,

Чтобъ человекъ не болѣ разумѣлъ

Животныхъ безсловесныхъ,

И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастью ведетъ людей.

Другіе утверждали,

Что люди отъ наукъ лишь только
хуже стали,

Что все ученье бредъ,

Что отъ него лишь правамъ
вредъ,

И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства
пали.

Короче: съ обѣихъ сторонъ,

И дѣло выводя, и вздоры,

Бумаги исписали горы,

А о наукахъ споръ остался нерѣ-
шенъ.

Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ от-
всюду онъ

Разумниковъ, изъ нихъ установилъ
собрание

И о наукахъ споръ имъ предложилъ
на судъ;

Но способъ былъ и этотъ худъ,

Затѣмъ, что царь имъ далъ боль-
шое содержанье:

Такъ въ голосахъ между собой
разладъ

Для нихъ былъ настоящій кладъ;

И если бы имъ волю дали,

Они бь донныѣ толковали,

Да жалованье брали.

Но такъ какъ царь казною не
шутилъ,

То онъ, примѣтя то, ихъ скоро
распустилъ.

Межъ тѣмъ, часъ-отъ-часу, впадалъ
въ сомнѣнье болѣ.

Вотъ, какъ-то вышелъ онъ, сей
мыслью занять, въ поле,

И видить предъ собой

Пустынника съ сѣдою бородой

И съ книгою въ рукахъ большою.

Пустынникъ важный взоръ имѣлъ,
но неугрюмый:

Привѣтливость и доброта

Улыбкою его украсили уста,

А на челѣ слѣды глубокой видны
думы.

Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ
въ разговоръ,

И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ просить мудреца рѣшить тотъ

важный споръ:

Науки болѣе ль полезны, или вредны?

„Царь!— старецъ отвѣчалъ, — поз-
воль, чтобъ предъ тобою

Открылъ я притчею простой,

Что размышленья мнѣ внушили мно-
голѣтны“.

И, съ мыслями собравшись, на-
чалъ такъ:

„На берегу, близъ моря,

Жилъ въ Индіи рыбакъ;

Проведши долгій вѣкъ и бѣдности,
и горя,

Онъ умеръ и троихъ оставилъ
сыновей;

Но дѣти, видя,

Что съ нуждою они кормились отъ
сѣтей,

И, ремесло отцовско ненавидя,

Брать дань богатѣе задумали съ
морей

Не рыбой—жемчугами;

И, зная плавать и нырять,

Ту подать доправлять

Пустились сами.

Однакожь былъ успѣхъ различенъ
всѣхъ троихъ!

Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался,
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мо-
чить своихъ,

И жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросить къ нему волной;
А съ лѣнностью такой
Едва-едва питался.

Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать
по дну:

И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокрови-
щамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
Хоть жемчугъ находить близъ бе-
рега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ
ждать не должно,

Когда бы удалось мнѣ
Достать морское дно на самой глу-
бинѣ?

Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ
несчетныхъ;
Коралловъ, жемчугу и камней само-
цвѣтныхъ,

Которыхъ стоитъ лишь достать—
И взять.

Сей мыслию плѣнясь, безумцемъ
вскорѣ
Въ открытое пустился море.
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глу-
бина,

Въ пучину кинулся; но поглощен-
ный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.

О царь!—примолвилъ тутъ муд-
рецъ,—
Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ
благъ причину,
Но дерзкой умъ находить въ немъ
пучину

И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ
влечетъ съ собою“.

Сочинитель и разбойникъ

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судьей,
Въ одинъ и тотъ же часъ: гра-
битель

(Онъ по большимъ дорогамъ раз-
бивалъ

И въ петлю, наконецъ, по-
палъ);
Другой былъ славою покрытый со-
чинитель:

Онъ тонкій разливалъ въ своихъ
твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ раз-
вратъ,

Былъ, какъ сирена, сладкогла-
сень,

И, какъ сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ бесполезныхъ:
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣняхъ
жельзныхъ

Повѣшены большихъ чугунныхъ два
котла:

Въ нихъ виноватыхъ разса-
дили.

Дровъ подъ разбойника большою
костеръ взвалили;

Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пла-
мень,

Что трескаться сталъ въ сводахъ
адскій камень.

Судъ къ сочинителю, казалось, былъ
нестрогъ:

Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся
огонекъ;

Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе
разгорался.

Вотъ вѣки протекли, огонь не уни-
мался.

Ужь подъ разбойникомъ давно ко-
стеръ погасъ;

Подъ сочинителемъ онъ злѣй съ
часу-на-часъ.

Не видя облегченья,

Писатель, наконецъ, кричитъ среди
мученья,

Что справедливости въ богахъ ни-
мало нѣтъ;

Что славою онъ наполнилъ
свѣтъ

И ежели писалъ немножко
вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ
больно,
Что онъ не думалъ быть разбойника
грѣшнѣй.

Тутъ передъ нимъ, во всей
красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ
змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ авилася
одна.

„Несчастный!—говоритъ она,—
Ты ль Провидѣнію пеняешь?

И ты ль съ разбойникомъ себя
равняешь?

Передъ твоей ничто его вина.

По лютости своей и злости,

Онъ вреденъ былъ,

Пока лишь жилъ;

А ты... уже твои давно истлѣли
кости,

А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило
бѣдъ.

Твоихъ твореній ядъ не только не
слабѣетъ,

Но, разливаясь, вѣкъ-отъ-вѣку лю-
тѣетъ.

Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣтъ она
дала),

Смотри на злыя всѣ дѣла

И на несчастія, которыхъ ты виною!

Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,

Отчаянье отцовъ и матерей:

Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отрав-
лены?—Тобою.

Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія
мечты,

Супружество, начальства, вла-
сти,

Имъ причиталъ въ вину людскія
всѣ напасти,

И связи общества рвался расторг-
нуть?—Ты!

Не ты ли величалъ „безвѣрье“ „про-
свѣщенъемъ“?

Не ты ль въ приманчивый, въ пре-
лестный видъ облекъ

И страсти, и порокъ?

И вонъ, опоена твоимъ ученъемъ,

Тамъ цѣлая страна

Полна

Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слеза и крови
ты—виной.

И смѣлъ ты на боговъ хулой во-
оружиться?

А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ
золь!

Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ
и казни мѣра!“

Сказала гнѣвная Мегера—

И крышкою захлопнула котель.

Крестянинъ и змѣя.

Когда почтенъ быть хочешь у
людей,—
Съ разборомъ заводи знакомства и
друзей!

Мужикъ съ змѣею подружился.

Извѣстно, что змѣя умна:

Такъ вкралась къ мужику она,

Что ею только онъ и клялся, и
божился.

Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріате-
ли, родня,

Ни къ нему ногой не побываетъ.

„Помилуйте, — мужикъ пе-
няетъ,—

За чтò вы всѣ покинули меня?

Иль угостить жена васъ не умѣ-
ла?

Или хлѣбъ-соль моя вамъ надо-
ѣла?“

— „Нѣтъ,—кумъ Матвѣй сказалъ
ему въ отвѣтъ,—

Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ,
И никогда ты насъ [объ этомъ
слова нѣтъ]

Не огорчилъ ничѣмъ, не опеча-
лилъ:

Но чтò за радость, разсуди,
Коль сидя у тебя, того лишь и
гляди,

Чтобы твой другъ кого, подползши,
не ужалилъ?“

Два мужика.

„Здорово, кумъ Ѡаддей!“—Здорово,
кумъ Егоръ!“

— „Ну, каково, прїатель, поживаешь?“

— „Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!

Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ не знаешь до
тла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ тѣхъ
поръ“.

— „Какъ такъ? Плохая, кумъ,
игрушка!“

— „Да такъ! О Рождествѣ была у
насъ пирушка;

Я со свѣчой пошелъ дать корму
лошадямъ:

Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся

самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?“—„Охъ, Ѡаддей,

худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, знать,
Богъ:

Ты видишь—я безъ ногъ;

Какъ самъ остался живъ, считаю,
право, дивомъ.

Я тожъ о Рождествѣ пошелъ въ
ледникъ за пивомъ,

И тоже черезчуръ, признаться, я
хлебнулъ

Съ друзьями полугару;

А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать
мнѣ пожару,

Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня впотмахъ такъ

съ лѣстницы толкнулъ,

Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-
человѣка,

И вотъ я съ той поры калѣка“.

— „Пеняйте на себя, друзья!“—

Сказалъ имъ сватъ Степанъ,—
коль молвить правду,

Совсѣмъ не чту за чудо я,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты

на костыляхъ:

Для пьянаго и со свѣчю худо,

Да врядъ не хуже-ль и впот-
махъ“.

Прихожанинъ.

Есть люди: будь лишь имъ прїа-
тель,
То первый ты у нихъ и гений, и
писатель;

Зато уже другой,

Какъ хочешь, сладко пой,

Не только, чтобъ отъ нихъ пох-
валъ себѣ дожидаться,—

Въ немъ красоты они и чувство-
вать боятся.

Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немно-
го досажу,

Но, вмѣсто басни, былъ на это
имъ скажу.

—

Во храмѣ проповѣдникъ

(Онъ въ краснорѣчїи Платона
былъ наслѣдникъ)

Прихожанъ поучалъ на добрыя
дѣла,

Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ
устъ его текла.

Въ ней правда чистая, казалось,
безъ искусства,

Какъ цѣнью золотой,

Возьемля къ небесамъ всѣ помыс-
лы и чувства,

Сей обличала міръ, исполненный
тщетою.

Душъ пастыръ кончилъ поученье;

Но всякъ ему еще внималъ и, до
небесъ

Восхищенный, въ сердечномъ
умиленьѣ

Не чувствовалъ своихъ текущихъ
слезъ.

Когда жъ изъ Божьяго міряне вы-
шли дому,

„Какой прїятный даръ,—

Изъ слушателей тутъ сказалъ
одинъ другому,—

Какая сладость, жаръ!

Какъ сильно онъ влечетъ къ доб-
ру сердца народа!

А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая
природа,

Что на тебѣ слезинки не видать?

Иль ты не внималъ?“—„Ну, какъ
не внимать!

Да плакать мнѣ какая стать:

Вѣдь я не здѣшняго прихода“.

Три мужика.

Три мужика зашли въ деревню
ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ
промышляли;

Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину
держали.

А такъ какъ мужичекъ не любитъ
тощей спать,
То ужинать себѣ спросили гости
наши.

Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку
щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось,
каши.

Не то бы въ Питерѣ, да не о
томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.

Вотъ мужички перекрестились
И къ чашѣ пріютились,
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй
изъ нихъ,

Увидя, что всего немного для тро-
ихъ,

Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ по-
править
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ на-
до полукавить).

„Ребята,—говорить, — вы знаете
Оуму?

Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ
лобъ ему“.

— „Какой наборъ?“ — „Да такъ!
Есть слухъ—война съ Китаемъ:

Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань
съ китайцевъ чаемъ“.

Тутъ двое принялись судить и раз-
суждать

(Они же грамотѣ, къ несчастью,
знали:

Газеты и подчасъ реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустились мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;

А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,

Да войска разводили, онъ ни-
гу-гу—и щи, и кашу, все
пріѣлъ.

Иному до чего нѣтъ дѣла,

О томъ толкуеть онъ охотнѣе все-
го:

Что будетъ съ Индіей, когда и
отчего,

Такъ ясно для него;
А поглядишь—у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

Пестрыя овцы.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не
трудно;

Но это было-бы не правосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ
вѣнецъ,

Чтобъ подданныхъ душить, но имъ
давать расправу;

А видѣть пеструю овцу терпѣнья
нѣтъ!

Какъ сбыть ихъ и свою сберечь
на свѣтѣ славу?

И вотъ къ себѣ зоветъ

Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,,

И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ вся-
кій разъ

Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придется ему совсѣмъ
лишиться глазъ,

И, какъ такой бѣдѣ помочь, со-
всѣмъ не знаетъ.

„Всесильный левъ!“ — сказалъ, на-
супившись, медвѣдь,—

На что тутъ много разгово-
ровъ?

Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. Кому о нихъ
жалѣть?“

Лиса, увидѣвши, что левъ нахму-
рилъ брови,

Смиренно говоритъ: „О, царь! нашъ
добрый царь!

Ты, вѣрно, запретишь гнать эту
бѣдную тварь

И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произ-
нести:

Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ-бъ былъ обильный кормъ для
матокъ

И гдѣ бы поскакать, побѣгать для
агнятокъ;

А такъ какъ въ пастухахъ у насъ
здѣсь недостатокъ,
То пригажи овецъ волкамъ
пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собою пере-
ведется.
А между тѣмъ пускай блажен-
ствуютъ онѣ;
И что-бъ ни сдѣлалось, ты будешь
въ сторонѣ“.

Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу
взяло
И такъ удачно въ ходъ пошло,
что, наконецъ,
Не только пестрыхъ тамъ
овецъ—
И гладкихъ стало мало.
Какіе-жъ у звѣрей пошли на это
толкъ?
Что левъ бы и хорошъ, да все
злодѣи-волки!

А. Измайловъ.

Котъ и крысы.

У одного купца котъ очень раз-
жирѣлъ.
И какъ не разжирѣть? Лишь толь-
ко спалъ, да ѣлъ,
А на мышей и крысъ совсѣмъ и
не глядѣлъ.
За то онѣ его нисколько не боялись:
По милости его, владѣя черда-
комъ,
Неблагодарныя надъ нимъ еще
смѣялись,
И Ваську смирнаго считали дура-
комъ.
Однажды этотъ котъ, покушавши
плотненько,
Пошелъ къ нимъ на чердакъ,
чтобъ отдохнуть маленько;
Свернулся на полу клубкомъ,
И что жъ? проклятыя вѣдь не да-
ли покою!
Такую подняли возню между
собою,
Что полъ отъ нихъ дрожалъ;
Но котъ смирнехонько лежалъ.
Подумали онѣ, что Васька ихъ
боится;
Стучать, шумять, бранять и ко-
шекъ и котовъ,
А онъ не шевелится,
Не слышитъ, кажется, ихъ словъ.
Вдругъ крыса бойкая съ престраш-
ными усами,
Съ предлиннымъ, въ пять верш-
ковъ, хвостомъ,
Кричитъ:— „Да сдѣлаемъ одинъ
конецъ съ котомъ!

Сѣдимъ-ка мы его: увидите вы
сами,
Что очень вкусенъ онъ;
Смотрите, какъ жиренъ!
Вотъ и обѣдъ готовъ. Чего же
дожидаться?
Ну! ну! за дѣло принимайтесь!
Которая изъ насъ храбрѣй,
Та носъ ему откусить;
За мной, за мной скорѣй,
Ступайте, кто не труситъ“.
Сказала и летитъ впередъ къ ко-
ту стрѣлой.
За ней всѣ кинулись въ атаку.
Что жъ сдѣлалъ бѣдный Васька
мой?
Вступитъ рѣшился въ драку:
Вскочивши на ноги, согнулся весь
дугой;
Шерсть поднялась на немъ, онъ
засверкалъ глазами,
И началъ работать когтями и зу-
бами,—
Колонну цѣлую единымъ мигомъ
смялъ.
Смѣшались крысы, побѣжали,
Иныя же просить себѣ пощады
стали;
Но котъ въ сердцахъ никакъ пар-
дона не давалъ,
И въ кучу всѣхъ поклялъ.
—
Пути, да только осторожно;
Не то въ бѣду попасться можно.
Иной дѣйствительно смиренъ
И сносить долго оскорбленя;

Но если выведутъ его ужъ изъ
терпѣнья,
То наглцовъ прочитъ онъ.

Два рака.

„Все пятится назадъ! Куда какой
дуракъ!

Журиль такъ сына старый ракъ,
Впередъ ступай, впередъ! Не то я
драться стану!“

— Да покажите мнѣ вы, батюшка,
хоть разъ,

Какъ надобно ходить: я перейму
у васъ;

Извольте вы впередъ, а я ужъ не
отстану.

—
Слугу за пьянство баринъ бьетъ,
Но не уйметъ,—
А отчего?—Самъ баринъ пьетъ.

Два крестьянина и облако.

— Смотри-ка, братъ Антонъ!
Сосѣду говоритъ крестьянинъ Ага-
фонъ,

А самъ весь поблѣднѣлъ и, такъ
какъ листь, трясется,

Смотри-ка, туча къ намъ несется!“
— Такъ что-жь?—„Какъ что? да

градъ пойдетъ,
И хлѣбъ у насъ побьетъ;

Все пропадетъ,
Озимое и яровое;

Голодный будетъ годъ, а тамъ
гляди и морь!...“

— Пустое, братъ сосѣдъ, пустое!
Какой несешь ты вздоръ!

Не градъ, а дождь пойдетъ: давно
къ дождю вѣдь парить...

Вотъ каплетъ, кажется. Ужъ то-то
хлѣбъ поправитъ!

Мы уберемъ его и много продадимъ,
Да браги наваримъ:

Гуляй и пей уже зимою!
Пусть дождь идетъ, я очень радъ.

„Ну посмотри, посылетъ градъ“.
— Нѣтъ, дождь пойдетъ.

„Градъ“.
— Дождь, не спорь же ты со мною.

„Да что и спорить съ дуракомъ?“

Антонъ за это хватъ сосѣда кула-
комъ;

Тотъ въ ухо хватъ его, и драка
началася.

Ни градъ, ни дождь еще неидетъ,
А кровь изъ обоихъ ужъ льетъ.

Межъ-тѣмъ прочистилось, и туча
пронеслася.

Кошки въ погребѣ.

„Ну, Власичъ, что тебѣ скажу;—
Купчиха толстая такъ мужу гово-
рила,—

Сегодня въ погребъ я лишь двери
отворила,

Анъ, погляжу—
Двѣ крысы у меня большія подъ
ногами,

Съ предлинными хвостами.
Я такъ и обмерла!..

Горшокъ со сливками ужъ на боку
нашла.

Житья отъ крысъ не стало!
Что бъ мышеловку намъ купить?“

— Вотъ! деньги по-пусту платитъ!
Да развѣ въ домѣ кошекъ мало?

Возьми, Кузьминишна, всѣхъ ко-
шекъ и котятъ;

Запри на погребъ ихъ: пускай
тамъ крысы ѣдятъ.

Исполнила жена сожителя велѣнье,
И кошки посланы на погребъ въ
заточенье.

На утро къ узникамъ Кузьминиш-
на идетъ,

И что же въ погребѣ ея взоръ
поражаетъ?

Изъ кринки Машка сливки пьетъ,
А Васька мяса часть сырого уби-
раетъ.

Котята полотки, дичину тормо-
шатъ;

Горшки и кадочки всѣ на боку
лежатъ.

„Ахъ, вы проклятыя!—хозяйка за-
кричала,

Постойте! вотъ я васъ!“
Рука со связкою ключей у ней дро-
жала,

Взмахнула ею,—вмигъ исчезли всѣ
изъ глазъ,

изъ глазъ,

А бѣдная на ледь всей тушею упала,
Да такъ, что съ полчаса не встала.

Вотъ жалобу она хозяину творить!
На кошекъ требуетъ управы.
Подумавъ, Власъичъ ей на это говоритъ:

„И кошки, да и мы не правы.
Оставимъ въ погребѣ ужъ Ваську
одного;

Одинъ онъ столько не наблудить;
А если станешь ты всегда кормить
его,

Тогда и воровать, авось, совсѣмъ
не будетъ“.

Священникъ и крестьянинъ.

Пришелъ къ священнику крестьянинъ
Парамонъ
И, сдѣлавъ передъ нимъ чуть не
земной поклонъ,

Такъ говорилъ ему со вздохомъ и
слезами:

„Помилуй, батюшка, что дѣлать
мнѣ съ чертами?

Изъ дому выживаютъ вонъ.“
— Перекрестися, Парамонъ!

„Да я уже и такъ крестился,
Молитву съ вечера творилъ,
А домовой меня давилъ;
Всю ночь съ проклятымъ про-
возился.

Послушай-ка: лежу вечеръ я на
спинѣ,

Гляжу,—анъ чортъ на мнѣ
Лежитъ, какъ-будто куль съ мукою
Иль съ солью, такъ тяжелъ! Ей-ей,
тебѣ не лгу.

И что жъ? пошевелить рукою,
Ни слова вымолвить я не могу ни-
какъ.

Ужъ какъ-то я поворотился,
Такъ онъ съ меня свалился.
Ты въ семинаріи, отецъ Иванъ,
учился,

Пожалуй, одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь-ли зелья мнѣ какова
Иль корешковъ отъ домовова?
А я тебѣ за то пшеницы четве-
рикъ“.

— Я думалъ, Парамонъ, что умный
ты мужикъ,

А вздоръ какой ты мелишь!—
„Неужли, батюшка, мнѣ ты не
вѣришь?

Ну, право, домовой давилъ меня,
давилъ!

Спроси хоть бабушку Пахомовну
Ненилу.

Еще онъ не влюбилъ
Саврасую мою кобылу.

Пришелъ я утромъ въ хлѣвъ: подъ
яслими лежитъ

Сердечная въ поту и такъ, какъ
листь, дрожить!

Изъѣздилъ бѣдную! ужъ диво!..“
— Не дивися;

Впередъ не на спину, а на бокъ
спать ложися,

Отъ крови сдѣлалось тебѣ такъ
тяжело;

Какъ навзничъ ты лежалъ, она
остановилась.—

„А какъ кобылу-то подъ ясли за-
несло?

Небось, сама туда забилась?“

— Конечно.— „Отчего?“

— Да оттого,
Что муха укусила...—

„Неправда! а нечиста сила...“

— Да нѣтъ на свѣтѣ домовыхъ.—
„Какъ нѣтъ? Не видывалъ ты ихъ;

А я, хотя впотъмахъ, да видѣлъ
домового:

Какъ уголь черенъ весь! собою
здоровъ, высокъ!

Плечами же вельми широкъ...“

— Пожалуй, не грѣши и не мели
пустого.—

„Вотъ хорошо! не вѣрь своимъ
очамъ,

А вѣрь твоимъ рѣчамъ?

Какой ты попъ! да ты совсѣмъ не
христианинъ,

Къ тебѣ я на духъ не пойду!“
И, разсердившись, ушелъ домой
крестьянинъ.

Отецъ Иванъ попалъ въ бѣду:
Безбожникомъ въ селѣ его прозвали;

Иные же ходить и въ церковь
перестали.

И менѣ чѣмъ черезъ годъ
Онъ перешелъ въ другой приходъ.

Упрямыхъ, глупыхъ суетѣровъ
Ничѣмъ не можно убѣдить;
Опасно даже имъ и правду гово-
рить.
Довольно есть тому въ исторіи
примѣровъ.

Дуракъ Филатка.

У Толстосумова дуракъ Филатка
былъ.

Не видываль еще я дурака такого.
Глуше барина! И баринъ, какъ
родного,

Филатку дурака любилъ,
Поилъ его виномъ и всюду бралъ
съ собою;

Филатка все въ деревнѣ жилъ.
Вотъ какъ-то господинъ поѣхалъ
съ нимъ водою

Изъ Нижняго въ Казань. Филатъ
тому былъ радъ:

На все зѣваль, всему дивился;
Однако, ничему въ путине научился.
Пріѣхали назадъ.

Чортъ дернулъ ключницу Маланью
О путешествіи спросить у дурака.
„Деревня наша велика,

А не сравняется ни съ Нижнимъ,
ни съ Казанью,—

Филатка говоритъ,—церквей, кре-
стовъ

Тебѣ не сосчитать, не только что
домовъ!“

— Ну, что жъ, тамъ хорошо?— „И
вѣдомо, не худо.

А вотъ на Волгѣ я, скажу, ужъ
видѣлъ чудо!“

— Какое!— „Знаешь-ли? бѣжимъ на
парусахъ,

И дома-то на берегахъ,
Деревья всѣ бѣгутъ. Мы къ бере-
гу пристали;

Они, какъ вкопанные, стали.
Опять поѣхали, опять бѣгутъ,
бѣгутъ!“

— Прямой, Филатъ, ты шутъ!
Тебѣ казалось такъ, а дома-то
стояли.—

„Э, нѣтъ, Маланьюшка, бѣжали!“
— По-твоему! да ты вѣдь, правда,
безъ ума!—

„Такъ дура ты сама!“

Я говорю тебѣ, коль хочешь, по-
божуся:
Бѣжали дома всѣ назадъ“.

— Ну, полно врать, Филатъ!—
„Смотри, Маланья, я съ тобою не
смѣюся.

Не вѣришь что-ли?“—Нѣтъ.—
„Бѣжали!“

— Какъ не такъ!—
„Повѣрь же, говорю“.—Да развѣ я
взбѣсилась?—

Филатъ, чтобъ убѣдить, покрѣпче
сжалъ кулакъ,
Занесъ, и ключница во всемя съ
нимъ согласилась.

Я спорить съ умными люблю;
Отъ споровъ съ ними я учуся;
Но спорить съ глупыми боюсь
И имъ всегда охотно уступлю.

Встрѣча двухъ подругъ.

Двѣ дамы встрѣтились въ рядахъ.
„Ахъ!

Прасковья Марковна! Вы ль это?“
— Я, Анна Дмитревна, вотъ ны-

нѣшнее лѣто
Изъ Твери приплыла.—„Ахъ, Боже

мой! лѣтъ пять
Мы съ вами не видались.

Привелъ же Богъ увидѣться опять!“
(Тутъ три раза онѣ поцѣловались).

„Какъ рада я!.. Но какъ перемѣ-
нились вы!

Ужасно похудѣли!...
— И вы не очень похорѣли!—

„Конечно, замужемъ?“—Увы!
Четвертый годъ...—„А кто супругъ

вашъ?“—Крючковторецъ,
Совѣтникъ Праволовъ; богатъ, но
страхъ какъ скупъ,

Ревнивъ!..—„А у меня и старъ и
глупъ

И къ этому же стихотворецъ!
— Я взаперти живу, не вижу и
людей;

Взгляну-ль въ окно,—и онъ шумить,
кричитъ, ругаетъ...—

„А у меня такой злодѣй:
И день и ночь все мнѣ стихи чи-
таеть!“

— Скажу вамъ; мужъ мой вѣдь
вдовець;
Онъ былъ женатъ, не знаете-ль? на
Ленской,—
И уморилъ ее!—„А мой-то моло-
дець
Двухъ женъ отправилъ ужъ къ
Смоленской.
Представьте: первая сошла совѣмъ
съ ума;
Въ чахотку онъ вогналъ вторую;
Не знаю, право, и сама,
Отъ виршей чувствую тоску та-
кую...“
— Смотрите! вслѣдъ за мной рев-
нивецъ мой бѣжить...
„Ахъ, Боже мой! и со стихами!“
Ревнивецъ прибѣжалъ. „Парашень-
ка, другъ мой!
Какъ ты замѣшкалась! Пора, по-
ра домой!
Что жъ стала?“—Не браните:
Я встрѣтилась вотъ здѣсь съ под-
ругою моею;
Пять лѣтъ мы не видались съ
ней,
А вмѣстѣ выросли...—„Какъ радъ
я!.. Извините...
Рекомендуюсь вамъ... имѣю честь...
Однако же часовъ уже шесть...“
— А у меня посланье есть!
(Вскричалъ, къ нимъ подошедши,
Риемачъ сѣдой и сумасшедшій)
Анюта, знаешь ли? Тебѣ я на-
писалъ
Прелестный мадригалъ.
Послушай...—„Батюшка, да посты-
дись народу
И дай съ знакомыми ты мнѣ по-
говорить.“
— А емѣю васъ, сударь, спросить,
Читали ли вы оду
На погребеніе Прибыткина купца?
У Холмогорскаго пѣвца,
Ей Вогу, нѣтъ такой! Войдемте въ
эту лавку;
Я оду вамъ прочту, да притчей
пять въ прибавку.—
Сказалъ и за воротъ совѣтника
схватилъ;
А тотъ хотъ изумился,
Но за руку жену съ собою пота-
щилъ.
Народъ предъ лавкою столпился,

И по гостиному двору прохода
нѣтъ.

Безсовѣстный поэтъ,
Что силы есть, стихи читаетъ,
Жена напрасно унимаетъ,
Купецъ изъ лавки выгоняетъ,
Сидѣлецъ головой качаетъ,—
Онъ ничего не примѣчаетъ,
А все читаетъ да читаетъ
И отъ себя ревнивца не пускаетъ.
Тотъ все молчалъ, молчалъ;
Но напоследокъ закричалъ:
Ой, караулъ!—и побѣжалъ,
Риемачъ за нимъ—кричитъ: „дер-
жи! держите!

Я притчей не читалъ еще, а вы
бѣжите!“

И оба скрылися изъ глазъ.
„Ну, матушка, такихъ проказъ
(Прасковья Марковна сказала),
Признаться, я не ожидала.
Мой Петръ Кондратьевичъ ревнивъ,
Взыскателенъ, сварливъ:
Но все сносишь, чѣмъ вашъ мучи-
тель“.

Я самъ, къ несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И ужъ никакъ не утерплю,
Чтобъ не читать друзьямъ свои
стихотворенья;

А бѣдная моя жена—
Пошли ей, Господи, терпѣнья!
Хотя не хочеть, по должна
Сидѣть и слушать, какъ читають
басни, сказки,—
Молчить голубушка и только шу-
рить глазки.
Ахъ, знаю по себѣ, что всякій
метроманъ
Жены своей тиранъ.

Стрѣлки.

„Что у тебя, братъ, глазъ завя-
заны?“
— За шалость я свою наказанъ.—
„Какъ?“—Отлѣчиться захотѣлъ
И остривѣлъ.—
„Какимъ же образомъ?“—Стрѣ-
лялся,
Да вотъ безъ глаза и остался.—

„Съ кѣмъ?“—Съ Джономъ Порте-
ромъ.—„О, знаю молодца!
Не тратить попусту свинца“.
— Да такъ ли я, какъ онъ, стрѣляю!
Я въ десяти шагахъ въ мухъ пу-
лей попадаю.
Прицѣлился ему прямехонько я въ
лобъ...—

Хлопъ!..—
„Убилъ его? Онъ повалился?“
— Нѣтъ, милый, нѣтъ:
Вдругъ разорвало пистолеть...
Вотъ грѣхъ какой случился!
А онъ и радъ тому, спустилъ ку-
рокъ тотчасъ
И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.
Ужъ есть чѣмъ хвастаться! Въ
три четверти аршина
Былъ пистолеть его! Вѣдь экая
машина!

И пистолеть притомъ какой?
Отмѣнный! Въ Англии сто фунтовъ
стоитъ пара,
А у меня дрянный такой,
И тотъ взялъ, знаешь ли, у казака
Макара,
Который изъ него лѣтъ восемь не
стрѣлялъ,
Не чистилъ, въ сырости держалъ;
А вычистить его я самъ не до-
гадался.
Теперь мнѣ пистолеть чудеснѣй-
шій попался,
Звалъ Джона я опять; но нѣтъ,
плутъ отказался,
Не знаю, какъ отмстить. Скажи,
братъ, научи,
Что дѣлать мнѣ теперь?—„Что
дѣлать?.. Глазъ лѣчи,
Да и, пожалуйста, молчи“.

Грибоѣдовъ.

Горе отъ ума.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе IV.

Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.
[Фамусовъ застаётъ рано утромъ
Молчалина въ обществѣ Софьи].

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?

И Софья!.. Здравствуй, Софья!
что ты

Такъ рано поднялась?.. а? для ка-
кой заботы?

И какъ васъ Богъ не въ пору
вмѣстѣ свелъ?

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки.

Фамусовъ.

Другъ! нельзя ли для прогу-
локъ

Подальше выбрать закоулокъ?

А ты, сударыня, чуть изъ постели
прыгъ—

Съ мужчиной, съ молодымъ! За-
няты для дѣвицы!

Всю ночь читаешь небылицы,—

И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!

А все Кузнецкій мостъ и вѣчные
французы,

Откуда моды въ намъ, и авторы,
и музы,

Губители кармановъ и сердецъ!

Когда избавить насъ Творецъ

Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпи-
лежъ, и булавокъ,

И книжныхъ и бисвитныхъ
лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... кружится го-
лова...

Я отъ испуга духъ перевозу
едва.

Изволили вбѣжать вы такъ про-
ворно,—

Смѣшалась я...

ФАМУСОВЪ.

Благодарю покорно:

Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!

Я помѣшалъ! я испугалъ!

Я, Софья Павловна, разстроены самъ:
день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно
угорѣлый;

По должности, по службѣ хло-
потня,

Тотъ пристааетъ, другой, всѣмъ дѣло
до меня!

Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ,
чтобъ былъ обманутъ?

СОФЬЯ (*сквозь слезы*).

Кѣмъ, батюшка?

ФАМУСОВЪ.

Вотъ попрекать мнѣ стануть,
Что безъ толку всегда журю!

Не плачь: я дѣло говорю.

Ужъ объ твоёмъ ли не радѣли

Объ воспитаньи съ колыбели!

Мать умерла—умѣлъ я принанять

Въ мадамъ Розье вторую мать;

Старушку - золото въ надзоръ къ
тебѣ приставилъ;

Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ
правиль.

Одно не къ чести служить ей:

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ
рублей

Сманить себя другими допустила.

Да не въ мадамъ сила:

Не надобно иного образца,

Когда въ глазахъ примѣръ
отца.

Смотри ты на меня: не хвастаюсь
сложеньемъ,

Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ
до сѣдинъ;

Свободенъ, вдовъ, себѣ я госпо-
динъ...

Монашескимъ извѣстенъ пове-
деньемъ!..

ЛИЗА.

Осмѣлюсь я, сударь...

ФАМУСОВЪ.

Молчать!

Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что
начать!

Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери!.. Да сами добряки—

Дались намъ эти языки!

Беремъ же побродягъ и въ домъ,
и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить,
всему:

И танцамъ, и пѣнью, и нѣжно-
стямъ, и вздохамъ,

Какъ будто въ жены ихъ готовимъ
скорохамъ!

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, су-
дарь, къ чему?

Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ
мое семейство,

Даль чинъ асессора и взялъ въ се-
кретари;

Въ Москву переведенъ черезъ мое
содѣйство,

И будь не я, коптѣлъ бы ты въ
Твери.

[*Молчаливъ докладываетъ, что онъ
шелъ къ Фамусову съ бумагами*].

ФАМУСОВЪ.

Да, ихъ не доставало!

Помилуйте, что это вдругъ при-
пало

Усердье къ письменнымъ дѣ-
ламъ?

(*Встаетъ*).

Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бываютъ странны сны, а наяву
странные:

Искала ты себѣ травы,

На друга набрела скорѣе...

Повыинь вздоръ изъ головы!

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.

Поди-ка, лягъ, усни опять.

(*Молчалину*).

Идемъ бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я только несъ ихъ для доклада,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ

справокъ, а въ иныхъ

Противорѣчья есть, и многое не
дѣльно.

Ф А М У С О В Ъ .

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилося
ихъ;

Дай волю вамъ,—оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:

Подписано, такъ съ плечъ долой.

(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

Явленіе V.

СОФЬЯ, ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ
и потѣха!

Однако нѣтъ, теперь ужъ не до
смѣха:

Въ глазахъ темно, и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

СОФЬЯ.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ
и судить,
Да батюшка задуматься принудитъ:

Брюзгливъ, неугомоненъ, скорь.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...

Ты можешь посудить...

ЛИЗА.

Сужу-съ не по рассказамъ.
Запретъ онъ васъ,—добро еще со
мною,

А то, помилуй Богъ, какъ раз-
зомъ

Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора
долой.

СОФЬЯ.

Подумаешь, какъ счастье свое-
правно!

Бываетъ хуже,—съ рукъ сой-
детъ;

Когда-жъ печальное ничто на умъ
нейдетъ,

Забылись музыкой, и время шло
такъ плавно,

Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...

А горе ждетъ изъ-за угла!

ЛИЗА.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго
сужденья

Не жалуете никогда,
Анъ вотъ бѣда!

На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ
этой прока

Ни во вѣки вѣковъ.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка
таковъ:

Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами
да съ чинами,

А при звѣздахъ не всѣ богаты между
нами;

Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ
давать онъ балы;

Вотъ, напрімѣръ, полковникъ
Скалозубъ—

И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ
генералы.

СОФЬЯ.

Куда какъ миль! и весело мнѣ
страхъ

Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ
роду.

Мнѣ все равно, что за него, что
въ воду!

ЛИЗА.

Да-съ, такъ сказать, рѣчиствъ, а
больно не хитеръ.

Но будь военный, будь онъ
статскій,

Кто такъ чувствителенъ и весель,
и остеръ,

Какъ Александръ Андреичъ
Чацкій!

Не для того, чтобъ васъ сму-
тить—

Давно прошло, не воротить—
А помнится...

СОФЬЯ.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болваешь, шутить—мнѣ за-
бавно:

Дѣлать со всякимъ можно
смѣхъ.

ЛИЗА.

И только, будто бы? Слезами обли-
вался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ ва-
ми разставался.
„Что, сударь, плачете? живите-ка
смѣясь“.
А онъ въ отвѣтъ: „Недаромъ,
Лиза, плачу:
Кому извѣстно, что найдуя, воротясь,
И сколько, можетъ быть, утра-
чу!“
Бѣдняжка, будто зналъ, что года
черезъ три...

СОФЬЯ.

Послушай, вольности ты лишней не
бери:
Я очень вѣтрено, быть можетъ, по-
ступила,
И знаю, и винюсь, но гдѣ же из-
мѣнила,
Кому, чтобъ укорять невѣрностью
могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы вос-
питаны, росли,
Привычка вмѣстѣ быть день каж-
дый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой, но
потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему ка-
залось скучно,
И рѣдко посѣщаль нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюб-
леннымъ,
Взыскательнымъ и огорчен-
нымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счаст-
ливъ—
Вотъ о себѣ задумаль онъ высоко.
Охота странствовать напала на
него...
Ахъ, если любить кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ
далеко?

ЛИЗА.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лѣчился, говорятъ, на кислыхъ онъ
водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки—
то вѣрнѣе!

СОФЬЯ.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди
посмѣшнѣе.
Кого люблю я—не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть
готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво,
несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ
провести?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ по-
блѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

ЛИЗА.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

СОФЬЯ.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу
жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго,—итакъ вся ночь
проходить,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня
не сводить.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ
подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

ЛИЗА.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ
теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у
ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла скоронить
Свою досаду—не сумѣла:
Забыла волосы чернить
И черезъ три дня посѣдѣла.
(Продолжаетъ хохотать).

СОФЬЯ (съ огорченіемъ).

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ за-
говорять.

ЛИЗА.

Простите: право, какъ Богъ
святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ ду-
рацкій
Васъ нѣсколько развеселить по-
могъ.

Явление VI.

СОФЬЯ, ЛИЗА, СЛУГА, за нимъ чацкій.

СЛУГА.

Къ вамъ Александръ Андреичъ
Чацкій.

Явление VII.

СОФЬЯ, ЛИЗА, ЧАЦКІЙ.

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ—ужь на ногахъ и я у
вашихъ ногъ.

(Съ жаромъ трясетъ ея руку).

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Го-
ворите!Что-жь, рады? нѣтъ? Въ лицо
мнѣ посмотрите.

Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!

Какъ будто не прошло недѣли,

Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,

Мы мочи нѣтъ другъ другу на-
доѣли.Ни на волосъ любви! куда какъ хо-
роши!А между тѣмъ, не вспомнися,
безъ души,Я сорокъ пять часовъ, глазъ ми-
гомъ не прищури,Версть больше семисотъ пронеся!..
вѣтеръ, буря...И растерялся весь, и надалъ сколько
разъ—

И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!

Однако, искренно кто-жь радуется
эдакъ?Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,

Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, если бы вы былъ за
дверями,Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ.

Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь;
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрёка:
Кто промелькнетъ, отворитъдверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа,
издалека—Съ вопросомъ я, хоть будь мо-
рякъ:Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почто-
вой васъ каретъ?

ЧАЦКІЙ.

Положимте, что такъ!

Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему
на свѣтѣ!Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь
опять,Въ Москвѣ! у васъ! Да какъ же
васъ узнать!Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ
невинный,Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ

тутъ и тамъ,

Играемъ и шумимъ по стульямъ и
столамъ?..А тутъ вашъ батюшка съ мадамой
за никетомъ;Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется,
что въ этомъ...Вы помните? Вздоргнемъ, чуть
скриннетъ столикъ, дверь...

СОФЬЯ.

Ребичество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, а теперь,

Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли
прелестно,Неподражаемо, и это вамъ извѣст-
но,—И потому скромны, не смотрите на
свѣтѣ.Не влюблены ли вы? Прошу мнѣ
дать отвѣтъ,

Безъ думы; полноте смущаться.

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутятъ

Вопросы быстрые и любопытный
взглядъ...

чацкй.

Помилуйте: не вамъ—чему же удивляться?

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;

Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ
далъ промахъ;

Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи
въ альбомахъ.

софья.

Гоненье на Москву! что значить
видѣть свѣтъ!

Гдѣ-жъ лучше?

чацкй.

Гдѣ насъ нѣтъ.

Ну, что вашъ батюшка? все Английскаго клоба

Старинный, вѣрный членъ до
гроба?

Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой
вѣкъ?

А этотъ... какъ его?.. онъ турокъ
или грекъ...

Тотъ черномазенькй, на ножкахъ
журавлиныхъ,

Не знаю, какъ его зовутъ...

Куда ни сунься: тутъ какъ
тутъ,

Въ столовыхъ и гостиныхъ?..

А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?

Родныхъ милонъ у нихъ, и съ по-
мощью сестрицъ

Со всей Европой породнятся.

А наше солнышко, нашъ кладъ?

На лбу написано: театръ и мас-
карадъ;

Домъ зеленю расписанъ въ видѣ
рощи,

Самъ толстъ, его артисты
тощи...

На балѣ, помните, открыли мы
вдвоемъ

За ширмами, въ одной изъ комнатъ
посекретнй,

Былъ спрятанъ человѣкъ и щел-
калъ соловьемъ—

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.

А тотъ, чахоточный, родня вашъ,
книгамъ врагъ,

Въ ученый комитетъ который по-
селился

И съ крикомъ требовалъ при-
сигъ,

Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и
не учился?..

Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено
судбой!

Жить съ ними надоѣсть, и въ комъ
не сыщешь пятенъ?

Когда-жъ постранствуешь, воро-
тишься домой,

И дымъ отечества намъ сладокъ и
приятенъ.

софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою
свестъ,

Чтобъ всѣхъ знакомыхъ пере-
честъ.

чацкй.

А тетушка? Все дѣвушкой, Ми-
нервой?

Все фрейлиной Екатерины Пер-
вой?

Воспитанницъ и мосекъ полноъ
домъ?

Ахъ, къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче, такъ же, какъ

издревле,

Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ побольше, цѣною подешевле?

Не то, чтобы въ наукѣ далеки:

Въ Россіи, подъ великимъ
штрафомъ,

Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!

Нашъ менторъ—помните, колпакъ
его, халатъ,

Перстъ указательный, всѣ призна-
ки ученя,

Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли

вѣрить мы,

Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ
спасенья!

А Гильоме французъ, подбитый вѣ-
теркомъ, —

Онъ не женатъ еще?

софья.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напрімѣръ?

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ! можно ли?

ЧАЦКІЙ.

Что-жь? онъ и кавалеръ,
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ
быть и въ чинѣ,

А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ
каковъ?

На съѣздахъ, на большихъ, по
праздникамъ приходскимъ

Господствуетъ еще смѣшенье язы-
ковъ

Французскаго съ нижегород-
скимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жь.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скрывать,
какъ вашъ.

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ не надутый!
Вотъ новости! я пользуюсь ми-
нутой,

Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ, а развѣ нѣтъ вре-
мень,

Что я Молчалина глуше? Гдѣ онъ,
кстати?

Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ
тетрадь

Увидитъ — пристааетъ: пожалуйста
списать.

А впрочемъ, онъ дойдетъ до сте-
пеней извѣстныхъ,—

Вѣдь нынче любятъ безсловес-
ныхъ.

СОФЬЯ (въ сторону).

Не человекъ, змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь,
или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь
сказали?

Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, мо-
жетъ быть?

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и
незрѣло?

На что же такъ давно? вотъ до-
брое вамъ дѣло:

Звонками только что гремя

И день и ночь по снѣговой пу-
стынѣ,

Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то
строгомъ чинѣ!

Вотъ полчаса холодности терплю!

Лицо святѣйшей богомолки!..

И все-таки я васъ безъ памяти
люблю.

(Минутное молчаніе).

Послушайте, ужель слова мои всё
колки

И клонятся къ чьему-нибудь
вреду?

Но если такъ—умъ съ сердцемъ
не въ ладу;

Я въ чудакахъ иному чуду

Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;

Велите-жь мнѣ въ огонь — пойду
какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо — сгорите, если-жь
нѣтъ?

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I.

ФАМУСОВЪ И СЛУГА.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ об-
новкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-
ка календаръ.

Читай, не такъ, какъ поно-
марь,

А съ чувствомъ, съ толкомъ,
съ разстановкой.

Постой же. На листѣ черкни на
записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковѣ Федоровнѣ въ
домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ
свѣтъ!
Пофилософствуй,—умъ вскру-
жится!
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дни не
сварится.
Отмѣть-ка: въ тотъ же день...
Нѣтъ, нѣтъ..
Въ четвергъ я званъ на погре-
бенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ
забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ
лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать,
ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто
оставить
Житьемъ похвальнымъ — вотъ
примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный ка-
мергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ
доставить;
Богатъ и на богатой былъ женатъ;
Пережилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался,—всѣ о немъ прискорбно
поминаютъ:
Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и
умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ
одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и
въ субботу,—
Я долженъ у вдовы, у докторши
крестить;
Она не родила, но по расчету,
По моему, должна родить.

Явленіе II.

ФАМУСОВЪ, СЛУГА, ЧАЦКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ! Про-
симъ,

Садись-га.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ (*случ*).

Поди.

(*Слуга уходитъ*).

Да, разныя дѣла на память въ кни-
гу вносимъ;
Забудется, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Приѣздъ не въ
пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ
суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! нашель загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ
присядку!

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ,
нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! пять ты-
сячъ разъ
Твердить одно и то же!
То Софья Павловны на свѣтѣ нѣтъ
пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли
жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни,—
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ недаромъ называли.

чацкіі.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ
сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не
блажи,
Имѣнемъ, братъ, не управлай
оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

чацкіі.

Служить бы радъ — прислужи-
ваться тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ
дядя,

Максимъ Петровичъ: онъ не то на
серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человекъ къ
услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то
вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ
дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ,—
При государинѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны, въ со-
рокъ пудъ...

Раскланяйся—тупеемъ неживнуть.
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ
иначе.

А дядя! что твой князь, что
графъ!
Серьезный взглядъ, надменный
правъ!

Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось осту-
питься —
Упалъ, да такъ, что чуть затылка
не прошибъ.

Старикъ захохалъ; голосъ хрип-
кой...

Былъ высочайшею пожалованъ улыб-
кой,—

Изволили смѣяться. Какъ же
онъ?

Привсталъ, оправился, хотѣлъ от-
дать поклонъ —
Упалъ въ другорядъ—ужъ на-
рочно!

А хохотъ пуще. Онъ и въ третій
такъ же точно.

А? какъ по-вашему?.. По-нашему,
смышленье:

Упалъ онъ больно—всталъ здо-
рово.

За то, бывало, въ вистъ кто чаще
приглашенъ?

Кто слышитъ при дворѣ привѣтли-
вое слово?

Максимъ Петровичъ! Кто предъ
всѣми зналъ почетъ?

Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсію
даетъ?

Максимъ Петровичъ! Да. Вы, ны-
нѣшніе, нутка!

чацкіі.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмо-
трѣтъ

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ ми-
нувшій —

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ тру-
домъ.

Какъ тотъ и славился, чья чаше
гнулась шея;

Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ
брали лбомъ —

Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они
въ пыли,

А тѣмъ, кто выше, леств, какъ
кружево, плели.

Прямой былъ вѣкъ покорности
и страха,

Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не объ дядошкѣ объ вашемъ го-
ворю, —

Его не возмутимъ мы праха, —
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ
пылкомъ,

Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,

Чай, приговариваль: „ахъ, если бы
мнѣ то же!“

Хоть есть охотники поподличать
вездѣ,

Да нынче смѣхъ страшить и дер-
жить стыдъ въ уздѣ...

Недаромъ жалуютъ ихъ скупо госу-
дари!

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбона-
рій!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не та-
ковъ!

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣ всякій дышитъ—
И не торошится вписаться въ полкъ
шутовъ!

ФАМУСОВЪ.

Что говорить!—и говорить, какъ
пишетъ!

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, по-
обѣдать,

Подставить стулъ, поднять пла-
токъ...

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ пропо-
вѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто
живетъ...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не ли-
цамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ
господамъ

На выстрѣлъ подѣзжать къ
столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я, наконецъ, вамъ отдохъ
дамъ...

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безо-
щадно,—

Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ
придачу,—

Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не
терплю.

ЧАЦКІЙ.

Я досказаль.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши.

ЧАЦКІЙ.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ (скороговоркой).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ
баклуши,

Воротятся, — отъ нихъ порядка
жди!..

ЧАЦКІЙ.

Я пересталь...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье...

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явленіе III.

СЛУГА (*входитъ*).

Полковникъ Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ (*ничего не видитъ и не слышитъ*).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ—какъ пить дадутъ!

ЧАЦКІЙ.

Пожаловаль къ вамъ кто-то на
домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю—подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докла-
домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю — подѣ судъ! подѣ
судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь,—вась зовутъ.

ФАМУСОВЪ (*оборачивается*).

А? бунтъ? Ну, такъ и жду со-
дома!

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете
принять?

ФАМУСОВЪ (*встаетъ*).

Ослы! сто разъ вамъ повторятъ?
Принять его, позвать, просить, ска-
затъ, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ-же, то-
ропись!

(*Слуга уходитъ*).

Пожалуйста, сударь, при немъ осте-
регись:

Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахва-
таль!

Не по лѣтамъ и чинъ завид-
ный—

Не нынче, завтра—генераль!

Пожалуйста, при немъ веди себя
скромненько.

Эхъ, Александръ Андреичъ! дур-
но, братъ!

Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ,
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно
втрое:

Вотъ будто женится на Соношкѣ.
Пустое!

Онъ, можетъ быть, и радъ бы
былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я
большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сего-
дня;

Вѣдь Софья молода. А, впрочемъ,
власть Господня.

Пожалуйста, при немъ не спорь ты
вкривъ и вкось
И завиральныя идеи эти брось!..
Однако, нѣтъ его! какую бы при-
чину...

А? знать, ко мнѣ пошелъ въ другую
половину!

(*Постынно уходитъ*).

Явленіе IV.

ЧАЦКІЙ.

Какъ суетится! что за прыть!..
А Софья? Нѣтъ-ли впрямъ тутъ же-
ниха какого?

Съ которыхъ поръ меня дичится,
какъ чужого!

Какъ здѣсь бы ей не быть?

Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ
сильно бредить.

А, можетъ быть, не только что
отецъ...

Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ!

Явленіе V.

чацкій, фамусовъ, скалозубъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ
сюда-съ,

Прошу покорно, здѣсь теплѣе:
Прозябли вы,—согрѣемъ васъ;

Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

СКАЛОЗУВЪ (*устнымъ басомъ*).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ чест-
ный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ
ни шагу?

Сергѣй Сергѣичъ дорогой!

Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на
покой.

СКАЛОЗУВЪ.

Куда прикажете, лишь только-бы
уѣхать.

(*Садятся всѣ трое; Чацкий поодаль*).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не
забыть:

Позвольте намъ своими счастья,
Хоть дальними — наслѣдства не
дѣлать.

Не знали вы, — а я подавно, —
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ
братъ, —

Какъ вамъ доводится Настасья Ни-
колавна?

СКАЛОЗУВЪ.

Не знаю-съ, виновать:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили!

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣ-
тится, ползкомъ;

Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень
рѣдки:

Все больше сестрины, сволченицы
дѣтки;

Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.

Какъ станешь представлять къ кре-
стишку, иль къ мѣстечку,

Ну, какъ не порадытъ родному че-
ловѣчку!..

Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ и
говорилъ,

Что вами выгодъ тѣму по службѣ
получилъ.

СКАЛОЗУВЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отлича-
лись съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ
въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да! счастье, у кого есть эдакой
сыночек!

Имѣеть, кажется, въ петличкѣ орде-
нокъ?

СКАЛОЗУВЪ.

За третье августа; засѣли мы въ
траншею;

Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на
шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный челоуѣкъ, и посмотрѣть,
такъ хватъ!

Прекрасный челоуѣкъ двоюродный
вашъ братъ.

СКАЛОЗУВЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то но-
выхъ правилъ;

Чинъ слѣдовалъ ему, — онъ службу
вдругъ оставилъ,

Въ деревнѣ книги сталъ чи-
тать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а
послѣ хватъ!..

Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите не-
давно.

СКАЛОЗУВЪ.

Довольно счастливъ я въ товари-
щахъ моихъ, —

Вакансіи какъ разъ открыты!
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ,
вознесетъ!

СКАЛОЗУВЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.

У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ, хотъ сказать, бригад-
номъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

СКАЛОЗУВЪ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако, за полкомъ два года пово-
дили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ дру-
гомъ
За вами далеко тянутся.

СКАЛОЗУВЪ.

Нѣтъ-съ, старѣ меня по корпусу
найдутся:

Я съ восемьсотъ девятого служу.
Да! чтобъ чины добыть, есть многіе
каналы;
Объ нихъ, какъ истинный философъ,
я сужу—
Мнѣ только бы досталось въ ге-
нералы.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите, дай Богъ здо-
ровья вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать-бы даль-
ше? —

Рѣчь завести объ генеральствѣ?

СКАЛОЗУВЪ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что-жь? у кого сестра, племянница
есть, дочь...

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ
перевода;

Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что
едва

Гдѣ сыщется столица, какъ
Москва.

СКАЛОЗУВЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная ма-
нера,

На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ из-
стари ведется,

Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если набе-
рется

Душъ тысячки двѣ родовыхъ,—
Тотъ и женихъ.

Другой хотъ притче будь, надутый
всякимъ чванствомъ,

Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не влючать, на насъ
не подиви.

Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ
дворянствомъ!

Да это ли одно?.. Возьмите вы
хлѣбъ-соль:

Кто хочеть къ вамъ пожаловать—
изволь,

Дверь отперта для званныхъ и
незванныхъ,

Особенно изъ иностранныхъ;
Хотъ честный человекъ, хотъ
нѣтъ —

Для насъ равнехонько — про всѣхъ
готовъ обѣдъ.

Возьмите вы, отъ головы до пя-
токъ,

На всѣхъ московскихъ есть особый
отпечатокъ.

Извольте посмотрѣть на нашу мо-
лодежь,

На юношей, сынковъ, вну-
чать:

Журимъ мы ихъ, а если разбе-
решь —

Въ пятнадцать лѣтъ учителей на-
учать!

А наши старички? Какъ ихъ возь-
метъ задоръ,

Засудятъ о дѣлахъ: что слово—при-
говоръ!

Вѣдь столбовые все; въ усь никому
не дуютъ

И объ правительствѣ иной разъ
такъ толкуютъ,

Что если-бъ кто подслушалъ ихъ...
бѣда!

Не то, чтобъ новизны вводили —
никогда,

Спаси насъ, Боже!.. Нѣтъ... А
 придерутся
 Къ тому, къ сему, а чаще ни къ
 чему,
 Поспорятъ, пошумятъ — и... раз-
 зойдутся.

Прямые канцлеры въ отставкѣ по
 уму!

Я вамъ скажу, знать, время не
 приспѣло,

Но что безъ нихъ не обойдется
 дѣло.

А дамы? — сунься кто, попробуй,
 овладѣй;

Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ
 судей;

За картами когда возстанутъ об-
 щимъ бунтомъ—

Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я
 былъ женатъ.

Скомандовать велите передъ фрун-
 томъ!

Присутствовать пошлите ихъ въ
 сенатъ!

Ирина Власевна! Лукерья Але-
 ксѣевна!

Татьяна Юрьевна! Пульхерія Ан-
 древна!

А дочекъ кто видалъ, всягъ голову
 повѣсь!

Его величество король былъ прус-
 скій здѣсь:

Дивился не путемъ московскимъ
 онъ дѣвицамъ—

Ихъ благонавію, не лицамъ.

И точно, можно ли воспитаннѣе
 быть!

Умѣютъ же себя принарядить

Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;

Словечка въ простотѣ не скажутъ,—
 все съ ужимкой;

Французскіе романсы вамъ поютъ

И верхнія выводятъ нотки;

Къ военнымъ людямъ такъ и
 льнутъ,

А потому что—патріотки!

Рѣшительно скажу: едва

Другая сыщется столица, какъ Мо-
 сква.

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденію,
 Пожаръ способствовалъ ей много къ
 украшенію.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли
 крихтять!

Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
 Дома и все на новый ладъ!

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки ста-
 ры.

Порадуйтесь,—не истребить
 Ни годы ихъ, ни моды, ни по-
 жары.

ФАМУСОВЪ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ;
 Просилъ я помолчать — не велика
 услуга.

(Скалозубу).

Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чац-
 каго, мнѣ друга,

Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
 Не служить, то-есть въ томъ онъ

пользы не находить;

Но захоти, такъ былъ бы дѣло-
 вой.

Жаль, очень жаль: онъ малый
 съ головой,

И славно пишетъ, переводить.

Нельзя не пожалѣть, что съ эта-
 кимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь
 другомъ?

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ,—всѣ такъ же осу-
 ждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
 Къ свободной жизни ихъ вражда
 непримирима!—

Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ
 газетъ

Временъ Очаковскихъ и покоренья
 Крыма;

Всегда готовые къ журьбѣ,

Поютъ все пѣснь одну и ту же,
 Не замѣчая о себѣ,

Что старѣе,—то хуже!

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,

Которыхъ мы должны принять за образцы?

Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли,
въ родствѣ,

Великолѣбныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,

И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы

Прошедшаго житія подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажима-
ли рты

Обѣды, ужины и танцы?

Не тотъ-ли, вы къ кому меня еще
съ пеленъ,

Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,

Дитей возили на поклонъ?

Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,

Толпою окруженный слугъ?

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,

И жизнь, и честь его неразъ спасали; вдругъ

На нихъ онъ вымѣнялъ борзья три собаки!

Или вонъ тотъ еще, который для затѣй

На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?

Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и въ амурахъ,

Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;

Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ

Распроданы поодинокѣ!

Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!

Вотъ уважать кого должны мы на безлюдья!

Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ

исканій,—

Не требуя ни мѣсты, ни повышенья
въ чинъ,

Въ науки онъ вперить умъ, алчущій познаній;

Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ

Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожаръ!

И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.

Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту

Когда-то урывалъ, расшитый и красивый,

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливей!

И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть.

Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекса?

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.

Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,

Кричали женщины: „ура!“

И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ (*про себя*).

Ужъ втинетъ онъ меня въ бѣду.

(*Громко*).

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду

И буду ждать васъ въ кабинетѣ.

(*Уходитъ*).

Явленіе VI.

СКАЛОЗУВЪ, чацкій.

СКАЛОЗУВЪ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ

Искусно какъ коснулись вы

Предубѣжденія Москвы

Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ!..

Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ!

А въ первой арміи когда отстали?

въ чемъ?

Все такъ прилажено, и тальи всѣ

такъ узки,

И офицеровъ вамъ начтемъ,

Что даже говорить иные по-французски.

Явленіе XII.

МОЛЧАЛИНЪ, ЛИЗА.

МОЛЧАЛИНЪ.

Веселое созданье ты, живое!

ЛИЗА.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какое личико твое! (*Хочетъ ее обнять*).

Какъ я тебя люблю!

ЛИЗА.

А барышню?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ее

По должности, тебя...

ЛИЗА.

Отъ скуки?

Прошу подальше руки!

МОЛЧАЛИНЪ.

Есть у меня вещицы три:

Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце
внутри,

Кругомъ все прорѣзь, позолота;

Подушечка, изъ бисера узоръ

И перламутровый приборъ:

Игольничекъ и ножинки—какъ
милы!

Жемчужинки, растертые въ бѣ-
лилы!

Помада есть для губъ и для дру-
гихъ причинъ;

Съ духами скляночки: резеда и
жасминъ.

ЛИЗА.

Вы знаете, что я не льщусь на ин-
тересы;

Скажите лучше, почему

Вы съ барышней скромны, а съ
горничной повѣси?

МОЛЧАЛИНЪ.

Сегодня боленъ я; повязки не сниму.

Приди въ обѣдъ, побудь со
мною,

Я правду всю тебѣ открою!

(*Уходитъ въ боковую дверь*).

Явленіе XIII.

СОФЬЯ И ЛИЗА.

СОФЬЯ.

Была у батюшки—тамъ нѣту ни-
кого.

Сегодня я больна и не пойду обѣ-
дать.

Скажи Молчалину и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня при-
вѣдать.

(*Уходитъ къ себѣ въ комнату*).

Явленіе XIV.

ЛИЗА.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!

Она къ нему, а онъ ко мнѣ!

А я... одна лишь я любви до смерти
трушу!

А какъ не полюбить буфетчика Пе-
трушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе I.

ЧАЦКІЙ И СОФЬЯ.

[*Чацкій рѣшился узнать, кто дорогъ Софьѣ*].

ЧАЦКІЙ.

Постойте же! (*Въ сторону*). Разъ
въ жизни притворюсь.

(*Громко*).

Оставимте мнѣ эти преня.

Передъ Молчалинымъ неправъ я,
виноватъ;

Быть можетъ, онъ не то, что три
года назадъ:

Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ,
и умовъ;

Есть люди важныя, слыли за ду-
раковъ,

Иной по арміи, иной плохимъ по-
этомъ,
Иной... боюсь назвать... но при-
знано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій,
геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то
чувство, пылкость та,
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ
цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое биенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ
его дѣламъ
Душою—вы, вамъ угожденье?..
Самъ это чувствую, сказати лишь
не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, вол-
нуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.
А онъ?.. смолчить и голову по-
вѣситъ.
Конечно, смиренъ, — всѣ такіе не-
рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тай-
на скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выду-
мали вы,
Чѣмъ голова его вѣкъ не была на-
бита.
Быть можетъ, качество вашихъ
тѣмъ,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы
во сто разъ грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ! пускай умень, часъ
отъ часу умнѣе.
Но васъ онъ стоитъ ли? вотъ вамъ
одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести
утрату,
Какъ человѣку вы, который съ
вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остережся;
Пушусь подалѣе простыть, охоло-
дѣть,
Не думать о любви, но буду я
умѣть

Теряться по свѣту, забыться и раз-
влекъся.

СОФЬЯ (*про себя*).

Вотъ нехотя съ ума свела!

(*Вслушъ*).

Что притворяется?

Молчалинъ давеча могъ безъ руки
остаться,

Я живо въ немъ участие приняла;
А вы, случась на эту пору,

Не позаботились разсчесть,

Что можно доброй быть ко всѣмъ
и безъ разбору;

Но можетъ истина въ догадкахъ
вашихъ есть,

И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ на-

прямикъ,

Такъ невоздержну на языкъ?

Въ презрѣнны къ людямъ такъ
нескрыту,

Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?..
чего! —

Случись кому назвать его—

Градъ колкостей и шутокъ ва-
шихъ грянетъ.

Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ
на это станеть?..

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ
тѣхъ,

Которымъ цѣль всей жизни
смѣхъ?

Мнѣ весело, когда смѣшныхъ
встрѣчаю,

А чаще съ ними я скучаю.

СОФЬЯ.

Напрасно это вы относите къ дру-
гимъ:

Молчалинъ вамъ наскучилъ бы
едва ли,

Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

ЧАЦКІЙ (*съ жаромъ*).

Зачѣмъ же вы его такъ коротко
узнали?

СОФЬЯ.

Я не старалась. Богъ насъ
свелъ.

Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ
пріобрѣлъ.

При батюшкѣ три года служить,

Тотъ часто безъ толку сердить,
А онъ безмолвіемъ его обезоружить,
Отъ доброты души простить;

И, между прочимъ,

Веселостей искать бы могъ—

Ничуть: отъ старичковъ не ступить
за порогъ;

Мы рѣзвимся, хохочемъ,—

Онъ съ ними цѣлый день засядетъ,
радъ не радъ,

Играетъ...

чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!..

(Въ сторону).

Она его не уважаетъ!

софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого
ума,

Что геній для иныхъ, а для иныхъ
чума,

Который скоръ, блестящъ и скоро
опротивить,

Который свѣтъ ругаетъ наповаль,

Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-
нибудь сказалъ;

Да эдакой ли умъ семейство осчаст-
ливить?

чацкій.

Сатира и мораль смыслъ этого всего?

(Въ сторону).

Она не ставитъ въ грошъ его.

софья.

Чудеснѣйшаго свойства.

Онъ наконецъ: уступчивъ, скром-
мень, тихъ,

Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,

И на душѣ проступковъ никакихъ;

Чужихъ и вкривъ, и вкось не
рубить,—

Вотъ, я за что его люблю.

чацкій (въ сторону).

Шалитъ! она его не любитъ.

(Вслухъ).

Докончить я вамъ пособлю

Молчалина изображенье.

Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!

За армію стоитъ горой,

И прямизною стана,

Лицомъ и голосомъ герой...

софья.

Не моего романа.

чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

Явленіе III.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ
избранъ ей!

А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ
только мало;

Но чтобъ имѣть дѣтей,

Кому ума не доставало?

Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ
румянецъ есть.

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и небо-
гать словами...

Какою ворожкой умѣлъ къ ней въ
сердце влѣзть!

(Обрацуется къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ
вами

Не удалось сказать двухъ словъ.

Ну, образъ жизни вашъ каковъ?

Безъ горя нынче, безъ печали?

молчалинъ.

Попрежнему-съ.

чацкій.

А прежде какъ живали?

молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ
отъ пера?

И положенный часъ приливамъ и
отливамъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по
архивамъ,
Три награжденья получилъ.

ЧАЦКІЙ.

Взманили почести и знатность?

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

ЧАЦКІЙ.

У васъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Два-съ:

Умѣренность и аккуратность.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ
всѣхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не дались чины; по службѣ
неуспѣхъ?

ЧАЦКІЙ.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ удивлялись мы!..

ЧАЦКІЙ.

Какое-жъ диво тутъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Жалѣли васъ...

ЧАЦКІЙ.

Напрасный трудъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна рассказывали что-
то,

Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею незнакомъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

ЧАЦКІЙ.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣ-
чались.

Слыхалъ, что вздорная...

МОЛЧАЛИНЪ.

Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная...

Притомъ

Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы
сѣбѣздить вамъ...

ЧАЦКІЙ.

На что же?..

МОЛЧАЛИНЪ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ
не мѣтимъ.

ЧАЦКІЙ.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только
не за этимъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ обходительна, добра, мила,
проста!

Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ
у насъ служить?

И награжденья брать и весело по-
жить?

ЧАЦКІЙ.

Когда въ дѣлахъ,—я отъ веселій
прячусь;

Когда дурачиться,—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ; я не изъ
ихъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу
преступленья.
Вотъ самъ Оома Оомичъ... знакомъ
онъ вамъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну, что-жь?

МОЛЧАЛИНЪ.

При трехъ министрахъ былъ на-
чальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!

Пустѣйшій человекъ, изъ самыхъ
безтолковыхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ста-
вятъ въ образецъ!
Читали вы?..

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріят-
ностью прочесть;
Не сочинитель я...

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произ-
нести...

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ре-
бятъ;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только
святые?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно-жь зависѣть отъ
другихъ.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

ЧАЦКІЙ (*почти шромко*).

Съ такими чувствами, съ такой
душою,
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо
мною!

Явленіе VI.

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА, ПЛА-
ТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

ЧАЦКІЙ.

Ба!

Другъ старшій, мы давно знакомы!
Вотъ судьба!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Здорово, Чацкій, братъ!

ЧАЦКІЙ.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь
себя исправно!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель... и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забить шумъ лагерный, товарищи
и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Нѣтъ, есть-таки занятія:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

ЧАЦКІЙ.

Что твердилъ назадъ тому пять
лѣтъ?

Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ
всего дороже.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ, женишься, — тогда меня
вспомань!

Отъ скуки будешь ты свистѣть одно
и то же.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей пла-
тишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ за-
нятыямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ
и смотрямъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по
утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ
тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ! — эскадронъ дадутъ. Ты
оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ
очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Все ревматизмъ и головныя
боли.

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ
теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣ-
томъ рай.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ лю-
бить,
Москву; за что въ глуши онъ дни
свой погубить?

ЧАЦКІЙ.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Да, братъ; теперъ не такъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ!

Здѣсь такъ свѣжо, что мочи
нѣтъ;
Ты распахнулъ весь и разстегнулъ
жилетъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, — застегнись ско-
рѣй.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*рав-
нодушно*).

Сейчасъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ
сзади!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*глаза
къ небу*).

Ахъ, матушка!

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталь не тотъ въ корот-
кое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ
концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро, —
ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди,
хоть съ тыла!..

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*вздыхаетъ*).

Эхъ, братецъ, славное тогда житье-
то было.

Явленіе IX.

ТѢ ЖЕ и множество другихъ гостей.
Между прочимъ загорѣцкій. Муж-
чины являются, шаркаютъ, отхо-
дятъ въ сторону, кочуютъ изъ ком-
наты въ комнату и проч. Софья
отъ себя выходитъ; всѣ ей на-
встрѣчу.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Eh, bonsoir! vous voilà! Jamais
trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir
de l'attente.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

На завтрашній спектакль имѣете
билетъ?

СОФЬЯ.

Нѣтъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте вамъ вручить! напрасно
бы кто взялся
Другой вамъ услужить. За то
Куда я ни кидался?
Въ контору—все взято,
Къ директору—онъ мнѣ прия-
тель—
Съ зарей въ шестомъ часу, и
кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не
могъ;
Къ тому, къ сему, — всѣхъ
сбилъ я съ ногъ.

И этотъ, наконецъ, похитилъ уже
силой

У одного: старикъ онъ хилый,
Мнѣ другъ, извѣстный домо-
сѣдъ,—

Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

СОФЬЯ.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.

(Являются еще гости. Между тѣмъ,
Загорѣцкій отходитъ къ мужчи-
намъ).

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Платонъ Михайлычъ!..

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Прочь!

Поди ты къ женщинамъ, лги имъ
и ихъ морочь.

Я правду объ тебѣ поразскажу та-
кую,

Что хуже всякой лжи. (Чацкому).

Вотъ, братъ, рекомендую!

Какъ эдакихъ людей учтивѣе зо-
вуть,

Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣт-
скій,

Отъявленный мошенникъ,
плутъ—

Антонъ Антониъчъ Загорѣцкій.

При немъ остерегись: переносить
гораздъ!

И въ карты не садись: про-
дастъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ ма-
лѣйшей злобы!

ЧАЦКІЙ.

И оскорбляться вамъ смѣшно
бы...

Окромѣ честности есть множество
отрадь:

Ругаютъ здѣсь, а тамъ благода-
рять.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Охъ, братецъ, нѣтъ! у насъ ру-
гаютъ

Вездѣ, а всюду принимаютъ.

(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

Явленіе X.

ТѢ ЖЕ и Хлестова.

ХЛЕСТОВА (Софья).

Легко ли въ шестьдесятъ пять
лѣтъ

Тащиться мнѣ къ тебѣ, племян-
ница?.. Мученье!

Часъ битый ѣхали съ Покровки—
силы нѣтъ!

Ночь—свѣта преставленье!

Отъ скуки я взяла съ собой
Аранку-дѣвку да собачку.

Вели ихъ накормить ужю, дружочекъ мой,
 Отъ ужина сошли подачку.
 Княгиня, здравствуйте! (*Сняла*). Ну,
 Софьюшка, мой другъ,
 Какая у меня арапка для услугъ!
 Курчавая, горбомъ лопатки!
 Сердитая! всё кошачьи ухватки!
 Да какъ черна! да какъ страшна!
 Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
 Чортъ сущій! въ дѣвичей она...
 Позвать ли?

СОФЬЯ.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ.
 Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
 А знаешь ли, кто мнѣ припасть?
 Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
 (*Загорыцкій выставляется впередъ*).
 Лунишка онъ, картежникъ, воръ;
 (*Загорыцкій исчезаетъ*).
 Я отъ него было и двери на за- поръ,
 Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковѣ
 Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
 Купилъ, онъ говоритъ, — чай, въ карты сплутовалъ;
 А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровья!

чацкій (*со смѣхомъ Платону Михайловичу*).

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!
 И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

СОФЬЯ.

Вонъ этотъ? Чацкій.

ХЛЕСТОВА.

Ну, а что нашелъ смѣшного?
 Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
 Надъ старостью смѣяться грѣхъ.

Я помню, ты дитѣй съ нимъ часто танцевала,
 Я за уши его дирала, — только мало.

Явленіе XI.

тѣ же и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ (*громко*).

Ждемъ князь Петръ Ильича,
 А князь ужъ здѣсь! — а я забился тамъ въ портретной.
 Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ?
 а?

Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ чело-
 ловѣкъ замѣтный,
 Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

Явленіе XII.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
 А мы васъ ждали, ждали, ждали!
 (*Подводитъ къ Хлестовой*).

Моя невѣстунка, которой ужъ давно Объ васъ говорено.

ХЛЕСТОВА (*сидя*).

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ (*басомъ*).

Въ его высочества, хотите вы ска-
 зать,
 Ново-землянскомъ мушкатер-
 скомъ?

ХЛЕСТОВА.

Не мастерица я полки-то различать.

СКАЛОЗУВЪ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики,
петлички.

ФАМУСОВЪ (*Скалозубу*).

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я
посмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами,
князь, прошу!

(*Его и князя уводитъ съ собою*).

ХЛЕСТОВА (*Софьѣ*).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ
петли!

Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ,
Знакомить, не спросясь, приятно ли
намъ, нѣтъ ли.

МОЛЧАЛИНЪ (*подаетъ ей карту*).

Я вашу партію составилъ: мосея
Кокъ,

Өома Өомичъ и я.

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой дружокъ! (*Встаетъ*).

МОЛЧАЛИНЪ.

Вашъ спицъ—прелестный спицъ!
не болѣе наперстка!
Я гладила все его: какъ шелковая—
шерстка!

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой родной!

(*Уходитъ, за нею Молчалинъ и
многіе другіе*).

Явленіе XIII.

Чацкѣй, Софья и нѣсколько посто-
роннихъ, которые въ продолженіе
дѣйствія расходятся.

ЧАЦКѢЙ.

Ну, тучу разогналь...

СОФЬЯ.

Нельзя-ль не продолжать!

ЧАЦКѢЙ.

Чѣмъ васъ я напугалъ?

За то, что онъ смягчилъ разгнѣ-
ванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

СОФЬЯ.

А кончили бы злостью.

ЧАЦКѢЙ.

Сказать вамъ, что я думалъ?
Вотъ:

Старушки всеъ народъ сердитый;

Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ
знаменитый

Тутъ былъ, какъ громовой от-
водъ,—

Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно
все уладить?

Тамъ мосею во-время погла-
дить,

Тутъ въ пору карточку вотреть;
Въ немъ Загорѣцкѣй не

умреть!
Вы давеча его мнѣ исчисляли свой-
ства,

Но многія забыли—да.

(*Уходитъ*).

Явленіе XIV.

Софья, потомъ Г. Н.

СОФЬЯ (*про себя*).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстрой-
ства!

Унизить радъ, кольнуть,—завист-
ливъ, гордъ и золь!

Г. Н. (*подходитъ*).

Вы въ размышленьи?

СОФЬЯ.

Объ Чацкомъ.

Г. Н.

Какъ его нашли по возвра-
щеніи?

СОФЬЯ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. Н.

Ужли съ ума сошелъ?

СОФЬЯ (помолчавши).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. Н.

Однако, есть примѣты?

СОФЬЯ (смотря на него пристально).

Мнѣ кажется...

Г. Н.

Какъ можно, въ эти лѣты!

СОФЬЯ.

Какъ быть! (Въ сторону).

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій, любите вы всѣхъ въ шуты
рядить,

Угодно-ль на себѣ примѣрить.

(Уходитъ).

Явленіе XV.

Г. Н., потомъ Г. Д.

Г. Н.

Съ ума сошелъ! Ей кажется...
вотъ на!

Недаромъ, стало быть... съ чего-бъ
взяла она?

Ты слышалъ?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Объ Чацкомъ?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

Съ ума сошелъ.

Г. Д.

Пустое!

Г. Н.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. Д.

А ты разславить это радъ?

Г. Н.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто-ни-
будь да знаетъ.

(Уходитъ).

Явленіе XVI.

Г. Д., потомъ Загорѣцкій.

Г. Д.

Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ, и тотчасъ по-
вторяетъ!

Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

Г. Д.

Съ ума сошелъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, знаю, помню, слышалъ...

Какъ мнѣ не знать? Примѣр-
ный случай вышелъ:

Его въ безумные упрятали дядя
слутъ...

Схватили, въ желтый домъ, и на
цѣпи посадили.

Г. Д.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ
комнатѣ былъ, тутъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спу-
стили.

Г. Д.

Ну, милый другъ, съ тобой не на-
добно газетъ.

Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ,
секретъ!

Явленіе XVII.

Загорѣцкій, потомъ графиня внучка.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная
фамилія..

Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то
былъ знакомъ.

Вы слышали объ немъ?

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Объ комъ?

ЗАГОРЪЦКІЙ.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь
въ комнатѣ былъ.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРЪЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРЪЦКІЙ.

Да онъ сошелъ съ ума!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Представьте! Я замѣтила сама!
И хотъ пари держать,—со мной въ
одно вы слово.

Явленіе XVIII.

Тъ же и ГРАФИНЯ БАБУШКА.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Ah, grand'maman! вотъ чудеса!
вотъ ново!

Вы не слышали здѣшнихъ
бѣдъ?

Послушайте! вотъ прелести, вотъ
мило!..

ГРАФИНЯ БАБУШКА (*шепелявитъ*).

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Время нѣтъ!

(*Указываетъ на Загоръцаго*).

P vous dira toute l'histoire...
Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

Явленіе XXI.

Тъ же и Хлестова, Софья, Молча-
линъ, Платонъ Михайловичъ, На-
талья Дмитриевна, графиня внучка,
княгиня съ дочерьми, Загоръцкій,

Скалозубъ, *потомъ Фамусовъ и мно-
гіе другіе.*

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ про-
ворно!

Ты, Софья, слышала?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Кто первый разгласилъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, другъ мой, всё!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ну, всё, такъ вѣришь поне-
воль;

А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ (*входя*).

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я от-
крылъ!

Давно дивлюсь я, какъ никто его
не свяжетъ.

Попробуй о властяхъ, и не вѣсть
что наскажетъ!

Чуть низко поклонись, согнись-ка
кто кольцомъ,

Хотъ предъ какимъ ни есть
лицомъ,

Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хо-
хотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтоваль въ Москвѣ слу-
жить въ архивахъ.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ
деревнѣ.

ЗАГОРЪЦКІЙ.

Безумный по всему.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Але-
ксѣвнѣ:

Покойница съ ума сходила восемь
разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приклю-
ченья!

Въ его лѣта съ ума прыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

КНЯГИНЯ.

О, вѣрно...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнья.

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаганами тинулъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Бутылками-съ—и пребольшими.

ЗАГОРЬЦКІЙ (съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!

Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ
причина,

Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ,
и мнѣній.

ХЛЕСТОВА.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ,
отъ однихъ,

Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ...
какъ бишь ихъ?

Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ
обученій.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій — такъ, кажется,
зовутъ?..

Тамъ упражняются въ расколахъ и
въ безвѣрьи

Профессора! у нихъ учился нашъ

родня

И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку,
въ подмастерья!

Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ
меня!

Чиновъ не хочетъ знать! Онъ хи-
микъ, онъ ботаникъ—

Князь Федоръ, мой племянникъ.

СКАЛОЗУВЪ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ,
школъ, гимназій:

Тамъ будутъ лишь учить по-на-
шему: разъ, два!

А книги сохранять такъ, для боль-
шихъ оказій.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли
зло пресѣчь,—

Забрать все книги бы да сжечь.

ЗАГОРЬЦКІЙ (съ кротостью).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А
если-бъ, между нами,

Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни—
смерть моя!

Насмѣшки вѣчныя надъ львами,
надъ орлами!

Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ раз-
строень,

Такъ все равно, отъ книгъ ли,
отъ питья-ль,

А Чацкаго мнѣ жаль.

По-христіански, такъ онъ жалости
достоинъ;

Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ
сотни три.

Явленіе XXII.

Тѣ же все и Чацкій.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Шшъ!

в с ъ .

Шшъ! (*пятаются отъ него въ
противную сторону*).

х л е с т о в а .

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ
къ раздѣлкѣ.

ф а м у с о в ъ .

О, Господи, помилуй грѣшныхъ
насъ!

(*Опасливо*).

Любезнѣйшій! ты не въ своей
тарелкѣ!
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ.
Ты нездоровъ.

ч а ц к и й .

Да, мочи нѣтъ!.. Мильонъ тер-
заній

Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ
воскликаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустя-
ковъ.

(*Подходитъ къ Софьѣ*).

Душа здѣсь у меня какимъ-то го-
ремъ ската,
И въ многолюдствѣ я потерянъ,
самъ не свой.

Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!

х л е с т о в а .

Москва, вишь, виновата!

ф а м у с о в ъ .

Подальше отъ него! (*Дѣлаетъ знакъ
Софьѣ*).

Гмъ, Софья!—Не глядитъ!

с о ф ѣ я (*Чацкому*).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

ч а ц к и й .

Въ той комнатѣ незначащая
встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая
грудь,

Собралъ вокругъ себя родъ
вѣча,

И сказывалъ, какъ снаряжался
въ путь

Въ Россію, къ варварамъ, со стра-
хомъ и слезами;

Приѣхалъ, и нашель, что ласкамъ
нѣтъ конца,

Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отече-
ствѣ, съ друзьями,—

Своя провинція! Посмотришь, ве-
черкомъ

Онъ чувствуетъ себя здѣсь малень-
кимъ царькомъ!

Такой же толкъ у дамъ, такіе же
наряды...

Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ

Тоска, и оханье, и стонъ:

„Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ
лучше края!“—

Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, пов-
торя

Урокъ, который имъ изъ дѣтства
натверженъ.

Куда дѣваться отъ княженъ!

Я одалъ возсылалъ желанья

Смиранныя, однако вслухъ,

Чтобъ истребилъ Господь нечистый
этотъ духъ

Пустого, рабскаго, слѣпного подра-
жанья;

Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-
нибудь съ душой,

Кто могъ бы словомъ и при-
мѣромъ

Насъ удержать, какъ крѣпкою
вожжей,

Отъ жалкой тошноты по сторонѣ
чужой.

Пускай меня объявятъ старовѣ-
ромъ,

Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во
сто кратъ

Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ
обмѣнъ на новый ладъ,—

И нравы, и языкъ, и старину свягую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образу:

Хвостъ сзади, спереди какой-то
чудный выемъ,

Разсудку вопреки, наперекоръ сти-
хіямъ;

Движенія связаны и не краса лицу.
Смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки!..

Какъ платье, волосы, такъ и умы
коротки!..

Ахъ, если рождены мы все перени-
мать,

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣ-
сколько занять

Премудраго у нихъ незнанья ино-
земцевъ!

Воскреснемъ ли когда отъ чуже-
властьи модъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ на-
родъ

Хотя по языку насъ не считалъ за
нѣмцевъ.

„Какъ европейское поставить въ
параллель

Съ національнымъ — странно
что-то!

Ну, какъ перевести ма дамъ,
мадмуазель?

„Ужли — сударыня?“ — забормоталъ
мнѣ кто-то...

Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся
смѣхъ.

„Сударыня! ха! ха! ха! ха! пре-
красно!“

„Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!“

Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,

Но всѣ оставили меня.

Вотъ случай вамъ со мною, — онъ
не новый.

Москва и Петербургъ во всей Рос-
си то,

Что человекъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ, имѣеть
счастье

Во всѣхъ княжень вселять
участье.

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вы-
чуръ, словъ кудрявыхъ,

Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей

здравыхъ,

И онъ осмѣлится ихъ гласно объ-
являть, —

Глядь...

*(Оглядывается; въ вальсѣ кру-
жатся съ величайшимъ усердіемъ.)*

*Старики разбрелись къ карточнымъ
столамъ).*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Съни въ домъ Фамусова.)

Явленіе IV.

ЧАЦКІЙ, РЕПЕТИЛОВЪ *вбѣ-
гаетъ съ крыльца; при самомъ вхо-
дѣ падаетъ со всплѣхъ ногъ и посты-
но оправляется.*

РЕПЕТИЛОВЪ.

Тьфу, оплошал!.. Ахъ, мой
Создатель!

Дай протереть глаза... Откудава,
пріятель?..

Сердечный другъ! любезный
другъ! mon cher!

Вотъ фарсы мнѣ какъ часто бы-
ли пѣты,

Что пустомеля я, что глупъ, что
суевѣръ,

Что у меня на все предчувствія,
примѣты.

Сейчасъ... растолковать про-
шу, —

Какъ будто зналъ, сюда спѣ-
шу —

Хвать, объ порогъ задѣлъ но-
гою,

И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,

Что Репетилловъ вретъ, что Репе-
тиловъ просто,

А у меня къ тебѣ влеченье, родъ
недуга,

Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,

Что въ мірѣ не найдешь себѣ та-
кого друга,

Такого вѣрнаго, ей-ей;
Пускай лишусь жены, дѣ-
тей,

Оставленъ буду цѣлымъ свѣ-
томъ,

Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня—естественное
дѣло:
Съ другими я и такъ и
сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я
дуракъ!..

ЧАЦКІЙ.

Вотъ страшное уничиженіе!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Ругай меня; я самъ клянусь свое
рожденіе,
Когда подумаю, какъ время уби-
валъ.
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Когда явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю
ночь до бѣлы дня
Въ приличьяхъ скованы, не вы-
рвемся изъ ига!
Читалъ ли ты?.. есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ? задача для ме-
ня.

Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ,—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ
или баломъ!
Объ дѣтияхъ забывалъ! обманывалъ
жену!
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку
взять указомъ!
Танцовщицу держалъ, и не
одну—

Трехъ разомъ!

Пилъ мертвую! не спалъ ночей по
девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть,
вѣру...

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же
мѣру.
Есть отчего въ отчаяніе придти.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня; теперь съ людъ-
ми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщю
напролетъ.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что, ночь одна не въ
счетъ!

За то спроси, гдѣ былъ.

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ испо-
вѣдъ начать,—
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуйста, молчи,—я слово даль
молчать...
У насъ есть общество, и тайныя
собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій
союзъ...

ЧАЦКІЙ

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ? Въ клубъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ,
и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя бе-
реть:
Вслухъ, громко говоримъ,—никто
не разберетъ.
Я самъ, какъ схватится о каме-
рахъ, присяжныхъ,

О Байронѣ, ну, о матеряхъ
важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая
губъ;
Мнѣ не подѣ силу, братъ; я чув-
ствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя не-
доставало.
Послушай, миленькій, потѣши меня
хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на
ходу.

Съ какими я тебя сведу
людьми! Ужъ на меня нисколько
не похожи.
Что за люди, mon cher! Сохъ ум-
ной молодежи.

чацкѣй.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я
поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? Домой!—
я спать хочу.

репетитовъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну,
полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшителъ-
ные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ—подумаешь, что сотни
голосовъ!..

чацкѣй.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столь-
ко?

репетитовъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

чацкѣй.

Шумите вы—и только?

репетитовъ.

Не мѣсто объяснять теперь и не-
досугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣ-
ло,—

Нельзя же вдругъ...

Что за люди, mon cher! безъ даль-
нихъ и исторій
Скажу тебѣ; во-первыхъ, князь
Григорій,

Чудакъ единственный! насъ со
смѣху морить!
Вѣкъ съ англичанами, вся англій-
ская складка
И такъ же онъ сквозь зубы го-
ворить,
И такъ же коротко обстриженъ
для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься
съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ?
О, диво!

Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„А нонъ ла-шьяръ ми, но-но-
но!“

Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боренька—чудесные ре-
бята!
Объ нихъ не знаешь что ска-
зать.
Но если генія прикажете на-
звать,—
Удушьевъ Ипполитъ Марке-
льчъ!

Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть
мелочь?

Прочти, братецъ! Да онъ не пи-
шетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы съчъ-то
И приговаривать: писать, писать,
писать!
Въ журналахъ можешь ты однако
отыскать

Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣ-
что.

Объ чемъ бишь Нѣ что!—обо
всемъ,
Все знаетъ; мы его на черный
день пасемъ,
Но голова у насъ, какой въ Россіи
нѣту,
Не надо называть, узнаешь по
портрету:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вер-
нулся алеутомъ

И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человекъ не можетъ
быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой
говорить,

Какимъ-то демономъ вну-
шаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ ры-
даемъ.
Вотъ люди, есть ли имъ подобные?
Наврядъ.
Ну, между ними я, конечно, за-
урядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ, —
подумать ужась!
Однако-жь я, когда умишкомъ
понатужусь,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ калам-
буръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же под-
цѣпять:
И вшестеромъ, глядь, водевиль-
чикъ слѣпять:
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо—
любо!
Способностями Богъ меня не награ-
дилъ,
Даль сердце доброе,—вотъ чѣмъ я
людямъ милъ.
Совру—простятъ...

Явленіе XII.

чацкѣй *за колонною*, лиза, молча-
линь *потягивается и зываетъ*, софья
кратется сверху.

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень! сударь, ледь!

МОЛЧАЛИНЬ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

ЛИЗА.

Отъ барышни-съ.

МОЛЧАЛИНЬ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ печкахъ, въ
этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на
посылкахъ?

ЛИЗА.

А вамъ, искателямъ невѣсть,
Не нѣжится и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

МОЛЧАЛИНЬ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

ЛИЗА.

А съ барышней?

МОЛЧАЛИНЬ.

Поди!

Надежды много впереди, —
Безъ свадьбы время проволо-
чимъ.

ЛИЗА.

Что вы, сударь! да мы кого-жь
Себѣ въ мужья другого про-
чимъ?

МОЛЧАЛИНЬ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ
дрожь,

И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аванасичъ разъ

Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что...
открыть ли душу?

Я въ Софѣ Павловнѣ не вижу ни-
чего

Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ про-
жить богато.

Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбить, какъ его.

Мой ангельчикъ, желалъ бы въ
половину

Къ ней то же чувствовать, что
чувствую къ тебѣ;

Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а сви-
жусь — и простыну.

СОФЬЯ (*въ сторону*).

Какія низости!

чацкѣй (*за колонною*).

Подлецъ!

ЛИЗА.

И вамъ не совѣстно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ завѣщаль отецъ:
 Во-первыхъ, угождать всѣмъ лю-
 димъ безъ изытѣя—
 Хозяину, гдѣ доведется жить,
 Начальнику, съ кѣмъ буду я слу-
 жить,
 Слугѣ его, который чиститъ
 платье,
 Швейцару, дворнику, для избѣ-
 жанья зла,
 Собакѣ дворника, чтобъ ласкова
 была.

ЛИЗА.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

МОЛЧАЛИНЪ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
 Въ удобность дочери такого чело-
 вѣка...

ЛИЗА.

Который кормитъ и поитъ,
 А иногда и чиномъ награждаетъ?
 Пойдемте же, довольно толковали.

МОЛЧАЛИНЪ.

Пойдемъ любовь дѣлать печальной
 нашей крали.
 Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.
 (Лиза не дается).

Зачѣмъ она не ты?
 (Хочетъ идти, Софья не пускаетъ).

СОФЬЯ почти шопотомъ; вся сцена
 втомолоса).

Нейдите далѣе! Наслушалась я
 много...
 Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнь
 стыжусь!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ!.. Софья Павловна!

СОФЬЯ.

Ни слова, ради Бога!
 Молчите,—я на все рѣшусь!

МОЛЧАЛИНЪ.

(Бросается на колѣна. Софья от-
 такиваетъ).

Ахъ, вспомните!.. не гнѣвайтесь,
 взгляньте!..

СОФЬЯ.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
 Воспоминанія!.. какъ острый ножъ
 онѣ...

МОЛЧАЛИНЪ (ползаетъ у ногъ ея).

Помилуйте...

СОФЬЯ.

Не подличайте, встаньте!
 Отвѣта не хочу, — я знаю вашъ
 отвѣтъ:

Солжете...

МОЛЧАЛИНЪ.

Сдѣлайте мнѣ милость!..

СОФЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Шутиль, и не сказалъ я ничего
 окомѣ...

СОФЬЯ.

Отстаньте, говорю; сейчасъ
 Я крикомъ разбуджу всѣхъ въ
 домѣ

И погублю себя и васъ!

(Молчалинъ встаетъ).

Я съ этихъ поръ васъ будто не
 знавала.

Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
 Не смѣйте ожидать,—не стойте вы
 ихъ;

Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ
 не застала,

Чтобъ никогда объ васъ я больше
 не слыхала!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ вы прикажете.

СОФЬЯ.

Иначе расскажу
 Всю правду батюшкѣ съ досады.
 Вы знаете, что я собой не до-
 рожу.

Подите... Стойте!.. будьте
 рады,

Что, при свиданіяхъ со мной въ
ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во
правѣ,

Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ,
и въ явѣ.

Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ
кривизны души.

Сама довольна тѣмъ, что ночью все
узнала:

Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ
глазахъ,

Какъ давеча, когда я въ обморокъ
упала,—

Здѣсь Чацкій былъ...

чацкій (бросается между ними).

Онъ здѣсь, притворщица!

лиза и софья.

Ахъ! Ахъ!

(Лиза свѣчку роляетъ съ испугу;
Молчалинъ скрывается къ себѣ въ
комнату).

Явленіе XIII.

тѣ же, *кромя* молчалина.

чацкій.

Скорѣе въ обморокъ!—теперь оно
въ порядкѣ:

Важнѣе давешней причина есть тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе за-
гадкѣ!

Вотъ я пожертвованъ кому!

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшен-
ство умѣрилъ!

Глядѣлъ и видѣлъ—и не вѣ-
рилъ!

А милый, для кого забыть

И прежній другъ, и женскій
страхъ и стыдъ,

За двери прячется, боится быть въ
отвѣтѣ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой гонительница,
бичъ!—

Молчалины блаженствуютъ на свѣ-
тѣ!

софья (вся въ слезахъ).

Не продолжайте; я виною себя кру-
гомъ!..

Но кто-бы думать могъ, чтобъ былъ
онъ такъ коварень!

лиза.

Стуль! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда
бѣжигъ весь домъ!

Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благо-
дарень!

Явленіе XIV.

чацкій, софья, лиза, фамусовъ,
тогда слугъ со свѣчами.

фамусовъ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!

Гдѣ домовые? Ба! знакомыя всѣ
лица!

Дочь!.. Софья Павлова!.. Срам-
ница!

Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни
дать, ни взять она,

Какъ мать ея, покойница жена.
Бывало, я съ дражайшей по-

ловиной

Чуть врознь— ужъ гдѣ-нибудь
съ мужчиной!

Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ те-
бя прелестилъ?

Сама его безумнымъ называла!

Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота
напала!

Все это заговоръ и въ заговорѣ
былъ

Онъ самъ и гости всѣ. За что я
такъ наказанъ...

чацкій (Софья).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще
обязанъ?

фамусовъ.

Братъ, не финти! не дамъ я въ
обманъ!

Хоть подеритесь—не повѣрю.

Ты, Филька! ты прямой чур-
банъ!

Въ швейцары произвелъ лѣнливую
тетерю!

Не знаетъ ни про что, не чувствуетъ
ничего!..

Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?

И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты
не дослышалъ?

Въ работу васъ! на поселенье
васъ!

За грошъ меня продать готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ
проказъ!

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды
и обновы!

Тамъ выучилась ты любовниковъ
сводить!

Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за пти-
цами ходить!

Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не
оставлю:

Еще дня два терпѣнья возьми,—
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить
тебѣ съ людьми;

Подальше отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ
глушь, въ Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,
За пальцами сидѣть, за свѣтцами
звѣвать.

А васъ, сударь, прошу я тол-
комъ

Туда не жаловать ни прямо, ни
проселкомъ;

И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ
заперта!

Я постараюсь, въ набатъ я приуда-
рю,

По городу всему надѣлаю хло-
потъ

И оглашу во весь народъ;

Въ сенатъ подамъ, министрамъ,
государю...

чацкій *(письмо нѣкотораго
молчанія)*.

Не образумлюсь... Виновать!

И слушаю—не понимаю!

Какъ будто все еще мнѣ объяснить
хотятъ...

Растерянъ мыслями... чего-то ожи-
даю...

(Съ жаромъ).

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду
всѣхъ трудовъ?

Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!..
вотъ счастье, думалъ, близко!

Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно
и такъ низко

Былъ расточитель пѣжныхъ
словъ!

А вы! о, Боже мой! кого себѣ из-
брали?

Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли!

Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ
смѣхъ,

Что память даже вамъ постила
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, дви-
женій сердца тѣхъ,

Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ и ими жилъ, былъ занятъ
безпрерывно!

Сказали бы, что вамъ везапный
мой приѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки—
все противно:

Я съ вами тотчасъ бы сношенія
пресѣкъ

И передъ тѣмъ, какъ навсегда раз-
статься,

Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный чело-
вѣкъ...

(Насмѣшливо).

Вы помиритеся съ нимъ по размы-
шленьи зрѣломъ:

Себя крушить, и для чего?

Подумайте, всегда вы можете его
Веречь, и целенать, и посылать за
дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ
женинныхъ напей—

Высокій идеаль московскихъ всѣхъ
мужей.

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ
разрывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные
къ чинамъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣдѣнны
счастливымъ.

Я сватаньемъ моимъ не угрожаю
вамъ.

Другой найдется благонаправный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тѣсто равный.
Такъ! отрезвился я сполна,

Мечтанья съ глазъ долой, и спала
 пелена!
 Теперь не худо-бъ было сряду
 На дочь и на отца,
 И на любовника глупца,
 И на весь міръ излить всю желчь
 и всю досаду.
 Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула
 судьба?
 Всѣ гонять! всѣ клянуть! мучите-
 лей толпа,
 Въ любви предателей, въ враждѣ
 неутомимыхъ,
 Разсказчиковъ неукротимыхъ,
 Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ
 простяковъ,
 Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
 Дряхлѣющихъ надъ выдумками,
 вздоромъ!
 Безумнымъ вы меня прославили
 всѣмъ хоромъ, —
 Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ
 невредимъ,
 Кто съ вами день пробить
 успѣтъ,
 Подышитъ воздухомъ однимъ,
 И въ комъ рассудокъ уцѣлѣтъ.

Вонъ изъ Москвы! сюда я больше
 не ѣздохъ.
 Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по
 свѣту,
 Гдѣ оскорбленному есть чувству
 уголокъ!
 Карету мнѣ, карету!
 (*Уѣзжаетъ*).

Явленіе XV.

Тѣ же, *кромя* Чацкаго.

Фамусовъ (*долое время
стоитъ въ столбеннѣи*).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ
 ума сошелъ?
 Скажи серьезно!
 Безумный! что онъ тутъ за чепуху
 молоть!
 Низкопоклонникъ! тестъ и про
 Москву такъ грозно!
 А ты меня рѣшила съ уморить!
 Моя судьба еще ли не плачевна!
 Ахъ, Боже мой, что станеть го-
 ворить
 Княгиня Марья Алексѣвна!

Н а р ѣ ж н ы й.

изъ романа: «Бурсакъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БУРСА.

Блаженной памяти отецъ мой, дьячокъ Варухъ, Переяславскаго полка, въ селѣ Хлопотахъ, былъ великій мудрецъ въ наукахъ читать, писать и распѣвать на клиросѣ. Онъ такъ былъ громогласенъ, что когда въ часы веселья взлѣзетъ бывало на колокольню и завопитъ, то ревъ его былъ слышнѣе, чѣмъ звонъ главнаго колокола, и это звонарю крайне досадно было.

Какъ у Варуха, кромѣ меня, дѣтей не было, то онъ, презрѣвъ тогдашній обычай, чтобы не заставлять учить ничему дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста, принялся за меня по простествіи шести лѣтъ съ такою ревностью, что въ двѣнадцать я уже читалъ и писалъ не хуже его и пѣлъ на клиросѣ на всѣ восемь гласовъ. Слава моя не мало утѣшала отца; но къ чести его скажу, что онъ симъ не ограничился и захотѣлъ сдѣлать меня, по словамъ его, настоящимъ человѣкомъ.

Онъ имѣлъ друга въ келейникѣ ректора переяславской семинаріи, и посему, запасшись рекомендательнымъ письмомъ отъ богатаго пана, прожи-

вающаго въ Хлопотахъ, къ сей высокой духовной особѣ, отправился со мной въ городъ, отстоящій отъ села верстъ на десять. Лѣто было въ половинѣ и день ясный.

— Неонть!—сказалъ дорогою Варухъ,—когда ты будешь столько счастливъ, что позволять тебѣ учиться въ семинари, то, смотри, не лѣнись, и Богъ тебѣ поможетъ. Тамъ-то будешь имѣть случай набратъ всякой мудрости, о коей нашему брату и подумать страшно. Отличась въ наукахъ, ты можешь надѣяться—велика власть Господня! — надѣяться быть со временемъ въ какомъ-нибудь селѣ діакономъ! Посуди, какая честь, какая веселая жизнь!

Разсуждая такимъ образомъ, добрели мы до города, и я разинулъ ротъ отъ удивленія. Какія церкви, какіе дома, какіе сады и огороды! Проходя улицы, я поминутно дергалъ отца за полу, спрашивая „это что?“ Онъ молча продолжалъ путь, съ великою важностью, какъ будто ничто его не трогало. Это былъ субботній день, и народъ расходился отъ вечерень. Какое множество людей обоихъ половъ! какое великолѣпіе въ нарядахъ!

Подошедъ къ одной церкви, отецъ мой постучался у воротъ маленькаго домика.

— Это жилище хорошаго моего пріятели, дьячка же, Варула, гдѣ мы переночуемъ и посоветуемся о нашемъ дѣлѣ.

Въ сіе время вышелъ къ намъ низенькій, толстый человѣкъ объ одномъ глазѣ. Онъ тотчасъ узналъ отца моего, оскалилъ зубы, поздоровался, ввелъ насъ въ свѣтелку и усадилъ на лавкѣ.

Когда Варуль подробно узналъ намѣреніе Варухово относительно меня, то объявилъ, что оно очень не худо само по себѣ, но весьма худо потому, что вручить рекомендательное письмо отцу-ректору очень трудно.

— А келейникъ его высокопреподобія, всечестный Паисій, что такое?—вскричалъ отецъ мой.

— Ты, видно, давно съ нимъ не видался,—отвѣчалъ Варухъ,—теперь и всечестный Паисій, какъ и всѣ другіе, взялся за умъ, и кто приходитъ къ нему съ пустыми руками, для того и ректоръ не видитъ и не слышитъ.

— Подлинно, что худо,—сказалъ Варухъ, понизя голосъ и почесавши въ затылкѣ,—я и не зналъ, что старинный другъ мой такъ перемѣнился; правду, однако, сказать, что и мы, хотя также всечестные люди, а даромъ ни для кого и рта не разинемъ. Любезный другъ Варуль! ссуди мнѣ рубль денегъ, такъ я поднесу его другу Паисію.

Варуль, въ свою очередь, задумался и также почесалъ въ затылкѣ. Наконецъ, глазъ его просвѣтлѣлъ, онъ протянулъ къ отцу моему руку и сказалъ:

— Изволь, другъ Варухъ, ссужу тебя деньгами; но я кое-что выдумалъ и надѣюсь, что тебѣ это будетъ непротивно. Возьми половину сихъ денегъ, ступай къ знакомой тебѣ шинкаркѣ Мастриди и купи добрую мѣру полпѣннику, да другую вишневки; я же побѣгу къ Паисію и приглашу его на ужинъ. На такіе зовы онъ не причудливъ и отказываться не охотникъ. Дорогою искуплю я на другую половину пару куръ, утку и гуся. Тутъ-то поговоримъ мы съ Паисіемъ о нашемъ дѣлѣ и, надѣюсь, не безъ успѣха;

а мы съ тобою будемъ имѣть тотъ барышъ, что и сами поѣдимъ и поѣдемъ по-дьячковски.

Не для чего пространно разсказывать о пирушкѣ, происходившей въ домѣ Варула; за полными чарками заключенъ союзъ, цѣлью коего было опредѣленіе дьячковскаго сына Неона въ семинарію. Къ концу сего ночного праздника восторженные друзья, обнимаясь между собою и обнимая меня, поздравляли съ поповскимъ саномъ. На другой день отецъ Варухъ съ своимъ сыномъ представлени ректору, приняты благосклонно, и Неонъ получилъ дозволеніе набираться мудрости въ семинаріи и жить въ тамошней бурсѣ.

Есть многіе сельскіе и иногородные отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и пищу. Чтобы и таковымъ доставить посильные способы къ образованію, то, помощью вкладовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками; на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники — бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, неся величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальный Римъ былъ не что иное, какъ бурса.

Варухъ и Варуль ввели меня торжественно въ сей вертепъ премудрости и отрекомендовали консулу и будущимъ совонителямъ; а чтобъ я милостивѣе былъ принять, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снабдя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ и благословія гривною денегъ, сказалъ:

— Неонъ! не печалься, другъ мой! Я оставлю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чти старшихъ и слушайся, не лги и не крадь, — тогда ты угоденъ будешь и Богу, и людямъ. Учись прилежно, когда хочешь быть благополученъ. Каждый мѣсяцъ ты меня увидишь, или по крайней мѣрѣ обо мнѣ услышишь. Другъ мой Варуль не оставитъ тебя своею милостью. Прощай.

Обнявъ меня, оба друга удалились. Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами, когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище. Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазаннаго изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали сіе зданіе. Впереди имѣло оно обширный пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ, однако торчало на ономъ съ десятокъ полуусохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю, въ коемъ помѣщена и семинарія; лѣвая съ чѣмъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

Осмотрѣвъ сіе плѣнительное мѣсто, я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ

углу на лавкѣ, на своемъ ложѣ. Консуль—это былъ высокій, дородный, смуглый мужчина съ большими черными усами—лежалъ на лавкѣ, на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей, кои все были гораздо возрастиѣе меня, человекъ съ четыре уже посланы для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты были различнымъ образомъ. Иной базиль ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой брянчалъ на балалайкѣ, подъ звукъ коей человекъ два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ; словомъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, при всемъ томъ одинъ другому не мѣшая.

Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принеши съ собою полбарана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консуль сейчасъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ и, похваля напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны, куда и я, по данному знаку, вмѣстѣ со всеми ему послѣдовалъ. Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разѣкли баранину на куски по числу братіи и начали стряпню. Между тѣмъ консуль, отдѣлившись съ шестью товарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою, не забывая своихъ собесѣдниковъ; прочіе, позади коихъ былъ и я, разлегшись на травѣ, точили балы, рассказывали сказки и присказки и производили самыя чудныя тѣлодвиженія. Видя, что консуль не дѣлалъ ихъ участниками въ осушиваніи баклагы, я у сосѣда своего спросилъ тому причину.

— Мы еще не имѣемъ на то права,—отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ,—ибо мы все только этимологи, поэты и риторы, и оттого-то не смѣемъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, пить вино, курить табакъ и тратить усы. А какъ консуль Далмать и его товарищи все философы, то они на сіи преимущества имѣютъ всякое законное право.

Не понимая, что значать сіи неслыханныя мною слова, я замолчалъ и продолжалъ внимательно смотрѣть и слушать. Каша поспѣла, и котель поставленъ на лужайкѣ. Консуль съ своими товарищами сѣли около него, а прочіе составили второй кругъ; всякій вытащилъ изъ кармана длинную ложку и началъ упражнять свои челюсти, сколько было силы. Хотя отецъ мой и забылъ снабдить меня ложкою, но консуль приказалъ младшему изъ бурсаковъ дѣлиться со мною своею. Котель опорожненъ; все удалились въ бурсу и легли на лавкахъ. Я также растянулся на своемъ мѣшкѣ и скоро уснулъ крѣпко.

На слѣдующее утро консуль, сопровождаемый своими подчиненными, отправился въ семинарію и представилъ меня префекту. Это былъ преважный протопонъ и составлялъ второе лицо послѣ ректора. Меня отвели въ надлежащій классъ, гдѣ и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менѣе нежели въ часъ прозорливый учитель, католическій монахъ, догадался, что я церковныя книги читалъ столько же проворно и внятно, какъ стихарный дьячекъ, а посему дальнѣйшее въ семъ упражненіе признано излишнимъ, а совѣтовали мнѣ всеми силами налечь на изученіе языковъ латинскаго и польскаго. Передъ полуднемъ раздался на дворѣ

семинарскомъ звонъ колокола; учитель и ученики поднялись съ мѣсть, и первый далъ мнѣ знакъ приблизиться къ нему и протянуть обѣ руки, распрямля ладони. Я исполнилъ, и наставникъ съ улыбкою удовольствія влѣпилъ въ каждую ладонь по полудюжинѣ рѣзкихъ ударовъ деревянною лопаткою. Послѣ сего пропѣта торжественно молитва, и всякій пошелъ домой, а я въ бурсу. Дорогою нагналъ меня одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Касторъ, которому со слезами разсказалъ я о наказаніи, невинно полученномъ отъ учителя.

— Другъ мой,—сказалъ онъ засмѣявшись,—ты еще новъ и неопытенъ. Дюжина добрыхъ ударовъ, тобою полученныхъ, совсѣмъ не есть знакъ учительскаго гнѣва, а, напротивъ, доказательство особеннаго благоволенія. Здѣсь теперь такое заведеніе, чтобы всякаго ученика, вступающаго въ сей храмъ мудрости, приучать къ кротости и терпѣнію. Хотя обыкновеніе сіе почти ни одному новичку не нравится, но къ нему привыкаютъ, а особливо, зная, что количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть скорѣе дьякономъ, или и попомъ.

— Но,—говорилъ я, подумавши,—отецъ мой сказывалъ, что въ семинаріи обучается много дворянскихъ и купеческихъ сыновей, которые никогда не думаютъ быть ни дьяконами, ни попами.

— О,—сказалъ товарищъ,—на таковыхъ наше начальство не обращаетъ никакого вниманія. Впрочемъ, замѣть, Неонъ,—я по дружбѣ тебѣ это открою,—если ты будешь терпѣливъ, послушенъ и совершенно преданъ волѣ учителя, то испытаніе сіе продлится недолго; въ противномъ случаѣ оно будетъ безконечно, и ты въ тридцать лѣтъ будешь не что другое, какъ сельскій дьячекъ, сколько бы ученъ ни былъ. Обладая же помянутыми мною добродѣтелями, ты скоро получишь выгодное мѣсто.

Разговаривая такимъ образомъ, вступили мы въ бурсу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СПОСОБЫ КЪ СОДЕРЖАНІЮ.

Привыкнуши у отца никогда желудокъ не доводить до ропота, я крайне запечалился, не видя и слѣда обѣда; но вспомня, что у меня въ карманѣ цѣлая гривна, я тотчасъ сдѣлалъ планъ къ удовлетворенію алчбы и, вышедъ изъ бурсы, опрометью бросился къ площади, граничащей съ семинаріею, гдѣ поутру еще мелькомъ замѣтилъ множество торговыхъ съ хлѣбомъ разнаго званія. Я купилъ за цѣлую копѣйку большую булку и принялся насыщать себя съ великимъ удовольствіемъ; еще добрый ломоть оставался въ рукѣ моей, когда вступилъ я въ свою обитель. Не мало испугался я, взглянувъ на консула. Онъ ходилъ по сараю большими шагами и, оборотясь ко мнѣ, спросилъ свирѣнымъ голосомъ:

— Гдѣ былъ ты, негодница?

Съ трепетомъ показалъ я остатокъ булки и не могъ промолвить ни одного слова, сколько отъ испуга, столько и отъ того, что ротъ былъ полонъ.

— Понимаю!—вскричалъ онъ,—сей бунтовщикъ, никому не сказавшись,

ходить на рынокъ. Ликторы, сейчасъ нарѣжьте два пука крапивы и накажите виновнаго!

Двое изъ бурсаковъ, которыхъ называли риторами, бросились въ бурьянъ и вмгъ возвратились съ пучками зрѣлой крапивы, двое другихъ кинулись на меня, повалили на полъ и разоблачили, а первые двое начали хлестать весьма исправно. Я кричалъ, какъ отчаянный; но они не прежде выпустили меня изъ рукъ, пока не увидѣли, что крапива измочалилась. Уединясь въ темный уголокъ, я плакалъ неутѣшно. „Если такими средствами,—думалъ я,—приобрѣтается премудрость, столько прославляемая отцомъ моимъ, то пропадай она, негодная. Въ тысячу разъ лучше оставить всю надежду быть когда-либо дьякономъ, чѣмъ безпрестанно пробовать на себѣ дѣйствие лопатокъ учительскихъ или крапивныхъ прутьевъ отъ какихъ-то ликторовъ“.

Быть можетъ, я и надолго остался бы въ такомъ пасмурномъ положеніи, если бы не разсѣялъ меня вошедшій бурсакъ Касторъ, котораго за веселый нравъ полюбилъ я съ перваго раза.

— Что это значитъ, Неонъ,—спросилъ пріятель,—что ты и до сихъ поръ печалишься о бездѣлицѣ? Повѣрь, другъ мой, что такія происшествія не заслуживаютъ вниманія.

Вмѣсто отвѣта я показалъ ему спину.

— Да,—продолжалъ онъ съ важностью,—ты изрядно исписанъ, но это пройдетъ, и не замѣтишь, какъ пройдетъ.

Когда я жаловался, что консулъ во зло употребляетъ возрастъ свой, силу и право пить вино, курить табакъ и носить усы, Касторъ сказалъ мнѣ:

— Напрасно такъ думаешь, пріятель, и видно не знаешь нашихъ постановленій. Послушай же: почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенаторомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целерами или бѣгунами, которые устремляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь—простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено!—Если бы консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ и наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожемъ, обращаетъ въ званіе сенатора. За то и консулъ имѣетъ свои выгоды и преимущества. Именно: если кто провинится изъ насъ, но немного, какъ, на примѣръ, сегодня ты, то онъ одинъ своею властью опредѣляетъ мѣру наказанія; въ случаѣ же вины важной, онъ созываетъ сенатъ и съ нимъ вмѣстѣ разсуждаетъ о дѣлѣ и произноситъ кару. Кромѣ одежды и обуви, у насъ все общее и хранится въ каморкѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула. Главный промыселъ нашъ состоитъ въ пѣніи подъ окнами мірянъ церковныхъ пѣсенъ, или—если кто столько смышленъ—въ проворствѣ рукъ. Мы получаемъ мукою, свинымъ саломъ, птицами, зеленью разнаго рода и отчасти деньгами, которыя обыкновенно переходятъ отъ насъ въ руки шинкар-

ки Мастриди, торгующей вблизи отъ насъ. По симъ основаніямъ самыми злыми преступленіями почитаются у насъ, если кто изобличенъ будетъ въ утайкѣ хотя одной добытой копѣйки, или попадется въ сѣти въ ручномъ промыслѣ“.

Такъ повѣдалъ Касторъ о законахъ сего малаго Рима, какъ приближалъ целеръ съ объявленіемъ, что каша готова.

—Итъ, пойдемъ, Неонъ,—сказалъ Касторъ, вытаскивая изъ кармана ложку.

— Спасибо за ласку,—отвѣчалъ я,—пропадайте вы всѣ и съ кашею; мнѣ ѣсть не хочется!

— Упаси тебя, угодникъ Божій, соименитый тебѣ Неонъ, нейти со мною! Развѣ тебѣ хочется еще разъ быть сѣчену?

— А за что?

— За то, что не хочешь съ нами ѣсть каши; это значило бы противиться уставамъ общества, о чемъ ужасно и помыслить.

Нечего было дѣлать: я участвовалъ въ общей трапезѣ, а послѣ въ купанѣ и отдыхѣ. Но лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольні, какъ и въ бурѣ раздался басистый голосъ консула:

— Ребята, на работу!

Тотчасъ четыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другого. Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другого изъ прочей ватаги, и вмгъ къ каждому мѣшконосцу присоединились по нѣсколько риторовъ, поэтовъ и инфимовъ. Я попалъ подъ команду Сарвила, философа веселаго, но весьма вспыльчиваго, такъ что, кромѣ сенаторовъ, всѣ въ бурѣ его трепетали. Отряды сіи двинулись въ молчаніи, и младшіе шли впереди, за ними старшіе, а ходъ заключался философомъ. Какъ скоро прошли мы свой пустырь, то раздѣлились на четыре части, и каждая небольшая шайка сія пошла по особой улицѣ. Мы шли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію, повертывая голову направо и налево. По приказанію его, мы остановились подъ окнами одного виднаго дома, и онъ, подозвавъ меня, сказалъ:

— Это домъ зажиточнаго купца, поди спроси.

Опрометью устремился я къ воротамъ, отворилъ калитку и вошелъ въ большой дворъ. У самаго входа въ домъ стоялъ большой столъ, за коимъ сидѣли: хозяинъ—судя по платью,—жена его и дѣти, и всѣ полдничали. Снявъ бриль, съ робостію подошелъ я къ столу и тренещущимъ голосомъ сказалъ хозяину:

— Тебя приказано спросить.

— О чемъ и кто?

— Философъ Сарвиль, а о чемъ, не знаю.

Купецъ и жена его улыбнулись, а дѣти захохотали.

— Твой философъ,—сказалъ хозяинъ,—повидимому, не весьма разумный человекъ, что посылаетъ спросить у меня, не сказавши о чемъ. Гдѣ этотъ философъ?

— За воротами!

— Такъ пооди же ты, спроси, чего онъ отъ меня хочетъ?

Я выбѣжалъ на улицу, и на вопросъ, что сказалъ хозяинъ, отвѣчалъ съ потупленными глазами:

— Онъ сказалъ, что ты, повидимому, не весьма разумный человекъ, когда послалъ меня спросить у него, не сказавши о чемъ.

Философъ заскрипѣлъ зубами.

— Ахъ, ты проклятый!—вскричалъ онъ и такую отвѣсилъ мнѣ пощечину, что у меня глаза ушли подъ лобъ, и я опрокинулся на землю.

— Пооди ты, — сказалъ онъ другому бурсаку,—и спроси.

Сей бросился, какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и воззвалъ громогласно; „дозволяется“.

Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ и стали полукругомъ около стола сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила, такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтянули, и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ объялъ меня. Представъ себѣ, кто хочетъ, высокаго чернаго мужчину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами. Трепеща всѣмъ тѣломъ, я вообразилъ: что будетъ со мною, если сей ужасный философъ дастъ другую пощечину? Я погибъ невозвратно!—Тутъ не могъ я удержать слезъ и утиралъ ихъ кулаками.

Концертъ конченъ. Сарвилъ, подойдя къ самымъ хозяевамъ, протянулъ руку и проговорилъ рѣчь, которую кончилъ желаніемъ хозяину и хозяйкѣ съ чадами и домочадцами счастья и многолѣтія. Едва замолкъ онъ, какъ вся ватага воскликнула многія лѣта.

Когда все утихло, то ласковый хозяинъ поднесъ философу большую чарку водки и сунулъ въ руку сколько-то денегъ; по приказанію хозяйки, въ нашъ мѣшокъ высыпана мѣрка гороха, винучена часть свинины и оставшійся отъ полдника большой кусокъ жареной говядины.

Когда философъ низко кланялся хозяевамъ, призывая на домъ ихъ благословеніе Божіе, хозяйка, подозвавъ меня, спросила весьма ласково:

— О чемъ плачешь, мальчикъ?

— О томъ,—отвѣчалъ я, взглянувъ на Сарвила,—что не зналъ, зачѣмъ былъ сюда посланъ.

— Развѣ тебя за это побранили?

— Побили и весьма больно!

— Это нехорошо,—сказала она Сарвилу,—и тебѣ бить такого мальчика даже стыдно.

Послѣ сего она, взявъ со стола небольшой пирогъ, подала мнѣ, сказавъ:

— Поѣшь, голубчикъ, и не плачь.

Мы торжественно отправились на улицу. Въ то мгновеніе, какъ услышалъ я стукъ запертой калитки, къ величайшему удивленію почувствовалъ, что вишу въ воздухѣ на аршинъ отъ земли и верчусь кругомъ; невидимая рука держала меня за пучокъ, и ловкій ударъ поразилъ по макушкѣ. Я поднималъ такой пронзительный вопль, что демонъ, меня истязавшій, опу-

тиль на землю и поставилъ на ноги. Едва я могъ стоять. Вдругъ слышу голосъ:

— Какой ты безсовѣстный студентъ, что такъ мучишь безвиннаго малаго!

Это былъ голосъ ласковаго купца

— Постой,—продолжалъ онъ,—я сейчасъ иду къ ректору и посмотрю, какъ онъ разсудитъ объ этомъ поступкѣ.

Философъ перемѣнился въ лицѣ и стоялъ неподвижно. Хотя для меня и ужасенъ былъ Сарвилъ, и, конечно, не худо было бы, если бы его порядкомъ пощуняли, но имя ректора было для меня еще ужаснѣе. Посему я отведенъ былъ въ бурсу и отданъ консулу, коему объявлено безчеловѣчїе, оказанное мнѣ моимъ полководцемъ. Консулъ обѣщалъ воздать удовлетвореніе и, по выходѣ добраго купца, легъ на свой войлокъ и закурилъ трубку, не говоря мнѣ ни слова и даже не глядя на меня.

По закатѣ солнечномъ, всѣ четыре ватаги наши почти въ одно время возвратились. Кисы ихъ были довольно наполнены, и когда все осмотрѣно и деньги вручены консулу, то онъ отвелъ въ уголь Сарвила и началъ съ нимъ шептаться. По прошествїи малаго времени, консулъ громко произнесъ:

— Не правда ли, братцы, что для перемѣны въ пищѣ не худо было бы на вечеръ сварить кашу тыквенную.

Всѣ одобрили такое предложеніе. Тогда онъ возгласилъ:

— Неонъ, Памфилъ, Епифанъ и Аверкїй залѣзутъ въ ближайшїй огородъ и будутъ рвать тамъ тыквы и что попадется, ибо все устроено на потребу человѣка, а риторы, Максимъ и Лукьянъ, станутъ у забора съ мѣшками для принятїя добычи.

Когда смерклось, то будущіе мои товарищи въ семь ночномъ подвигѣ начали приготавливаться, т.-е. скинули халаты и засучили рукава. Хотя для меня крайне было ново и отвратительно такое художество, но что будешь дѣлать. Я приготовился по ихъ примѣру, и всѣ отправились на мѣсто атаки. Риторы, яко старшіе, назначили каждому изъ насъ мѣсто, гдѣ должно перелѣзть плетяной заборъ, и мы мигомъ очутились на огородѣ.

Случись же, что передо мною простирались гряды съ арбузами, дынями и огурцами. Давненько не случалось мнѣ отвѣдывать плодовъ сихъ, и разсчитавъ, что добычи трехъ моихъ сотрудниковъ достаточно будетъ на всю нашу ученую шайку, я, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ забора, сѣвши на грядѣ, началъ насыщаться огурцами, предположивъ, по окончанїи сей первой потребности, сорвать пару хорошихъ арбузовъ и дынь и предаться съ ними бѣгу. Когда огурцы уже болѣе не шли мнѣ въ горло, то я, оторвавъ по преднамѣренїю по парѣ арбузовъ и дынь, хотѣлъ встать; но не тутъ-то было: нога моя была прикована къ землѣ. Ужасъ объялъ меня, и я испустилъ рѣзкій вопль. Товарищи мои, какъ прахъ, разсѣялись, и изъ борозды, подлѣ самыхъ ногъ моихъ, поднялся преужасный мужчина съ страшными усами. Я оцѣпенѣлъ и сидѣлъ на грядѣ неподвижно.

— Какъ осмѣлился ты,—спросилъ онъ грозно,—молодой мошенникъ, залѣзть въ огородъ сей и дѣлать въ немъ такое опустошеніе? Кто ты?

Придя понемногу въ чувство, я всталъ, поклонился ему въ ноги и рассказалъ всё похождения, случившіяся въ сей несчастный день до настоящей минуты.

— О, проклятыя бурсаки!—вскричалъ онъ,—вы для огорода моего гибельныя, чѣмъ воробы и грачи для вишневаго саду! Но мнѣ тебя жаль! Ты еще молодъ, можетъ быть, рожденъ съ честными склонностями, а попавшись въ скопище воровъ и мошенниковъ, рано или поздно, непременно сдѣлаешься изряднымъ плутомъ. Хотя я тебя и прощу, но все товарищи приколотятъ тебя до полусмерти. Постой! я нашель средство избавить тебя отъ бѣды; но только дай мнѣ слово никогда не посѣщать моего огорода. Когда захочешь полакомиться арбузомъ, или дынею, приходи явно въ домъ мой—вотъ въ концѣ огорода—и попроси; никогда не откажу. Если же еще поймаю на воровствѣ, то преболно высѣку, а въ бурсѣ и того болѣе тебѣ достанется. Поди, перелѣзь черезъ заборъ и жди меня, а я сорванные тобою арбузы и дыни передамъ тебѣ. Когда тебя спросятъ о причинѣ произнесеннаго вопля, то скажи, что въ ногѣ сдѣлалась судорога, и ты, не могши встать, боялся быть пойманъ. Ступай съ Богомъ! помни, имя мое Діомидъ, по прозванію Король.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Когда я подошелъ къ берегу рѣки, то при свѣтѣ разложеннаго огня увидѣлъ полный сенатъ, собранный для моего сужденія. Примѣтивъ меня, всё подняли смѣшанный вопль; но когда я подошелъ къ огню ближе и консулъ усмотрѣлъ мою добычу, то радостно вскрикнулъ и спросилъ:

— Какимъ чудомъ вырвался ты изъ рукъ лукаваго хозяина?

— Я никогда и пойманъ не былъ!

— Отчего же такъ горестно возопилъ, что всё товарищи твои разбѣжались?

— Вольно имъ было разбѣжаться; а я вскрикнулъ отъ внезапной боли въ ногѣ, въ коей оказались судороги. По окончаніи оныхъ, я всталъ съ своею добычею и счастливо переправился черезъ заборъ. Я принесъ бы всякой всячины гораздо больше, но не въ чемъ было, а въ пазухѣ и въ рукахъ никакъ нельзя болѣе.

— Вѣрю,—отвѣчалъ ласково консулъ,—но и сего довольно. Впередъ только будь осторожнѣе и пустяками не пугай товарищей.

Послѣ ужина всё улеглись; но происшествія дня сего были для меня такъ диковинны, что голова кружилась, и я не могъ заснуть гораздо за полночь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

н е у д а ч и.

На другой день явился я въ классъ. Помня вчерашніе Кастановы рассказы, что здѣсь бьютъ по рукамъ лопатками за излишнее вниманіе и прилежность, я рѣшился избѣжать сей лестной награды и началъ безпрестанно вертѣться на скамейкѣ, толкать товарищей, безъ всякой нужды кашлять,

чихать и дѣлать всякія непотребства. Учитель только смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Когда урочное время прошло, то онъ попрежнему подозвалъ меня къ себѣ, велѣлъ протянуть руки и разнять ладони; послѣ чего влѣпилъ въ каждую по дюжинѣ уже ударовъ лопаткою. По пропѣтіи молитвы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

— Что за диковинная вещь,—говорилъ я со слезами, потирая горящія ладони,—за прилежаніе бьютъ и за лѣность бьютъ! Видно, товарищъ мой Касторъ самъ ничего не знаетъ. Нечего уже у него болѣе и спрашивать, кромѣ развѣ объ уставахъ бурсы!

Точно такъ прошли остальные три дня въ недѣлѣ; но какъ я—сколько малолѣтенъ ни былъ—догадался, что если уже необходимо должно быть биту, то пусть лучше бьютъ за прилежаніе и успѣхи, нежели за лѣность и невѣжество: „почему знать,—думалъ,—можетъ быть, за это скоро удостоенъ буду въ діаконы!“

На семь основаній я сдѣлался столько прилеженъ, внимателенъ, рачителенъ ко всему, преподаваемому въ классѣ, что не могъ бы увеличить сихъ качествъ, хотя бы отбили лопатками обѣ руки по самыя локти; но, къ великому моему удивленію и горести, удары каждый день увеличивались, такъ что къ субботѣ ладони мои распухли, какъ подушки. Въ сей роковой день, по окончаніи класснаго ученія, двое сторожей внесли скамейку и поставили по срединѣ комнаты, другіе двое явились съ пучками лозъ. По мановенію наставника, они схватили меня, разложили на скамьѣ и начали оказывать удалство свое.

Нѣтъ! это уже не крапивные удары въ бурсѣ!

Разумѣется, что я вопіялъ, сколько силъ доставало, призывалъ всѣхъ святыхъ во свидѣтели своей неповинности,—тщетно: удары сыпались градомъ, и вскорѣ я не могъ уже кричать. Истязаніе прекращено; я снятъ со скамьи и, одѣтый, подведенъ къ наставнику; но какъ не могъ держаться на ногахъ, то два сторожа меня поддерживали. По данному знаку всѣ школьники удалились, и тогда учитель взглянулъ на меня съ милостивою улыбкою, произнеся:

— Я тобою весьма доволенъ, Неонъ Хлопотинскій! Ты учился весьма прилежно, велъ себя скромно, и въ теченіе всей седмицы доказалъ примѣрное терпѣніе и послушаніе,—добродѣтели, необходимыя для всякаго чловѣка, грядущаго въ міръ, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе. Сей день есть послѣдній день твоего испытанія. Продолжай учиться съ возможнымъ раченіемъ, веди себя скромно и честно, повинуйся установленнымъ надъ тобою властямъ, и ты будешь счастливъ. Я уже наказалъ твоему консулу, чтобы онъ имѣлъ особенное за тобою наблюденіе. Вотъ тебѣ злотый*). Употреби его на сродныя лѣтамъ твоимъ лакомства. Я буду имѣть особенное къ счастью твоему вниманіе. Прощай и иди съ миромъ!

Я поцѣловалъ руку сего пастыря, всталъ, вышелъ и въ одинъ мигъ выбѣжалъ за монастырскія ворота. Вертясь на незабвенной скамейкѣ, я

*) 20 копѣекъ серебромъ, польская монета.

думалъ, что не скоро въ силахъ буду и ползать, а теперь сдѣлался столь твердъ на ногахъ и крѣпокъ во всемъ тѣлѣ, что могъ сказать, какъ же-ребенокъ. На рынкѣ купилъ я двѣ булки, одну для себя, а другую для Кастора, ибо въ продолженіе цѣлой недѣли онъ болѣе всѣхъ оказывалъ мнѣ доброхотства.

Съ сего самаго времени консулъ Далмать и сенаторы обходились со мною милостивѣе противу прежняго. Ученіе, отдыхи, пѣніе по дворамъ и подъ окнами—все шло наилучшимъ образомъ. Когда моимъ начальникамъ приходило въ голову полакомиться арбузами или дынями съ огорода нашего сосѣда и я назначаю былъ въ числѣ прочихъ рыцарей къ сему завоеванію, то всегда отговаривался неудачею первой попытки, происшедшей отъ судорогъ въ ногахъ. Казалось, они довольны были моими причинами. Однако же, помня благодареніе, оказанное мнѣ Діомидомъ, я жалѣлъ объ убиткахъ, какіе причиняли ему мои товарищи, и рѣшился быть благодарнымъ.

[По окончаніи бурсъ Неонъ отправился служить къ двору гетмана].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЕТМАНЪ И ДВОРЬ ЕГО.

Попутру всѣ въ домѣ занялись дѣлами: Ермилъ поѣхалъ на базаръ съ возомъ садовыхъ плодовъ и огородныхъ овощей; Король скрылся, не сказавъ, куда и зачѣмъ; Глафира начала стрипать, а я съ Мукономъ и Неонилла съ Анною отправились за разными покупками; въ полдень всѣ собрались вмѣстѣ. Въ привезенный мною шкапъ уложены платья; въ небольшомъ ларчикѣ спрятаны деньги и дорогія вещи; въ особенномъ сундучкѣ находились женины снадобья, какъ-то: нитки, шелки, иголки и проч.; словомъ, мы спальню свою убрали такъ, какъ прилично семейнымъ людямъ. Вечернее время проведено въ саду вмѣстѣ съ хозяевами, изъ коихъ каждое лицо, не исключая и четырехлѣтняго сына Муконова, старалось намъ услуживать, сколько было силъ у каждаго. Послѣ ужина Король сказалъ:

— Черезъ два дня, въ наступающее воскресенье, ты увидишь, Неонъ, въ церкви нашего великаго гетмана Никодима. Онъ будетъ во всемъ блескѣ и великолѣпнн, Другъ мой! заклинаю тебя моею неизмѣняемою дружбою, полюби сего державнаго старца, при лицѣ коего служить намъреваешься. Такъ! онъ сдѣлалъ мнѣ немало зла, но онъ дѣйствовалъ, какъ оскорбленный отецъ и повелитель. Я охотно его прощаю и сдѣлаю еще болѣе: я стану сражаться подъ его начальствомъ, ибо знаю, что знамена, его осѣняющія, суть знамена моего отечества. Сколько противень мнѣ Никодимъ лично, столько священно для меня его званіе—гетмана всей Малороссіи. Неонъ! привяжись къ нему сердцемъ твоимъ и съ его пользами соедини неразрывными узами свои пользы.

Такъ говорилъ Король, и взоры его казались воспламененными. Я пристунилъ, было, къ нему съ вопросами, но онъ удалился, сказавъ:

— Чтò ясно, то не требуетъ поясненій.

Не знаю почему, но я охотно согласился съ его мыслями, ибо чувствовалъ, что онѣ не есть цѣль какого-либо честолюбія, или своекорыстія, но побужденіе одной любви къ отечеству, стенающему подѣ игомъ иноплемениннмъ.

Насталъ первый день сентября, день воскресный, день новаго лѣта¹⁾); день рожденія гетманова, коему исполнилось тогда шестьдесятъ два года. Сколько причинъ къ торжествамъ всякаго рода! Я одѣлся въ богатое кармазинное платьѣ, подаренное нѣкогда Мемнономъ; Неонила нарядилась въ золотое парчевое. Она была такъ прелестна въ моихъ даже глазахъ, что, казалось, будто въ первый разъ вижу нимфу Овидіеву. Примѣтная округлость стана дѣлала ее въ глазахъ моихъ драгоценнѣе всего на свѣтѣ. Кроткая, милая Мелитина, если иногда и приходила на мысли, то на одну только минуту, и то въ видѣ какого-то воздушнаго явленія.

Король, отпуская меня съ Неониллою, Ермиломъ и Мукономъ въ церковь, затуманился, и слезы навернулись на глазахъ его. Я не утерпѣлъ спросить, что за причина такой чувствительности.

— Сынъ мой!—сказалъ онъ виолголоса,—позволь назвать тебя симъ именемъ, въ награду моей любви къ тебѣ, Неонъ, ты увидишь гетмана, увидишь человѣка, котораго и я любилъ нѣкогда, какъ отца своего! Я хотѣлъ бы тебѣ сопутствовать, но не долженъ. Сила закона всегда священна для неприступныхъ. Меня выслали изъ Батурина для того, чтобы появленіе мое не огорчало взоровъ гетмана. Довольно дерзости съ моей стороны, что прибылъ въ сей городъ; зачѣмъ же казаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ извѣстно мнѣ, непремѣнно будетъ повелитель?

Пришедъ въ соборную церковь, мы увидѣли чрезмѣрное стеченіе народа. Великолѣпіе блистало со всѣхъ сторонъ. Уставивъ Неониллу среди женщинъ²⁾, я постарался найти себѣ мѣсто поближе къ тому, гдѣ становится глава народа. Оно устлано было богатымъ ковромъ и осѣняемо сверху покровомъ малиноваго бархата съ золотою бахромою и такими же кистями. Вскорѣ суетливость духовенства и народа возвѣстила прибытіе великаго гетмана. Молчаніе распростерлось повсемѣстное. Сначала показалось около полусотни тѣлохранителей, одѣтыхъ въ богатяя черкески; они послѣдуемы были важными чиновниками въ блестящемъ убранствѣ, за коими слѣдовалъ державный старецъ. Стопы его были медленны, величіе блистало во взорахъ, возвышенный ростъ и стройная осанка отличали его отъ всѣхъ прочихъ. Шествіе заключалось знатнѣйшими гражданами Батурина и другихъ городовъ Малороссіи. Когда гетманъ проходилъ мимо меня, я почтительно преклонилъ голову и потушилъ глаза въ землю; однако-жъ, сіе положеніе не мѣшало мнѣ примѣтить, что Никодимъ кинулъ на меня благосклонный взоръ и сдѣлалъ легкое трясеніе головою. Во время священнодѣйствія, хотя

¹⁾ Извѣстно, что до 1701 года новое лѣто начиналось 1-го сентября.

²⁾ Въ Малороссіи и до сего времени большіею частію сохраняется обычай, чтобы въ церквахъ женщины стояли отъ мужчинъ отдѣльно.

я усердно молился Господу Богу, благодаря Его за все блага, столь нечаянно и незаслуженно на меня излитыя, однако, сие не мешало мне почти безпрестанно смотреть на гетмана и ловить каждый из его взоровъ. По окончаніи богослуженія онъ вышелъ изъ храма темъ же порядкомъ, какъ и вошелъ. Я вмѣшался въ толпу его провожающихъ и послѣдовалъ за нимъ до крыльца церковнаго. Тутъ подвели ему богато-убраннаго коня; онъ сѣлъ и, окруженный тѣлохранителями, медленно возвращался въ свои палаты при пушечномъ громѣ и колокольномъ звонѣ. О, какъ наружное великолѣпіе и блескъ умножаютъ въ насъ благоговѣніе къ державнымъ особамъ! Какая разница между гетманомъ, окруженнымъ своими тѣлохранителями, сопровождаемымъ знатнѣйшими лицами и безчисленнымъ множествомъ народа, и консуломъ переяславской бурсы посреди своего сената окруженнымъ ликторами и целерами, хотя и послѣдняго власть довольно значительна на своемъ мѣстѣ!

Соединясь съ Неониллою и своими спутниками, я собирался отправиться домой, какъ подошелъ ко мнѣ незнакомецъ и сказалъ отрывисто:

— Великій гетманъ Никодимъ обратилъ на тебя высокое вниманіе и желаетъ знать, кто ты, откуда и зачѣмъ прибылъ въ столицу?

Будучи гораздо прежде наученъ Королемъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, я отвѣчалъ непринужденно:

— Имя мое Неонъ, по прозванію Хлопотинскій, по мѣсту рожденія принадлежу я переяславскому полку. Отецъ мой былъ шляхтичъ и умеръ въ походѣ противъ татаръ, матери также я лишился, а пріѣхалъ въ Батуриинъ посвятить себя на службу отечеству и желалъ бы опредѣлиться въ полкъ гетманскій.

Получа сей отвѣтъ и спросивъ о мѣстѣ моего жительства, незнакомый удалился, и мы возвратились домой.

На другой день все принялись за работу. Неонилла, отобравъ платья своей матери, атласныя, бархатныя и парчевыя, нашла, что они, несмотря на ея беременность, гораздо широки, почему и начала передѣлку по своимъ дѣвическимъ платьямъ. Сидя подлѣ нея, я читалъ вслухъ Патерикъ, Миinei-четы и другія церковныя книги, ибо достать свѣтскихъ на польскомъ языкѣ нельзя было иначе, какъ покушкою на ярмаркахъ, бывающихъ въ Батуриинѣ два раза въ году, по зимѣ и по лѣту. Король большею частію находился въ саду, гдѣ помогалъ Ермилу и Мукону собирать остатки плодовъ и овощей и училъ обоихъ, какъ сохранять оныя безъ вреда до новыхъ. Такъ прошло время въ продолженіе недѣли, и въ воскресный день я и Неонилла, въ сопровожденіи попрежнему Ермила и Мукона, отправились въ церковь. По совѣту Короля, я и жена моя одѣлись гораздо простѣе противу прежняго. Гетманъ также былъ во храмѣ въ одѣяніи, мало отличающемъ его отъ высокихъ сановниковъ. Онъ замѣтилъ меня и, возвращаясь изъ церкви, сказалъ мимоходомъ одному изъ сопутствовавшихъ войсковыхъ старшинъ: „Представь ко мнѣ сего молодого человѣка во дворцѣ“. Мгновенно четыре тѣлохранителя окружили меня, и я—едва успѣвъ ска-

зять Неониллѣ: ступай домой и жди меня,—должень былъ идти съ ними по слѣдамъ гетмана.

Войдя во дворецъ, я могу сказать, что не былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ онаго. Блескъ и богатство, всюду мною видѣнные, были такъ велики, что я сейчасъ рѣшилъ ни на что не обращать особеннаго вниманія и тѣмъ предохранить себя отъ неизбежнаго замѣшательства и насмѣшекъ.

Гетманъ съ приближеннѣйшими своими удалился во внутренніе покои, а я остался въ огромной комнатѣ, гдѣ множество знатныхъ людей, малороссіянъ, черноморцевъ и поляковъ, въ блестящихъ одеждахъ, взадъ и впередъ разгуливали. Иные были веселы и молили всякій вздоръ; другіе задумчивы и неохотно отвѣчали на дѣлаемые вопросы; третьи попарно, или по три и по четыре человѣка, отойдя въ уголь, шептались между собою, четвертые—казавшіеся совсѣмъ безъ права и занятія—похаживали важно по комнатѣ, смотрѣлись въ зеркала, закручивали усы, полуобнажали сабли и явно всѣмъ рассказывали, какихъ трудовъ стоило имъ изученіе искусства биться на поединкахъ, за то и сдѣлались они совершенными наѣздниками. Между тѣмъ, придворные служители набрали большой столъ и устали онъ водками, винами и разными кушаньями, какихъ прежде я не видывалъ. Все многолюдство обратилось къ сему привлекательному предмету,—да, правду сказать, и время такое было. Одинъ я, не смѣя даже шевельнуться, и подавно не осмѣливался приблизиться къ цѣли общаго обольщенія, а стоялъ у окна, какъ на горячихъ угольяхъ. Вдругъ входитъ странный человѣкъ, который привлекъ все мое вниманіе. Лѣтами казался немного моложе гетмана. Росту былъ нѣсколько ниже малаго, но за то плотенъ, даже толстоватъ, и одѣтъ великолѣпно. Верхнее платье его было бархатное; правая сторона краснаго цвѣта и вышитая серебромъ. Сапогъ на правой ногѣ былъ черный съ преогромною серебряною шпорой, на лѣвой—красный—съ такою же золотою; парчевый поясъ унизанъ былъ жемчугомъ и камнями.—Едва показался онъ въ комнату, какъ со всѣхъ сторонъ поднялся вопль: „Куфій, Куфій! милости просимъ!“—Куфій поворачивался на всѣ стороны, подавалъ съ благосклоннымъ видомъ руки свои то тому, то другому и, дойдя въ такомъ торжествѣ до стола, опорожнилъ золотой кубокъ воды. Послѣ чего, разгляда ужасные усы, висѣвшіе на цѣлую четверть ниже челюстей, сказалъ:

— Что слышно новаго?

— Кому лучше и скорѣе знать всякую новость, какъ не тебѣ, Куфій?—отвѣчали знатнѣйшіе изъ присутствующихъ.

— То-то и диво,—говорилъ Куфій,—что я сегодня въ немилости. Когда проснулся, то гетманъ былъ уже въ церкви, а теперь онъ такъ пасмуренъ и дикъ, что лишь только я показался, сейчасъ приказано выйти и безъ особеннаго позволенія къ нему не являться.

— Вотъ, подлинно, новости!—вскричали многіе,—бѣдный Куфій!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ сей,—Куфій не такъ-то бѣденъ, какъ вы думаете! Берегитесь, чтобъ кому-нибудь изъ васъ не быть въ накладѣ!

— Съ кѣмъ теперь гетманъ?

— Съ однимъ Еварестомъ, полковникомъ Стародубскимъ. Но кто этотъ молодой казакъ, у окна стоящій? Какъ онъ зашелъ сюда? Для чего не пригласите вы и его къ завтраку?

— Это,—сказалъ польскій сановникъ,—повидимому, какой-нибудь малороссійскій шляхтичъ, который пріѣхалъ ко двору предложить посильныя услуги, лишь бы его одѣли, дали клячу и кусокъ чернаго хлѣба.

— Все не мѣшаетъ, панъ Казиміръ,—сказалъ Куфій.—Пусть онъ и нищій дворянинъ, но какъ скоро Господь Богъ сподобилъ его взобраться въ чертоги своего гетмана, то не долженъ выйти изъ нихъ съ засохшимъ горломъ и пустымъ желудкомъ. Ахъ! сколько нашъ старый простакъ Никодимъ питаетъ польской саранчи, которая за его же хлѣбъ-соль надъ нимъ издѣвается и строить козни!

Съ сими словами онъ налилъ золотой кубокъ какого-то напитка, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Будь веселѣе, молодецъ: ты въ домѣ честнаго старика Никодима. Выпей и ступай къ столу. Не смотри, пожалуй, на этихъ польскихъ хвастуновъ и подражателей ихъ, безмозглыхъ земляковъ нашихъ.

Едва я протянулъ руку, чтобъ взять кубокъ, какъ быстро вошелъ Еварестъ—имя его узналъ я вскорѣ,—и, приблизясь ко мнѣ, спросилъ.

— Ты тотъ молодой человѣкъ, которому гетманъ велѣлъ слѣдовать за собою?

— Я!

— Ступай за мною!

Слѣдуя за симъ проводникомъ, я успѣлъ замѣтить, что толпа знатныхъ собесѣдниковъ находилась въ крайнемъ изумленіи. Полныя чарки, бывъ поднесены ко ртамы, остановились въ рукахъ, и, по установленіи снаряда сего опять на подносы, каждый шепталъ своему сосѣду во услышаніе всѣхъ. „Возможно ли? Кто этотъ молодой шляхтичъ?“—Въ третьей уже комнатѣ Куфій нагналъ меня, обнялъ и сказалъ весело:

— Добрый знакъ! Пойдемъ вмѣстѣ. Гдѣ допускается пріѣзжій, тамъ искренній другъ и подавно нелишній!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Э С А У Л Ъ.

Прошедъ длинный рядъ комнатъ, одна другой пространнѣе, одна другой великолѣпнѣе, вступили мы въ небольшой покой, въ коемъ находился гетманъ. Я сталъ въ отдаленіи и въ безмолвіи ожидалъ повелѣній. Куфій подошелъ къ нему и съ соучастіемъ сказалъ:

— Ты, мнѣ кажется, Никодимъ, съ недавняго времени или не совсѣмъ здоровъ, или сердитъ. Неужели затѣи поляковъ тебя беспокоятъ? Плюнь на этихъ безтолковыхъ и болѣе надѣйся на свое храброе войско. Божусь, что если до чего дойдетъ, то я самъ—вотъ этою рукою—не одному поляку намну чубъ и растреплю усы. Жаль только, что русскій царь позамедлилъ:

зима на дворѣ, а зимою хорошо только сидѣть въ теплой хатѣ и пить наливки, или заморскія вина.

Гетманъ, осмотрѣвъ меня внимательно, далъ знакъ, и я предсталъ къ нему твердыми шагами.

— Имя твое, молодой человѣкъ?

— Неонъ, по прозванію Хлопотинскій.

— Имя отца твоего и матери?

— Отца моего звали Ипполитомъ. Онъ—урожденный шляхтичъ переяславскаго полка. Находясь въ послѣднемъ походѣ противъ крымскихъ татаръ, онъ умеръ отъ ранъ; мать моя Анфіза, получа о семь свѣдѣніе, послѣдовала за нимъ во гробъ. Оставшись сиротою, я продалъ наслѣдственное имѣніе и, слыша, что ты готовишься къ войнѣ, явился въ Батурино, чтобы умножить собою число храбрыхъ сподвижниковъ за свободу и честь отечества.

— Не правда ли, Еварестъ,—спросилъ гетманъ послѣ нѣкотораго молчанія,—не правда ли, что сей молодой человѣкъ имѣетъ чрезвычайно сходныя черты въ лицѣ съ двумя извѣстными тебѣ особами? Съ перваго взгляда я пораженъ былъ симъ необыкновеннымъ сходствомъ и покушался думать, что онъ сынъ ихъ, но теперь вижу, что обманулся. Какъ многообразна природа въ своихъ измѣненіяхъ!—И такъ, ты, Хлопотинскій, желаешь служить подъ знаменами Малороссіи противу ея утѣснителей? Хорошо! Наружность твоя мнѣ нравится, ибо она обѣщаетъ мужество души и крѣпость тѣла. Я принимаю тебя въ число ратниковъ полка моего. Завтра поутру явись къ полковнику Еваресту, яко главному твоему начальнику, и онъ прикажетъ дать тебѣ приличную одежду и вооруженіе.

Послѣ сего онъ кивнулъ головою, я сдѣлалъ почтительный поклонъ и намѣревался выйти, но Куфій, подскочивъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и схвативъ за руку, сказалъ:

— Пойдемъ вмѣстѣ, нашъ завтракъ пропадать не долженъ!

Онъ повелъ меня обратною дорогою, и когда достигли мы прежней комнаты пиршествующихъ, то Куфій вскричалъ:

— Посторонитесь всѣ! Никодимъ поручилъ мнѣ попотчевать сего молодого шляхтича, яко новаго своего тѣлохранителя, и не будь я Куфій, если онъ въ скоромъ времени не выскочитъ въ люди!

Прочіе собесѣдники, предполагая ласковый приѣмъ гетманскій, о чемъ безошибочно заключали изъ ласкъ и привѣтливости нелицемѣрнаго Куфія, стали обходиться со мною вѣжливѣе, чѣмъ за полчаса дотолѣ; однако, ѣда и питье не шли мнѣ на умъ: я нетерпѣливо желалъ разсказать Неониллѣ и Королю о слѣдствіяхъ свиданія моего съ гетманомъ, простился съ добрымъ Куфіемъ и бросился къ жилищу Ермилову.

Всякій догадается, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались меня милая жена и добрый другъ!

— Ну, Неонъ,—сказалъ послѣдній, выслушавъ разсказъ о моемъ приѣмѣ у гетмана,—теперь уже отъ тебя зависѣтъ будетъ идти ко храму счастья проложенною дорогою; помни мои наставленія, тебѣ дѣланныя и какія впредь

сдѣлаю. Сколько примѣтно, то наступающая зима пройдетъ въ мирѣ. Въ теченіе сего времени приготожь себя исподволь ко всѣхъ непріятностямъ, какія неминуемо встрѣтятъ война на поляхъ брани.

На другой день рано поутру, когда Неонилла покоилась еще сномъ безмятежнымъ, я одѣлся и быстро пошелъ ко двору гетмана. Мнѣ не трудно было найти жилище полковника Евареста, жившаго во дворцѣ, и какъ скоро объявилъ свое имя, то стоявшій у дверей часовой велѣлъ мнѣ войти въ ближайшую комнату, переодѣться въ приготовленное платье и вооружиться. Я исполнилъ по сему приказанію, надѣлъ синюю куртку, такія же шаровары и черкеску краснаго цвѣта, препоясался саблею и въ руки взялъ копьѣ. Когда я былъ готовъ, то вошедшій эсаулъ (о званіи его я сейчасъ догадался по наставленію Діомида) велѣлъ слѣдовать за собою. Мы прошли обширнымъ заднимъ дворомъ и очутились на просторномъ лугу, гдѣ увидѣлъ я болѣе тысячи подобныхъ мнѣ рыцарей, гордо сидѣвшихъ на коняхъ и оказывающихъ удалство свое различнымъ образомъ. Мнѣ также подвели коня; я сѣлъ и началъ, подобно другимъ, кружиться, скакать, обращаться назадъ и опять скакать съ быстротою вѣтра. Въ семь занятій провели мы часа два, и громкій звукъ трубы раздался по лугу. Мы построились всѣ въ ряды, и полковникъ Еварестъ, въ сопровожденіи сотниковъ и эсауловъ, явился передъ нами. Онъ проѣхалъ насквозь ряды и движеніемъ сабли раздѣлилъ на шесть частей, означивъ каждой время должности. Послѣ сего мы сѣвшились, и я со многими другими поведенъ ко дворцу. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей разставлены у разныхъ входовъ во дворѣ, другіе у наружныхъ воротъ въ садъ, а я введенъ во внутренніе покои. Устава мени у дверей великолѣпной комнаты, провождающій насъ сотникъ сказалъ:

— Должность твоя, Хлопотинскій, состоитъ: въ эту комнату, непосредственно ведущую во внутренніе покои гетмана, не пропускать никого, кто не покажетъ на бумагѣ слѣпка сей печати, висящей у дверей на золотомъ шнури. Изъ сего исключаются только полковникъ Еварестъ, Куфій и дневальные войсковой старшина, сотникъ и эсаулъ, которыхъ безошибочно узнать можешь по золотымъ поясамъ. Здѣсь пробудешь ты четыре часа; послѣ чего я смѣню тебя другимъ, и ты пойдешь, куда хочешь. Завтра—едва лишь разсвѣтетъ, являйся опять на гетманскій лугъ и жди новыхъ приказаній. Вотъ вся твоя должность, пока гетманъ, или Еварестъ, не возложатъ особенной.

Я провелъ у сихъ дверей объявленные мнѣ четыре часа, то стоя на мѣстѣ, то сидя, то похаживая взадъ и впередъ. Многіе важныя чиновники, какъ малороссійскіе, такъ и польскіе, проходили заповѣдныя двери, показавъ нужные отпечатки, которые давали имъ на то право. Предъ окончаніемъ моихъ служебныхъ часовъ Куфій появился, узналъ меня, весело подошелъ и сказалъ:

— Здравствуй, Хлопотинскій! Пріятна ли показалась твоя должность?

— Какъ скоро мое занятіе составляетъ должность,—отвѣчалъ я,—то оно не должно быть скучно, или тягостно!

— Bravo!—вскричалъ Куфій,—за такой отвѣтъ ты достоинъ быть по-

скорѣе эсауломъ! Ахъ, какъ мнѣ хочется дождаться весны, когда начнутъ рѣзаться храбрые люди. Что касается до меня, то я—несмотря, что слышу недалнимъ человѣкомъ—считаю себя умнѣе многихъ тысячъ такъ называемыхъ умниковъ. Я люблю смотрѣть на сраженія издали. Если нашихъ поколотили, я, по крайней мѣрѣ, остаюсь цѣль; если же мы возьмемъ верхъ, то первый явлюсь на торжественныхъ пиршествахъ,—и наѣмся, и напьюсь исправнѣе тѣхъ, которые вышли изъ сраженія кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ глаза, безъ носу, съ оторванными усами и взberoшенными чубами.

Въ самую сію минуту явился гетманъ. Я распряился, какъ стрѣла, и преклонилъ къ ногамъ его копые свое. Онъ взглянулъ на меня благосклонно и, обратясь къ моему собесѣднику, сказалъ:

— Куфій! если у насъ дойдетъ до войны съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, то мнѣ совѣтуютъ вѣрить тебѣ цѣлый полкъ, доказывая, что ты храбрецъ первостатейный.

— Если совѣтники твоего высокоочія,—отвѣчалъ Куфій,—полагаютъ храбрость съ жареными индѣйками, курами и зайцами, то они правы, и я на семь поприщѣ не уступлю и Александру Македонскому; если же въ дракѣ съ чужеземными забіяками, то они солгали, и ты будешь очень простъ, если имъ повѣришь. Нерѣдко приходило мнѣ на умъ осмотрѣть всего себя внимательно, и, воспламенясь жаромъ воинственнымъ, я спрашивалъ: „скажи, любезный другъ Куфій, котораго изъ членовъ, данныхъ тебѣ природою, охотнѣе согласишься лишиться въ сраженіи?“ Послѣ сего щекоталъ у себя ребра, дергалъ за волосы, щипалъ ляшки, кусалъ на рукахъ пальцы и чувствовалъ, что вездѣ больно. Будучи нарочито не глупъ, я тотчасъ смекнулъ, что милосердый Богъ создалъ меня человѣкомъ во всемъ совершеннымъ не для того, чтобы я, по дерзости и безразсудству, дѣлался калѣкою и оборотнемъ.

Гетманъ улыбнулся и, уходя, сказалъ:

— Куда какъ много было бы хорошаго, если-бъ всѣ такъ думали, какъ ты!

— Гораздо болѣе было бы добра,—вскричалъ вслѣдъ ему Куфій,—если-бъ на землѣ не было другихъ жителей, кромѣ хомяковъ, кротовъ, зайцевъ и другихъ имъ подобныхъ, нежели, когда бы населена была одними волками и медвѣдами...

ИЗЪ РОМАНА:

„Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ.“

...День клонился къ окончанію, но веселье въ домѣ гостепріимнаго хозяина ¹⁾ не уменьшалось. Великое множество посѣтителей не было ему въ тягость. Онъ угощалъ мужчинъ, жена его—женщинъ. Панъ Харитонъ водилъ

¹⁾ Харитонъ Заноза, герой повѣсти, съ которымъ судились два Ивана.

гостей по саду, хотя сентябрьскіе вѣтры пообили уже половину древесныхъ листьевъ; по гумну, гдѣ вычислялъ, сколько стога каждый ржи даетъ ему пѣнику—по скотному двору, гдѣ имѣлъ случай похвалиться быками и коровами, козлами и баранами. Его супруга изъ окна показывала пріятельницамъ толпы куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, повѣствуя о нравѣ и привычкахъ каждаго пѣтуха и каждой курицы. Не утѣшно ли это?

Когда всѣ собирались опять въ комнату, гдѣ столъ уставленъ былъ корчагами съ дымящеюся варенухою, и гости, и хозяинъ поставили, гдѣ попало, свои кубки, услышали на дворѣ стукъ колесъ и лошадиный топотъ, и вскорѣ является въ собраніе человекъ низменный, лѣтъ въ пятьдесятъ, но за то довольно пространнй въ чревѣ и широкій въ раменахъ. Лысина его свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. Кто же былъ этотъ гость? Писецъ сотенной канцеляріи, панъ Анурій. Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ его, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухою. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда три кубка перелились въ его утробу, то онъ, избоченясь, произнесъ: „Что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавая мнѣ сей свертокъ бумагъ, сказалъ: „поѣзжай, дружище, и бумаги сіи отдай самолично пану Харитону“. Изъ сего заключаю, продолжалъ Анурій,—что онѣ благоприятны, ибо въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь.“—„Понимаю, понимаю! сказалъ панъ Харитонъ, и съ улыбкой вышелъ. Едва успѣлъ панъ Анурій управиться съ четвертымъ кубкомъ, какъ панъ Харитонъ явился съ дарами и предложилъ ему новую шляпу изъ лучшей коровьей шерсти, новые сапоги, налитанные самымъ чистымъ дегтемъ, и глиняную трубку работы перваго гончара въ Полтавѣ. Панъ Анурій принялъ благоклонно подносимое и бросился къ своей одноколкѣ для укладки, послѣ чего вошелъ въ собраніе съ большимъ запечатаннымъ сверткомъ бумагъ, учтиво подаль оный пану Харитону и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ. Панъ Харитонъ, просмотрѣвъ бѣгло каждый листъ, сказалъ: „у меня послѣ случившихся тревогъ глаза что-то мутны: потрудись, панъ Анурій, самъ прочесть. Определеніе сотенной канцеляріи не есть тайна“. Панъ Анурій съ важностію взялъ бумаги, вынулъ определеніе, надѣлъ очки и началъ читать:

„Панъ Харитонъ Заноза жалуется, что паны Иваны Зубаръ и Хтара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухсотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

Сотенная канцелярія, по долгу своему вникнувъ въ сіи обстоятельства, опредѣляетъ:

1. Предположа, что у пана Харитона, при сгорѣніи голубятни, погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухсотъ, т.-е. двѣсти одинъ, то назнача высшую цѣну за каждаго по полушка, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копѣекъ съ полушкою. Но какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ нищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно, настоящаго чистаго убытку принесли на пять копѣекъ: прочіе же голуби—частію раз-

летѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть: итакъ они изжарились по доброй волѣ.

2. У пана Ивана старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ и, по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ каждый таковой улей стоитъ шестьдесятъ копѣекъ: итакъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключая изъ сей суммы пять копѣекъ, панъ Харитонъ причислилъ пану Ивану старшему истиннаго убытка на двадцать девять рублей девяносто пять копѣекъ, каковыя деньги въ теченіе трехъ дней и долженъ непремѣнно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ сотенной канцеляріи удержится двадцать восемь рублей девяносто пять копѣекъ; за тѣмъ оставшійся цѣлый рубль имѣеть быть выданъ пану Ивану старшему съ распискою“.

Кто опишетъ бѣшенство пана Харитона! Онъ ломалъ на рукахъ пальцы, стучалъ въ полъ ногами и страшно поводилъ глазами. Наконецъ, вскочилъ какъ отчаянный, подбѣжалъ къ изумленному писцу, выхватилъ роковое опредѣленіе, изорвалъ въ лоскутки и кинулъ въ глаза послу сотенной канцеляріи. Со всѣхъ сторонъ раздался шумъ и ропотъ. Панъ Харитонъ ничему не внималъ,—онъ вопіялъ, оборотись къ писцу: „Зачѣмъ же вы разбѣзжали на лошадяхъ моихъ? а? Зачѣмъ орали землю моими волами и засѣвали ее моими сѣменами? а? Зачѣмъ пожирали моихъ овецъ и барановъ и изъ шкуръ ихъ дѣлали себѣ шубы? а? Зачѣмъ брали у меня деньги, душегубцы, бездѣльники, разбойники? Зачѣмъ выманивали у меня деньги, говорю я, когда не хотѣли держать мою сторону? а?“

Съ симъ словомъ—къ ужасу всѣхъ гостей и семействъ ихъ, ибо на громоподобный ревъ пана Харитона сбѣжались все жены и дочери собесѣдниковъ—онъ поволокъ пана Анурія за воротъ, вытащилъ на дворъ, схватилъ въ охапку, стукнулъ въ одноколку, подаль вожжи въ руки сидящему и давъ двѣ добрыя подзатыльщины, схватилъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь, то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ, туда же выскоча, кричалъ вслѣдъ писцу: „Скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ сотенной канцеляріи, что они беззаконники и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ полковой канцеляріи!“

Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ злѣйшимъ врагомъ своимъ по дѣлу о сожженной голубятнѣ и истребленной пасѣкѣ, паны Иваны съ торжествомъ ѣхали изъ города въ свою обитель, какъ на серединѣ дороги у стоявшей корчмы увидѣли они одноколку и тотчасъ узнали, кому принадлежитъ она. „Вотъ кетати,—сказалъ Иванъ старшій,—возьмемъ у Анурія принадлежащій намъ рубль и хорошенько его попочтуемъ“.

Вошедъ въ сборную комнату, они и подлинно увидѣли пана Анурія за столомъ сидящаго у сулеи въ самомъ пасмурномъ положеніи. „Что такое, панъ Анурій?—вскричалъ Иванъ старшій,—сулея у самаго рта и печальный видъ—это что-то не клеется. Жидь! подай-ка еще двѣ сулеи, съ чѣмъ хочешь,

только бы съ самыми лучшими душами! Право, ты, панъ Анурій, великій дѣлецъ и весьма проворенъ! Возможно ли только въ такое короткое время управиться съ такою буйною головою, какова у негоднаго Занозы!“— „И подлинно управился!“ сказалъ Анурій съ горькою улыбкою и, наливъ кубокъ, пилъ изъ него съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Паны Иваны диковину сію замѣтили съ удивленіемъ, приступили съ разспросами, и Анурій разсказалъ все подробно. Выслушавъ съ подобающимъ вниманіемъ о семъ приключеніи, отъ существованія Малороссіи неслыханномъ, паны Иваны сердечно обрадовались, и старшій всплескалъ руками. Анурій показалъ весьма недовольный видъ и спросилъ: „Неужели вы, коихъ я считалъ моими друзьями, можете радоваться, что затылку моему достались оплеушины, а спинѣ полновѣсные удары дубиною?“— „Никакъ,—отвѣчалъ Иванъ старшій мы радуемся и веселимся не тому, что именно тебѣ, нашему другу и ходаю, достались славные побои, но тому, что они даны именитому писцу сотенной канцеляріи дерзкою рукою злобнаго Занозы. Мы надѣемся, что сіе злодѣаніе скорѣе его доконаетъ, чѣмъ застрѣленные кролики, перебитые гуси, утки, овцы и наконецъ истребленная пасѣка! Шутка ли только! Пану Анурію, мужу, посѣдѣвшему и оплѣшивѣвшему среди бумаги, чернилъ и перьевъ, надавать подзатыльцинъ и разъ десять огрѣть орясиною!“— „Ровно двѣнадцать разъ огрѣлъ онъ,—отвѣчалъ надменно панъ Анурій,—а въ тринадцатый замахнулся и хотя сдѣлалъ промахъ, но все его должно счесть за ударъ. Притомъ же, при безчисленномъ множествѣ шляхтичей и шляхтянокъ онъ поносилъ самыми безчестными ругательствами сотника и всю сотенную канцелярію; волокъ меня черезъ всю комнату,— что все равно, какъ черезъ весь домъ,—за воротъ, который достаетъ, какъ видите, до затылка,—а потому все равно, какъ бы волокъ за чубъ. О паны Иваны! если вы тому радуетесь, что Харитону Занозѣ достанется за сіе богопротивное дѣло съ лихою, то мнѣ это любо! О, если бы у него было и вдвое имѣнія болѣе, нежели сколько имѣеть, то и его было бы недостаточно заплатить мнѣ за безчестье и увѣчье. Нѣтъ! надобно будетъ ему познакомиться съ городской тюрьмою и отвѣдать, какой вкусъ имѣеть черствый хлѣбъ и прѣсная вода. Вотъ вамъ рука моя, что это сбудется и притомъ скоро.“

НАРОДНИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Мерзляковъ.

Пѣсня: „Среди долины ровныя“.

Среди долины ровныя, на гладкой
высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ
могучей красотѣ.

Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ
у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжка, какъ
рекрутъ на часахъ.

Взойдетъ-ли красно солнышко: кого
подъ тѣнь принять?
Ударить-ли погодушка: кто будетъ
защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки
близъ него,
Ни кустики зеленые не вьются
вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву
расти!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ
друга жизнь вести!
Есть много серебра, золота: кого
имъ подарить?
Есть много славы, почестей: по съ
кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми: по-
клонъ да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими: по-
клонъ да пара словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣ-
жить меня;
Всѣ други, всѣ пріатели до чернаго
лишь дня!
Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу,
когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой зем-
лѣ, на помощь не придетъ!
Ни рѣду нѣтъ, ни племени въ чу-
жой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька
ко мнѣ,
Не плачется отъ радости старикъ,
глядя на насъ,
Не вьются вкругъ малюточки, ти-
хохонько рѣзвясь!
Возьмите же все золото, всѣ поче-
сти назадъ!
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ ми-
лой дайте взгляды!

**Пѣсня: „Я не думала ни о
чемъ въ свѣтѣ тужить“.**

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ
тужить:
Пришло время, начало сердце кру-
шить.
Съ въздыханья бѣлой груди тя-
жело!
То-ли въ свѣтѣ здѣсь любовью про-
слыло:
Полюбя дружка, отъ горести из-
ныть,

Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того
любить?
Злые люди всѣ украдкою глядятъ,
Меня, дѣвушку, заочно всѣ бра-
няютъ...
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ
людскихъ?
Сердце любить, не спросясь людей
чужихъ;
Вы уймитесь, злые люди, гово-
рить!
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со
мною;
Было время и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злѣдѣйку по
себѣ,
А не всякій погорюетъ обо мнѣ!
Что-жъ мнѣ дѣлать съ горемышной
головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ
тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на
него;
Людямъ нужды нѣтъ до сердца
моего!...
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горячими слезами оболюю,
Вамъ однимъ скажу про горестъ я
свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ
пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше
жить.

**Пѣсня: „Чернобровый, чер-
ноглазый“.**

Чернобровый, черноглазый,
Молодецъ удалый
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью.
Для того-ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того-ли сердце любить,
Чтобы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злѣдѣйкѣ-скупѣ
Ретивого сердца!

Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой;
Покажу ему платочекъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горячи слезы
На аломъ платочкѣ,
Изуши горячи слезы
На бѣлой ты груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими...
Воевъ сыръ-боръ за горою,
Мятелица въ полѣ:
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.

Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ;
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!
Не ходитъ-бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожихъ, удалыхъ!
Не любить-бы красной дѣвкѣ
Молодого парня,
Побережь-бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

Ершовъ.

Конекъ-Горбунекъ.

ПОВѢДКА ИВАНА.

...Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на океанъ;
Горбунекъ летитъ, какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.

Подъѣзжая къ океану,
Говоритъ конекъ Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри,
Вотъ минутки черезъ три
Мы приѣдемъ на поляну
Прямо къ морю-окиану;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо, рыба-китъ.
Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
А доселѣва не знаетъ,
Чѣмъ прощенье получить.
Онъ учнегъ тебя проситъ,
Чтобъ ты въ солнцевомъ селенѣ
Попросилъ ему прощенье:
Ты исполниль обѣщай,
Да смотри-жь не забывай!“

Вотъ вѣзжаются на поляну
Прямо къ морю-окиану,
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо, рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыръ-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,

Мужики на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубровѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.

Чудо-юдо, рыба-китъ
Такъ проѣзжимъ говорить,
Ротъ широкий отворяя,
Тяжко, горько въздыхая:
„Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?“

— „Мы—посланники царицы:

Ѣдемъ оба изъ столицы
(Говоритъ киту конекъ)
Къ солнцу прямо на востокъ,
Во хоромы золотые“.

— „Такъ нельзя-ль, отцы родные,
Вамъ у солнышка спросить:
Долго-ль мнѣ въ опалѣ быть,
И какое повелѣнье

Мнѣ исполнить для прощенья?“

— „Ладно, ладно, рыба-китъ!“
Нашъ Иванъ ему кричитъ.

— „Будь отецъ мой милосердный!
Вишь, какъ мучуся я—бѣдный;
Десять лѣтъ ужъ здѣсь лежу...
Я и самъ тѣ услужу...“

(Китъ Ивана умоляетъ.
Самъ же тяжело въздыхаетъ).

„Ладно, ладно, рыба-кить!“
 Нашъ Иванъ ему кричить.
 Ить конекъ подъ нимъ забился
 И по берегу пустился;
 Только видно, какъ песокъ
 Бьется вихоремъ у ногъ,
 Будто сдѣлалась погодка.
 Бдутъ долго-ли, коротко,
 И увидѣли-ль кого—
 Я не знаю ничего.
 Скоро сказка говорится,
 Дѣло мѣшкотно творится,
 Только, братцы, я узналъ,
 Что конекъ туда вбѣжалъ,
 Гдѣ (я слышалъ стороною)
 Небо сходится съ землею,
 Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
 Прялки на небо кладутъ.
 Тутъ Иванъ на небо вѣхалъ
 Да по небу и поѣхалъ,
 Избоченясь, будто князь,
 Шанку на бокъ, подбодрясь.
 „Эко диво, это диво!
 Наше царство хоть красиво
 (Говоритъ коньку Иванъ
 Средь лазоревыхъ полянъ),
 А какъ съ небомъ-то сравнится,
 Такъ подъ стельку не годится.
 Вѣдь у насъ земля черна,
 И темна-то, и грязна;
 Здѣсь земля-то голубая,
 А ужъ свѣтлая какая!..
 Посмотри-ка, Горбунокъ,
 Видишь, вонъ, гдѣ на востокъ,
 Словно свѣтится гнилушка...
 Чай, крестьянская избушка?
 Что-то больно высока!“
 (Такъ спросилъ Иванъ конька).
 — „Это теремъ Царь-Дѣвицы,
 Нашей будущей парицы
 (Горбунокъ ему кричитъ);
 По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
 А какъ день-деньской вриходитъ,
 То сюда и мѣсяцъ входитъ“.
 Подвѣзжаютъ къ воротамъ—
 Сто столбовъ по сторонамъ!
 Всѣ столбы тѣ голубые,
 А верхушки золотыя;
 На верхушкахъ три звѣзды;
 Вокругъ терема сады:
 На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
 Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
 Птицы райскія живутъ,
 Пѣсни царскія поютъ.

А вѣдь теремъ съ теремами
 Будто городъ съ деревнями:
 А на теремѣ изъ звѣздъ
 Православный русскій крестъ.
 Вотъ конекъ на дворъ вѣзжаетъ;
 Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
 Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ
 И такую рѣчь ведетъ:
 „Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ!
 Я—Иванушка Петровичъ...
 Изъ далекихъ я сторонъ
 И привезъ тебѣ поклонъ“.
 — „Сядь, Иванушка Петровичъ,
 (Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ),
 И повѣдай мнѣ вину—
 Въ нашу свѣтлую страну
 Твоего съ земли прихода:
 Изъ какого ты народа,
 Какъ явился въ сей странѣ,
 Все вполнѣ повѣдай мнѣ“.
 — „Я съ земли пришелъ землянской,
 Изъ страны вѣдь христіанской
 (Говоритъ ему Иванъ):
 Переѣхалъ океанъ
 Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
 Нашей будущей парицы,
 Чтобъ тебя отъ ней спросать,
 Послѣ ей пересказать!
 Для чего, дескать, три ночи
 Не показывалъ ты очи,
 И затѣмъ-де три ужъ дня
 Солнце скрылось отъ меня?
 — „А какая то парица?“
 — „Это, знаешь: Царь-Дѣвица...“
 — „Царь-Дѣвица?.. Такъ она
 Что-ль тобой увезена?“
 Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцovichъ.
 Тутъ Иванушка Петровичъ
 Говоритъ: „извѣстно, мной!
 Вишь, я—царскій стремянной“.

—
 Тутъ Иванушка поднялся,
 Въ путь-дороженьку собрался...
 Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
 „Эхъ, немножко не забылъ!
 Есть къ тебѣ, родной, прошенье...
 То о китовомъ прошенъѣ...
 Есть, вишь, море; чудо-кить
 Поперекъ его лежитъ;
 Всѣ бока его изрыты,
 Частоколы въ ребра вбиты;
 Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
 Чтобы я тебѣ сказалъ:
 Скоро-ль кончится мученье?

Чѣмъ сыскать ему прощенье?
И за что онъ тутъ лежить?“
Мѣсяцъ ясный говоритъ:
„Онъ за то несетъ мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ онъ средь морей
Три десятка кораблей.
Если дать онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду“.
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свиснулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на океанъ.
Вотъ конекъ бѣжить по киту,
По костямъ стучить копытомъ.
Чудо-юдо, рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
„Что, отецъ мой? въ небѣ былъ ли?
Мнѣ прощенье испросилъ ли?“
Тутъ конекъ ему кричитъ:
„Погоди ты, рыба-китъ!“
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужиковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Эй! послушайте, міряне!
Православны христіане!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся вмигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ случится чудо:
Море сильно закипитъ,
Повернется рыба-китъ...“

Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане,
Закричали: „быть бѣдамъ!“
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай съ войной!
Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И что мочи есть кричитъ:
„Чудо-юдо, рыба-китъ!
Оттого твое мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ ты средь морей

Три десятка кораблей.
Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужъ невзгоду“.
И, окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ прыгъ—
И на немъ остановился...

Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами...
Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили,
Бѣлый парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служеб-
нымъ

Пѣлъ на палубѣ молебны,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣню на подхватъ:
„Какъ по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Въ отдаленѣ отъ земли,
Выбѣгаютъ корабли...“

Волны моря закрубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись,
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкій отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
„Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо ль раковинъ цвѣтистыхъ?
Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо ль крупныхъ жемчужовъ?
Все достать тебѣ готовъ!“
— „Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчужовъ въ награду
(Говоритъ ему Иванъ):
Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы“.
— „Ладно, ладно (рыба-китъ
Стремянному говоритъ):
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы“.
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетринный весь народъ
И такую рѣчь ведетъ:

„Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
Кто его доставить мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будеть думнымъ дворяниномъ.
Если жъ умный мой приказъ
Не исполните... я васъ!“
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь великій! не гнѣвис!
Мы все море ужъ, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А все перстня не видали.
Только ершъ одинъ изъ насъ
Могъ исполнить твой приказъ:
Онъ по всемъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужъ куда-то унесло“.

— „Отыскать его въ минуту
И послать въ мою каюту!“
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,
Въ земскій судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ:
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ;
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря
И того, ерша-гуляку,
Крикуна и забяку,
Гдѣ бы ни было, нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ.
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли,

Не могли ерша сыскать
И вернулись назадъ,
Чуть не плача отъ печали.

Вдругъ дельфины услышали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ...
Въ прудѣ дельфины завернули
И на дно его нырнули.—
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
„Смирно! черти-бъ васъ побрали!
Вишь содомъ какой подняли,
Словно, важные бойцы!“
Закричали имъ гонцы.

— „Ну, а вамъ какое дѣло?“
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло);
Я шутить вѣдь не люблю,
Разомъ всехъ переколю!“

— „Охъ ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ, и забяка!
Все бы, дрянъ, тебѣ гулять,
Все бы драться, да кричать!
Дома—нѣтъ, вѣдь не сидится...
Ну, да что съ тобой рядиться?
Вотъ тебѣ царевъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.“

Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку додраться!
Распроклятый тотъ карасъ
Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всемъ собраньѣ,
Басурманской разной бранью...“
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ, и замолчалъ,
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,—
И явились предъ царя.

„Что ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?“
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ испрашивалъ прощенья.
„Ну, ужъ Богъ тебя проститъ
(Китъ державный говоритъ):
Но за это преступленье
Ты исполню велебъне“.
— „Все исполню, славный китъ!“
(На колѣняхъ ершъ пищить).

— „Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
 Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь,
 Царь-Дѣвицы?“— „Какъ не знать?
 Можемъ разомъ отыскать“.
 — „Такъ ступай же поскорѣе
 Да носи его живѣе“.
 Тутъ, отдавъ царю поклонъ,
 Ершь пошелъ оттуда вонъ;
 Съ полминуты порѣзвился,
 Въ черный омутъ опустился
 И, разрывъ на двѣ песока,
 Вырылъ красный сундучокъ—
 Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.
 „Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!“
 И давай изъ всѣхъ морей
 Ершь скликать къ себѣ сельдей.
 Сельди разомъ собралися,
 Сундучокъ тащить зылися,
 Только слышно и всего,
 Что „у-у“! да „о-о-о“!
 Но сколь сильно ни кричали,
 Сундука все не подняли.
 Ершь, не тратя много словъ,
 Крикнулъ десять осетровъ.
 Вотъ десятокъ подплываетъ
 И безъ крику поднимаетъ
 Крѣпко ввязнувшій въ песока
 Съ перстнемъ красный сундучокъ.
 „Ну, ребятушки, смотрите,
 Вы къ царю теперь плывите;
 Я пойду теперь ко дну,
 Да немножко отдохну:
 Что-то сонъ одолеваетъ,
 Такъ глаза вотъ и смыкаетъ“.
 Осетры къ царю плывутъ;
 Ершь, гуляка, прямо въ прудъ
 (Изъ котораго дельфины
 Утащили за щетины),

Чай, подрагаться съ карасемъ,
 Я не вѣдаю о томъ.
 Но теперь мы съ нимъ простимся
 И къ Ивану возвратимся.
 Тихо море-окиянъ,
 На пескѣ сидитъ Иванъ,
 Ждетъ кита изъ синя моря
 И мурлыкаетъ отъ горя;
 Провалившись на песока,
 Дремлетъ вѣрныя горбунокъ.
 Время къ вечеру клонилося;
 Тихимъ пламенемъ горя,
 Вотъ ужъ солнышко спустилося:
 Развернулася заря;
 А кита—не тутъ-то было.
 „Чтобъ-тѣ, вора, задавило!
 Вишь, какой морской шайтанъ!
 (Говоритъ себѣ Иванъ).
 Обѣщался до зарницы
 Вынести перстень Царь-Дѣвицы,
 А доселѣ не сыскалъ,
 Окаянный зубоскалъ!
 А ужъ солнышко то сѣло,
 И...“ Тутъ море закипѣло:
 Появился чудо-китъ
 И къ Ивану говоритъ:
 „За твое благодарѣнье,
 Я исполнилъ обѣщанье“.
 Съ этимъ словомъ сундучокъ
 Брякнулъ крѣпко на песока,
 Только берегъ закачался.
 „Если-жъ нуженъ буду я,
 Позови опять меня;
 Твоего благодарѣнья
 Не забудь мнѣ... До свиданья!“
 Тутъ китъ-чудо замолчалъ
 И, всплеснувъ, на дно упалъ...

Р а с т о п ч и н ѣ .

Изъ «Мыслей вслужъ на красномъ крыльцѣ».

Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ георгиевскій и владимірскій, отправился изъ села Зажитова, по случаю милици, въ Тулу для закупки ружей, и, узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебень за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, по выходѣ,

въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ былъ великими происшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положи локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать вслухъ тако:

„Господи помилуй! Да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: „сгинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или восвойси, все равно,—только не будь на Руси„!

„Прости Господи! ужь ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянъ заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ? Ее же бранять все не на животъ, а на смерть. Приѣдетъ французъ съ висѣлицы, все его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ! А онъ, собака, холопъ,—либо купчишка, либо подъячій, либо попъ-разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ-то плохо знаетъ.

„Бсже мой! Да какъ же предки наши жили безъ французскаго языка, а служили вѣрой и правдою государю и отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и царство небесное!

„Спаси Господи! Чему дѣтей нынче учать! Выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество когда они закону Божьему не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь—*Bon jour*; отецъ—*Monsieur*; старуха-мать—*Maman*, холопъ—*Mon ami*; Москва—*Ridicule*; Россія—*Fidonc*. Сущія дѣти, и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

„Господи помилуй! Только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по-французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—Парижъ. Родителей не уважаютъ; стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодья сошли съ ума. Все стала каша-кашей. Вѣгутъ замужъ за французовъ и гнушаются русскими. Одѣты, какъ мать наша Ева въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мясного ряду. Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а эти нѣмцами. Охъ, тяжело! дай, Боже, сто лѣтъ здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дурь! Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшный.

„Прости Господи! Все по-французски, все на ихъ манеръ: пора унятьсь.

Чего лучше быть русскимъ? Не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ вверхъ, — есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ. Вѣдь, что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а, впрочемъ, хоть иконы обдери: ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по-французски учатся, но для того, чтобы умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, если бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій; чтобъ псарь Климка, поваръ Абрамка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

„Владыко мой! Да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? Все есть, иль быть можетъ. Государь милосердный, дворянство великодушное, кучество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ полтора ста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Воины: Шуйскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцевъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества—Пожарскій и Мининъ, Москвы—Еропкинь; главы духовенства: Филаретъ, Еρμοгенъ, Проконевичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ—Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединскій, Дмитріевъ и Богдановичъ. Всѣ они знали и знаютъ французскій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше русскаго.

„Царь небесный! мало этого, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи, и явилась; да кака! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите—шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники?—русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ каменной Москвой; миллионы посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледянаго моря до Чернаго отъ сердца и души закричали: „всѣ готовы, идемъ и побьемъ!“

„Господи помилуй! да что за народъ эти французы! копѣйки не стоятъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху; ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись—либо философъ, либо римлянинъ, а все норовитъ въ карманъ; трусливъ, какъ заяцъ, шалостливъ, какъ кошка: хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію; а то бы увидѣла, что въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они—плутишки, а на войнѣ—разбойники,—два лишь правила у нихъ есть: „все хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать“. Хоть немного по шерсти поглядятъ, то и бунтъ. Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили:

законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, цари казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всё повелѣвали—то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть: опрокинулись къ сосѣдямъ и почали грабить и душить нѣмцевъ и венгерцевъ, итальянцевъ и гишпанцевъ, голландцевъ и швейцарцевъ, приговаривая: „послѣ спасибо скажете“. А тамъ явился Бонапартъ: ушелъ изъ Египета, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ сенатъ взашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а, наконецъ, кричать: „шабашъ, республика!“ давай Бонапарта короновать, а ему то и стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно, и равно всѣмъ, то-есть: плакать и крихтѣть: а онъ, какъ угорѣлая кошка, и пошелъ метаться изъ угла въ уголь, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція—пожаръ, французы—головешки, а Бонапарте—кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть: Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцевъ обдулъ, пруссаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все—мало! весь міръ захотѣлъ покорить: что за Александръ Македонскій! Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ,—а онъ таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу, и стали бубноваго короля катать: подъ Пултускомъ по щекѣ,—сталъ покашливать; подъ Эйлау—по другой,—и свѣта Божьяго не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

„Слава тебѣ, російское побѣдоносное христіанское воинство! Честь государю нашему и матушкѣ-Россіи! Слава вамъ, герои російскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Дохтуровъ, Волконскій, Долгорукій! Вѣчная память, юноша храбрый Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики вздохнуть не разъ, раздѣлить печаль тяжелую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся, царство русское! Всемирный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришелъ, какъ свирѣпый левъ, хотѣлъ все пожрать, теперь бѣжить, какъ голодный волкъ, только озирается и зубами пощелкиваетъ. Не щади звѣря лютаго: тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, Русскіе, вы одни молодцы. Побѣда передъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами“.

За симъ Сила Андреевичъ взвелъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатились изъ нихъ на землю и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали, пролитыми въ теченіе двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами отече-

ства: потомъ онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спасскія ворота домой. — Миръ съ тобой, Сила Андреевичъ! многія тебѣ лѣта здравствовать!

И з ъ А ф и ш ѣ 1812-го г о д а .

Слава Богу! Все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, — и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердный государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты — христоролюбивое воинство. А чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, а они рады съ вами и жить, и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти предъ вами, а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего! нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ. А берегитесь одного — пьяницъ да дураковъ: они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши врасплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ: а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулить фельдмаршалство, нищимъ — золотыя горы, народу — свободу; а всѣхъ ловить за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ не былъ, — за хохоль, да на сѣзжую: тотъ, кто возьметъ, — тому честь, слава и награда: а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣляюсь, хоть пяти пядей будь во лбу: мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку-Москву: а кому-жъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово! А я — вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православный христіанинъ. Вотъ моя и молитва: „Господи, Царю Небесный! продли дни благочестиваго, земнаго царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христоролюбиваго воинства; продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго Креста, и симъ знаменіемъ побѣдиша“.

Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатию; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію: теперь мы равны съ непріателемъ числомъ войскъ. Черезъ два дня у насъ еще прибудетъ 20,000; по наши войска русскія, одинаго закона, одинаго царя, защищаютъ церковь Божию, дома, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріатели

же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ: если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, нехорошо, и побранить есть за что. Два нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпионы: а для этого допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату, русскому; и что за диковина ста человѣкамъ прибить костяного француза, или въ парижѣ окурнаго нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпионъ,—ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія русскимъ; войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненныхъ привезено, они лежатъ въ Головицкомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это—государевы вѣрныя слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣи въ Москву; но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе: возьмите только на три дня хлѣба; идите со крестомъ: возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвый ляжетъ! горе на страшномъ суду, кто отговариваться станетъ!

Торговый Домъ Бр. Башмаковыхъ

Коммисіонеровъ Государственной Типографіи.

Основаніе фирмы, съ 1890 года.

Склады для книгопродавцевъ:

- 1) въ С.-Петербургѣ, Итальянская ул., 31.
- 2) въ Москвѣ, Мясницкая ул., близъ Почтамта, д. № 24.

Книжные магазины:

- 1) въ Казани, Воскресенск. ул. Городской Пассаждь.
- 2) въ Ригѣ, Большая Песочная, д. 12.

Имѣются въ продажѣ собственныя изданія фирмы и изданія, находящіяся на полномъ складѣ:

Анненскій И. Книга отраженій. Проблема Гоголевскаго юмора. — Достоевскій до катастрофы. — Умирающій Тургеневъ. — Три социальных драмы. — Драма настроеній. — Бальмонтъ-лирикъ. Спб. 1906 г., ц. 1 руб.

Адамовъ В. Учебникъ элементарной психологіи. Изд. 2, исправ. и допол. 1-е изд. допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ школъ. Спб. 1906 г., ц. въ колѣнк. переплетѣ 1 р.

Бабенко И. Курсъ коммерческой корреспонденціи съ конспектомъ исторіи и теоріи письма и съ приложеніемъ коммерческой терминологіи. Руководство для коммерческихъ училищъ, торговыхъ школъ, курсовъ бухгалтеріи и корреспондентовъ. Изд. 2, дополн. 1 изд. Уч. Ком. Мин. Фин. допущено въ качествѣ учебнаго руководства для коммерческихъ учебныхъ заведеній, ц. въ переплетѣ 1 р.

Барановъ А. Добрая сѣмена. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ, въ 3-хъ частяхъ: Ч. I, в. 1. Рус. и церков.-слав. букварь. Изд. 21, ц. 10 к. Ч. I, в. 2. Первая послѣ „Букваря“ кн. для чтенія. Изд. 15, ц. 30 к. Ч. II. Вторая послѣ „Букваря“ книга для чтенія. Изд. 14, ц. 40 к. Ч. III, в. 1. Третья послѣ „Букваря“ книга для чтенія. Изд. 9, ц. 60 к. Ч. III, в. 2. Сборникъ духовно-нравств. статей. Изд. 3, ц. 30 к.

— Наше родное. Русскій и цер.-слав. букварь и книга для чтенія въ народ. училищ. съ 3-хъ годичн. курсомъ. Первый годъ обученія. Изд. 67, ц. 25 к. Второй годъ обученія. Изд. 44, ц. 35 к. Третій годъ обученія. Изд. 32, ц. 50 к.

— Книга для чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ, 2 и 3 годъ обученія. Изд. 57, ц. 40 к.

— Разказы изъ русской исторіи, съ рисунками и картами въ текстѣ. Курсъ низш. кл. ср. уч. зав., ц. 60 к.

— Географія Россійской имперіи, съ географическими картами и рисунками въ текстѣ: Курсъ городск. и уѣздн. училищъ. Изд. 25, ц. 40 к.

— и Горѣловъ Н. Тоже. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 22, 70 к.п.

Барановъ А. Руководящія замѣтки для учащихся къ преподаванію родного языка по всѣмъ кн. „Наше родное“. Изд. 12, ц. 25 к.

— Руководство для учителей и учительн. къ препод. родного яз. по „Книгѣ для чтенія“. Изд. 13, ц. 25 к.

— Подробный планъ занятій въ началн. народн. школь, съ 3-хъ годичн. курсомъ, съ указаніемъ для самост. работъ. Изд. 21, ц. 15 к.

Виноградовъ. Литературный вечеръ. Сборникъ поэтическихъ произведеній для чтенія на литературныхъ вечерахъ въ школь и семьѣ, ц. 1 р. 25 к.

Вишневскій Г. Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изд. 27. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. 26 изд. допущено къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ сред. учебн. завед., ц. 35 к.

Вишневскій С. Какъ намъ жить, чтобъ здоровыми быть. Полный курсъ популярной гигиены и краткій курсъ анатоміи и физиологіи человѣка. Съ рисунками. Изд. 4, испр. Спб. 1907 г., ц. 1 р.

Герасовъ Н. Новая русская хрестоматія. Для старшаго класса жен. институтовъ и гимназій Вѣд. учр. Имп. Маріи. Спб. 1907 г., ц. 1 р. 75 к. Учен. Ком. по учрежд. Имп. Маріи рекомендовано.

Гурьновичъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, сгруппированныхъ по типамъ. Изд. 2. 1906. Вып. 1-й, 1-е изд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено къ употребленію въ притогот. клас. сред. учеб. заведен., ц. 20 к. Тоже. Вып. 2-й, ц. 10 к.

— Школьный другъ. Хрестоматія и грамматика въ связи съ уроками правописанія. Курсъ приготовительныхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, ц. 75 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено условно въ приготовительн. классы среднихъ учеб. завед. и въ низшихъ училищахъ.

— Начатки грамматики въ связи съ уроками правописанія, для первыхъ отдѣленій низшихъ училищъ и притогот. клас. ср. уч. зав., ц. 20 к.

Зноско-Боровскій С. А. Законовѣдѣніе, в. 1. Курсъ VII класса мужскихъ гимназій. Изд. 2, ц. въ переплетѣ 80 к.

— Тоже. Вып. 2. Курсъ VIII класса мужскихъ гимназій, ц. въ переплетѣ 80 к.

— Тоже. Вып. 3. Гражданское право - уголовное право - судоустройство и судопроизводство, ц. въ переплетѣ 80 к.

Ислентьевъ В. Курсъ русскаго правописанія для народн. начальныхъ училищъ и школь. Изд. 4-е. К. 1898 г., ц. 30 к.

— Учебникъ русскаго языка для ивородцевъ. Книга для класснаго чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Ч. 1-я для первыхъ двухъ лѣтъ обученія. Изд. 4-е. К. 1908 г., ц. 25 к. Ч. 2-я третій годъ обученія. К. 1903 г., ц. 40 к.

Кюрзень. Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Спб. 1907 г., ц. 1 р.

Курятниковъ. Грамматика для народныхъ училищъ. Изд. 7-е. 1907 г., ц. 25 коп.

Мартыновскій В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школь. Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, 1 и 2 классахъ средне-учебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Томъ I-й съ удареніями. Изд. 21, стереотипное. Спб. 1908 г., ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 40 к.

— Тоже. Томъ 2 съ удареніями. Книга для занятій по отечественному языку въ III и IV классахъ средне-учебныхъ заведеній и въ старшихъ классахъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Изд. 18, стереотипное. Спб. 1908 г., ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 40 к.

— Тоже. Безъ удареній, ц. каждому тому по 1 р. 25 к., въ переплетѣ по 1 р. 40 к.

Томъ 1-й Русскіе писатели въ 14 изданіи и томъ 2-й въ 9 изданіи Ученымъ Ком. Мин. Нар. Пров. допущены въ качествѣ классной хрестоматіи для среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Тоже. Томъ 3. Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ средн. учебн. завед. Изд. 7. Тиф. 1907 г., ц. 1 р. 85 к.

Миловидовъ А. Изъ родной поэзіи. Литературная хрестоматія. Образцы класной разработкы произведеній на урокахъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія. Изданіе 3, заново переработанное дополненное. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 1 р. 25 к.

1 изд. опредѣленіемъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. одобрено для ученическихъ библиотекъ учебныхъ заведеній, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а также бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, Училищнымъ Совѣтомъ при Святейшемъ Синодѣ допущена во второклассныя и церковно-учительскія школы въ качествѣ учебнаго пособия по русскому языку, Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендована для фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Нечаевъ А. Картины родины. Типичные ландшафты Европейской Россіи. Изъ чтеній по отечествовѣдѣнію. Съ 61 рис., ц. 1 р.

— Почва и ея исторія. Изъ чтеній по отечествовѣдѣнію. Съ 30 рис., ц. 60 коп.

Пясецкій Л. Алгебра для среднихъ учебныхъ завед. Части 1 и 2, ц. по 25 к. Части 3 и 4, ц. по 35 к. Часть 5 ц. 50 к.

— Учебникъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній. 4 части. Изд. 2 и 3, ц. каждой части по 25 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. опред. допустить всѣ части въ качествѣ руководства для ср. учеб. завед.

— Методическія указанія къ учебнику ариѳметики, ц. 30 к.

Синовскій В. В. Исторія русской словесности. Ч. 1. вып. 1 (народная словесность), ц. въ переплетѣ 60 к. Изд. 3, исправ. и дополнен. Допущ. Уч. Ком., какъ руководство въ ср. уч. зав.

— Тоже. Ч. 1, вып. 2. Исторія литературы съ XI—XVIII в.в. Изд. 2. Въ переплетѣ, ц. 1 р. Изд. 2. Допущ. Уч. Ком., какъ руководство въ ср. уч. зав.

— Тоже. Часть 2. Съ эпохи Петра до Пушкина. Изд. 2, ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к. Допущ. Уч. Ком., какъ руководство въ ср. уч. зав.

— Тоже. Часть 3, вып. 1. Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій. Спб. 1907 г., ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к. Часть 3 вып. 2—печатается.

— Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Изд. 2, исправленное и дополненное. Томъ 1, вып. 1 и 2 ц. въ переплетѣ по 90 к., вып. 3, ц. въ переплетѣ 80 к.

— Тоже. Томъ 2, въ 5 вып. Вып. 1 и 2 ц. въ переплетѣ по 75 к.

— Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907 г., ц. 3 р. 50 к.

— В. Д. Исторія древней Греціи. (Греческая мифологія). Изд. 4, ц. 75 коп.

Свѣрцовъ И. Записки по педагогикѣ. Ч. 1. Общая педагогика. Изд. 12, ц. въ переплетѣ 1 р. 7-ое изд. допущено Уч. Ком. М. Н. Пр., Уч. Ком. по учр. Импер. Маріи рекомендовано.

— Тоже. Часть 2. Общая дидактика. Изд. 5, ц. въ переплетѣ 80 к.

— Философская пропедевтика. Ч. 1. Психологія примѣнительно къ курсу мужскихъ гимназій, ц. въ коленкор. переплетѣ 65 к. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ качествѣ руководства для ср. уч. зав.

— Русская исторія для стар. классовъ сред. учеб. завед. и самообразованія. Спб. 1907 г., ц. 1 р. 50 к.

Стефановскій И. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 3, ц. 75 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ качествѣ руководства для ср. уч. зав.

На пересылку книгъ слѣдуетъ прилагать 15 коп. на каждый рубль.

Книги высылаются съ наложеннымъ платежомъ.